

СМОТРИТЕ
НОВЫЙ ФИЛЬМ

После
ГЛАВА 2

*После
ссоры*

АННАТОДД

18+

NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

После

Анна Тодд
После ссоры

«ЭКСМО»

2014

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Тодд А.

После ссоры / А. Тодд — «Эксмо», 2014 — (После)

ISBN 978-5-699-79444-7

Книга, которая прочно заняла первые строки в списках бестселлеров по всему миру. Тесс и Хардин такие разные, но они созданы друг для друга. И даже их ссоры, кажется, происходят лишь для того, чтобы понять – та искра, которая проскочила между ними при первой встрече, разгорается все больше. Но разве отношения влюбленных бывают гладкими? Никогда! Вот и Тесс с Хардином вынуждены доказывать свою любовь друг другу и всему миру. Книга содержит бонусную главу.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-79444-7

© Тодд А., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Пролог	8
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	31
Глава 8	34
Глава 9	37
Глава 10	38
Глава 11	39
Глава 12	41
Глава 13	42
Глава 14	45
Глава 15	47
Глава 16	51
Глава 17	55
Глава 18	59
Глава 19	64
Глава 20	68
Глава 21	71
Глава 22	74
Глава 23	79
Глава 24	83
Глава 25	87
Глава 26	89
Глава 27	90
Глава 28	96
Глава 29	98
Глава 30	102
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Анна Тодд

После ссоры

Anna Todd
AFTER WE COLLIDED

Copyright © 2014 by Anna Todd Originally published by Gallery Books, a division of Simon & Schuster Inc.

© Стрепетова М., перевод на русский язык, 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

**А Н Н А
Т О Д Д**

После ссоры

Москва
2020

*С огромной любовью и благодарностью к каждому, кто читает
эту книгу*

Дорогой читатель!

МЫ ВЕРНУЛИСЬ! И у фильма будет продолжение! Вы не представляете, насколько это все нереально, – и все благодаря вам! Без вас «После» не стал бы самым кассовым независимым фильмом 2019 года, без ВАС о нем не узнал бы весь мир!!! Это ваша поддержка помогла нам получить награду «People's Choice Awards» и победить в ТРЕХ номинациях «Teen Choice Awards»! Вы просто лучшие читатели и зрители на свете!

В сиквеле под названием «После ссоры» вы увидите продолжение истории Хардина и Тессы. Мы прислушались к отзывам после первого фильма и постарались снять второй с учетом ваших пожеланий. Надеюсь, он понравится вам так же, как и эта книга (ну или почти так же: P). Я всех вас люблю и не могу дождаться, когда с выходом фильма «После ссоры» мы вновь вместе окунемся в эту увлекательную историю. Скорей бы!;)

А пока хочу сказать всем вам спасибо: в качестве благодарности я написала главу, которую МНОГИЕ из вас давно у меня выпрашивали <3 Если вы еще не прочитали всю серию книг, то **БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ – В ЭТОЙ ГЛАВЕ ВАС ЖДЕТ ОГРОМНЫЙ СПОЙЛЕР**. Если же вы знакомы с этой историей, то приятного чтения <3

Анна

Пролог

ХАРДИН

Я стою на замерзшем асфальте. Меня засыпает снегом, но я этого не чувствую. Я ощущаю лишь дыру в груди. Зед выезжает с парковки, а рядом с ним в машине сидит Тесса. При виде этого я в отчаянии падаю на колени.

Я не мог такого представить; даже в самом ужасном чертовом кошмаре я не мог подумать, что когда-либо почувствую такую боль. Боль потери, как ее называют. Я ни о ком и ни о чем не заботился, никогда не испытывал потребности в том, чтобы кто-то был рядом, чтобы был только моим, не хотел к кому-то так страстно привязываться. Паника – абсолютная и бесконечная чертова паника из-за того, что я потерял ее, – не входила в мои планы. Все должно было быть просто: переспать с ней, получить деньги и утереть нос Зеду. Вполне стандартно. Только все пошло не так. Вместо этого светловолосая девчонка, которая носит длинные юбки и как одержимая составляет длинные списки дел, запала мне в самую душу, и я влюбился в нее так сильно, что сам не мог в это поверить. Я не осознавал, как сильно ее люблю, пока меня не стошнило в раковину, когда я показал своим гребаным друзьям доказательство потерянной девственности. Я ненавидел себя за это, ненавидел каждый миг того дня... но на этом я не остановился.

Я выиграл спор, но потерял то единственное, что делало меня счастливым. И вместе с ним я потерял те крохи доброты, которые она обнаружила во мне. Одежда намокает от снега; мне хочется винить отца за то, он передал мне подобные наклонности; мне хочется винить мать за то, что она слишком долго оставалась с ним и родила такого идиота, как я; мне хочется винить Тессу за то, что она когда-то заговорила со мной. Черт возьми, мне хочется винить всех!

Но я не могу. Я погубил ее и все, что у нас было.

Но я пойду на все что угодно, лишь бы исправить свои ошибки.

Куда она теперь отправится? Смогу ли я ее там найти?

Глава 1

ТЕССА

– Это длилось больше месяца! – всхлипываю я, когда Зед завершает объяснения, как они заключили пари.

Болит живот, и я закрываю глаза в надежде, что боль ослабнет.

– Знаю. Он все придумывал оправдания, просил дать ему больше времени и уменьшить сумму, которую он получил бы в случае выигрыша. Это было странно. Мы все думали, что он просто одержим мыслью о победе – типа хотел что-то нам доказать, – но теперь я все понимаю. – На секунду Зед замолкает, вглядывается в мое лицо. – Он только об этом и говорил. В тот день, когда я позвал тебя в кино, он сорвался. После того как он дал тебе задний ход, он чертовски разозлился на меня и велел мне держаться от тебя подальше. Но я просто перевел все в шутку, потому что думал, что он напился.

– Он... он рассказал тебе про ручей? И про... все остальное? – Задавая этот вопрос, я задерживаю дыхание и вижу в его глазах сочувствие. – О боже! – Я закрываю лицо руками.

– Он рассказал нам все... В смысле, совсем все... – тихо говорит он.

Я ничего не отвечаю и выключаю телефон, который не переставал вибрировать с того момента, как я вышла из кафе. Он не имеет права мне звонить.

– Где теперь твое общежитие? – спрашивает Зед, и я замечаю, что мы добрались до кампуса.

– Я живу не в общежитии. Мы с Хардином... – У меня едва получается закончить предложение. – Он уговорил меня переехать к нему всего неделю назад.

– Не может быть! – удивляется Зед.

– Может. Он настолько... Он просто... – Я запинаясь и не могу подобрать подходящие слова, чтобы описать, как он жесток.

– Я не знал, что все зашло так далеко. Я думал, как только мы увидим... ну, доказательство... то с ним все будет как обычно – каждую ночь новая девушка. Но потом он исчез. Он почти не подходил к нам, если не считать вечера, когда он появился на пристани и попытался уговорить меня и Джейса не рассказывать тебе. Он предложил Джейсу чертову кучу денег, чтобы тот держал рот на замке.

– Предложил денег? – переспрашиваю я.

Ниже Хардин опуститься уже не мог. С каждым новым отвратительным разоблачением пространство внутри грузовичка Зеда кажется мне все теснее.

– Ага. Джейс, конечно, обратил все в шутку и сказал Хардину, что будет помалкивать.

– Но ты не согласился? – спросила я, вспоминая сбитые костяшки пальцев Хардина и синяки на лице Зеда.

– Не совсем... Я сказал ему, что если он сам в ближайшее время тебе не признается, то это сделаю я. По-видимому, эта мысль не пришлась ему по вкусу. – Он показывает на свое лицо. – Если тебе от этого станет легче, то, я думаю, ты действительно важна для него.

– Нет. А если даже так, то это неважно. – Я опираюсь головой о стекло.

Друзья Хардина обсудили каждый поцелуй и каждое прикосновение; каждый миг, который мы провели вместе, он выставил напоказ. Мои самые интимные мгновения. Мои единственные интимные мгновения вовсе мне не принадлежали.

– Хочешь, поедem ко мне? Не то чтобы я назойливый или странный. Просто можешь поспать у меня на диване, пока... все не прояснится, – предлагает Зед.

– Нет. Нет, спасибо. Можно я только возьму твой телефон? Мне нужно позвонить Лэндону.

Зед кивает на телефон, лежащий на приборной панели, и на мгновение мою голову занимают мысли о том, что все было бы по-другому, не сдай я Зеда Хардина тогда, после праздника. Я ни за что не повторила бы свою ошибку.

Лэндон берет трубку на втором гудке и, как я и предполагала, говорит, чтобы я приезжала. Правда, я не рассказала, в чем дело, он просто очень добрый. Я называю Зеду адрес Лэндона, и почти весь остаток пути он молчит.

– Он такое мне устроит, узнав, что я отвез тебя куда угодно, но только не к нему, – наконец произносит он.

– Я бы извинилась за то, что оказалась причиной вашего раздора... но вы, ребята, сами себя в это втянули, – честно отвечаю я.

Все-таки я немного сочувствую Зеду, потому что верю, что его намерения были добрыми – не то что у Хардина, – но мои раны так свежи, что прямо сейчас я не могу об этом думать.

– Я знаю. Если тебе что-нибудь понадобится, звони, – предлагает Зед.

Я согласно киваю и выбираюсь из машины.

Мое дыхание облачками горячего пара прорезает холодный воздух. Правда, холода я не чувствую. Я ничего не чувствую.

Лэндон – мой единственный друг, но он живет в доме отца Хардина. Забавно, ничего не скажешь.

– На улице жутко метет. – Лэндон торопливо впускает меня внутрь. – Где твоё пальто? – шутливо ругает он меня и вздрагивает, как только свет падает мне на лицо. – Что случилось? Что он натворил?

Я осматриваю комнату в надежде на то, что Кен и Карен где-то наверху.

– Что, так заметно? – Я вытираю глаза.

Лэндон обнимает меня, и я снова утираю слезы. У меня не остается никаких сил, ни физических, ни эмоциональных, чтобы рыдать. Это прошло, сейчас уже прошло.

Лэндон приносит стакан воды и говорит:

– Иди в свою комнату.

Получается улыбнуться, но как только я оказываюсь наверху, какой-то извращенный инстинкт заставляет меня идти к двери в комнату Хардина. Когда я это понимаю, боль подбирается так близко, что готова с новыми силами прорваться в сердце, так что быстро разворачиваюсь и иду в комнату в другом конце коридора. Открываю дверь и вспоминаю, как бежала к Хардину ночью, когда услышала, как он кричит во сне, и эти воспоминания сжигают меня изнутри. Неуклюже сажусь на кровать в «своей комнате»; я не знаю, что делать дальше.

Через несколько минут приходит Лэндон и садится рядом со мной. Он пытается продемонстрировать обеспокоенность, но при этом ему, как обычно, не хватает вежливости.

– Хочешь об этом поговорить? – добродушно спрашивает он.

Я киваю. Хотя пересказывать всю эпопею еще больнее, чем узнать о споре, от разговора с Лэндоном мне становится несколько легче; приятно знать, что хотя бы кто-то все это время не знал, как меня унижают.

Слушая меня, Лэндон замирает, будто статуя, так что я даже не могу понять, о чем он думает. Хочу понять, какого он теперь мнения о своем сводном брате. Обо мне. Но когда я заканчиваю рассказ, разъяренный Лэндон вскакивает.

– Поверить не могу! Что с ним, черт возьми, такое? Я только начал думать, что он стал почти... порядочным... и он вытворяет *такое*! Поверить не могу! Это просто кошмар! Поверить не могу, что он поступил так именно с тобой. Зачем ему губить единственное, что у него есть?

Лэндон замолкает, наклоняя голову набок.

И тогда я тоже слышу быстрые шаги вверх по лестнице. Не просто шаги, а безумный топот тяжелых ботинок по деревянным ступенькам.

– Он здесь, – одновременно произносим мы оба, и на долю секунды я действительно задумываюсь, не спрятаться ли мне в шкаф.

Лэндон смотрит на меня очень серьезным, взрослым взглядом.

– Хочешь его увидеть?

Я отчаянно качаю головой из стороны в сторону, а Лэндон подходит к двери в момент, когда внутрь меня проникает голос Хардина:

– Тесса!

Как только Лэндон тянет руку к двери, Хардин врывается внутрь. Он останавливается посреди комнаты, и я встаю с кровати. Не привыкший к такому, ошеломленный Лэндон на мгновение просто столбенеет.

– Тесса, слава богу! Слава богу, ты здесь! – Он вздыхает и проводит рукой по волосам.

От одного его вида мою грудь разрывает боль, я отворачиваюсь и смотрю в стену.

– Тесса, детка. Ты должна выслушать меня. Прошу, просто...

Я молча подхожу к нему. В его глазах загорается надежда, и он протягивает ко мне руки, но когда я прохожу мимо, то чувствую, как эта надежда исчезает.

Вот и хорошо.

– Поговори со мной, – умоляет он.

Но я качаю головой и останавливаюсь рядом с Лэндоном.

– Нет, я никогда больше не буду с тобой говорить!

– Ты же не хочешь сказать, что... – Он подходит ближе.

– Отстань от меня! – кричу я, когда он хватается меня за руку.

Лэндон встает между нами и кладет руку на плечо сводного брата.

– Хардин, тебе лучше уйти.

Стиснув зубы, тот смотрит то на меня, то на Лэндона.

– Лэндон, убирайся отсюда к чертовой матери, – предупреждает он.

Но Лэндон не сдастся, а я знаю Хардина достаточно хорошо, чтобы понять: он обдумывает, какие у него есть варианты и стоит ли ударить Лэндона прямо здесь, у меня на виду.

Вероятно, решив не делать этого, он делает глубокий вдох.

– Прошу... оставь нас на минуту. – Он пытается держать себя в руках.

Лэндон смотрит на меня, видит мольбу в моих глазах и поворачивается к Хардину:

– Она не хочет разговаривать с тобой.

– Нечего тебе решать, чего она хочет! – кричит Хардин и ударяет кулаком в стену; в гипсокартоне остается вмятина, от которой ползет трещина.

Я отскакиваю назад и снова плачу. «Не сейчас, не сейчас», – мысленно повторяю я себе, пытаюсь контролировать эмоции.

– Уходи, Хардин! – кричит Лэндон, и тут в дверях появляются Кен и Карен.

О нет! Мне не стоило сюда приходить.

– Какого черта здесь происходит?

Все молчат. Карен смотрит на меня с сочувствием, а Кен повторяет вопрос.

Хардин с яростью смотрит на отца.

– Я пытаюсь поговорить с Тессой, а Лэндон сует свой нос в чужие дела!

Кен смотрит на Лэндона, затем на меня.

– Что ты натворил, Хардин?

Его тон сменился с обеспокоенного на... сердитый? Не понимаю.

– Ничего! Твою мать! – Хардин трясет кулаками в воздухе.

– Он все испортил – вот что он натворил, и теперь Тессе некуда пойти, – вводит их в курс дела Лэндон.

Я хочу что-то сказать, но не имею понятия, что именно.

– Ей есть куда пойти, она может пойти домой. Туда, где ей место... со мной, – говорит Хардин.

– Все это время Тесса была для Хардина игрушкой – он ужасно с ней поступил! – выпаливает Лэндон, и Карен, открыв рот от удивления, подходит ближе ко мне.

Я будто сжимаюсь в комок. Никогда в жизни я не чувствовала себя такой маленькой и незащищенной. Я не хотела, чтобы Кен и Карен узнали... Но это, наверное, не так уж важно, ведь теперь они точно не захотят меня больше видеть.

– Ты хочешь пойти с ним? – Кен прерывает мои грустные мысли.

В ответ я качаю головой.

– Ну, я тебя здесь не оставляю, – резко выдает Хардин.

Он подходит ко мне, и я отшатываюсь в сторону.

– Думаю, тебе лучше уйти, Хардин, – Кен удивляет меня своими словами.

– Что, прости? – Лицо Хардина приобретает тот темно-красный оттенок, который может означать только гнев. – Тебе повезло, что я вообще прихожу в этот дом, – и ты посмеешь выставить меня за порог?

– Я рад тому, какие у нас с тобой отношения, сын, но сегодня тебе придется уйти.

Хардин трясет кулаками в воздухе.

– Какая чушь, да что она для тебя значит?

Кен поворачивается ко мне, затем снова смотрит на сына.

– Как бы ты с ней ни поступил, надеюсь, оно стоило того, чтобы потерять единственное, что было хорошего в твоей жизни, – говорит он, опустив взгляд.

Не знаю, подействовали ли на него шокирующие слова Кена или же гнев просто достиг своего пика и схлынул, но Хардин вдруг затихает, бросает на меня короткий взгляд и выходит из комнаты. Мы все молчим и прислушиваемся к его мерным шагам по лестнице.

Когда в наступившей тишине громко хлопает дверь, я поворачиваюсь к Кену и начинаю плакать.

– Простите меня. Я лучше пойду. Я не хотела, чтобы все так вышло.

– Нет, оставайся, сколько захочешь. Мы всегда тебе рады, – говорит Кен, и они с Карен оба меня обнимают.

– Я не хотела портить ваши отношения.

Из-за того, что Кену пришлось выставить из дома собственного сына, я чувствую себя ужасно.

Карен берет меня за руку и пожимает ее. Кен кажется усталым и раздраженным.

– Тесса, я люблю Хардина, но, думаю, мы оба понимаем: без тебя портить было бы нечего, – говорит он.

Глава 2

ТЕССА

Я торчу в ванной так долго, как только могу. Струи воды окутывают тело. Я хотела, чтобы она очистила меня, взбодрила, но горячий душ не помог мне расслабиться, как бы я на это ни надеялась. Не представляю, сможет ли что-то усмирить эту боль внутри меня. Она кажется бесконечной. Постоянной. Будто во мне живет какое-то существо, но вместе с тем внутри меня растет дыра и становится все больше.

– Мне ужасно стыдно из-за трещины в стене. Я предложила Кену заплатить за ремонт, но он отказался, – говорю я Лэндону, расчесывая мокрые волосы.

– Не беспокойся об этом. Тебе сейчас и так непросто. – Лэндон хмурится и поглаживает меня по спине.

– Не понимаю, как я дошла до жизни такой. – Я смотрю перед собой, не желая встречаться взглядом со своим лучшим другом. – Три месяца назад все было по-другому. У меня был Ной, который никогда так бы со мной не поступил. У меня были близкие отношения с матерью, и я во всех подробностях представляла, какой будет моя дальнейшая жизнь. А теперь у меня ничего нет. Совсем ничего. Я даже не знаю, пойду ли теперь на стажировку, ведь Хардин тоже там будет... А еще он может убедить Кристиана Вэнса меня уволить, просто потому, что он на это способен. – Я хватаю подушку и с силой ее сжимаю. – Ему нечего было терять в отличие от меня. Я дала ему все. До встречи с ним моя жизнь была проста и ясна. Теперь... после этого... это просто... после.

Лэндон удивленно смотрит на меня.

– Тесса, ты не можешь отказаться от стажировки, он и так многое у тебя отнял. Не позволяй ему отнять и это, прошу. – Он почти умоляет. – Эта «жизнь после» без него хороша тем, что ты можешь делать все что захочешь, можешь начать все сначала.

Я понимаю, что Лэндон прав, но все не так просто. Сейчас все в моей жизни связано с Хардином, даже цвет моей дурацкой машины. Каким-то образом он стал нитью, связывающей все существование, и когда эта нить порвалась, мне достались лишь обрывки того, что когда-то было моей жизнью.

Я сдаюсь и слабо киваю Лэндону. Он слегка улыбается мне и говорит:

– Тебе надо отдохнуть.

Он обнимает меня и собирается выйти из комнаты.

– Как думаешь, это когда-нибудь прекратится? – спрашиваю я, и он оборачивается.

– В смысле?

Я почти шепчу:

– Эта боль.

– Не знаю... Правда, мне хотелось бы думать, что это так. Время лечит... почти все раны, – отвечает он и то ли хмурится, то ли улыбается, изо всех сил стараясь меня утешить.

Я не знаю, сможет ли время излечить меня. Знаю только, что не переживу, если оно с этим не справится.

Уверенный в своем замысле и все же, как всегда, вежливый, на следующее утро Лэндон вытаскивает меня из кровати, чтобы я не пропустила стажировку. Я наспех пишу записку Кену и Карен, в которой благодарю их и снова извиняюсь за дыру, проделанную Хардином в стене.

Лэндон молча ведет машину и то и дело поглядывает на меня, пытаясь подбодрить меня улыбкой и воодушевляющими девизами. Но я по-прежнему чувствую себя отвратительно.

Как только мы заезжаем на парковку, меня опять посещают воспоминания. Хардин стоит на коленях в снегу. Зед рассказывает про спор. Я быстро открываю свою машину и забираюсь внутрь, чтобы спрятаться от холодного воздуха. Увидев свое отражение в зеркале, я съеживаюсь. Под глазами, все еще красными от слез, дополняя мой образ, набухли темные круги, как из фильма ужасов. Мне точно понадобится больше косметики, чем я предполагала.

Отправившись в «Уолмарт», единственный магазин поблизости, открытый в такой час, покупаю все необходимое, чтобы замаскировать мои чувства. Но у меня не хватает сил, чтобы старательно наложить макияж, так что вряд ли теперь я выгляжу лучше.

Вот доказательство: я приезжаю в «Вэнс», и, увидев меня, Кимберли открывает рот от удивления. Я пытаюсь выдавить из себя улыбку, но она вскакивает из-за стола.

– Тесса, дорогая, ты в порядке? – с тревогой спрашивает она.

– Я так плохо выгляжу? – Я слабо пожимаю плечами.

– Нет, конечно, нет, – врет она. – Просто ты кажешься...

– Измученной. Потому что так и есть. Экзамены меня добились, – говорю я ей.

Она кивает и добродушно улыбается, но я спиной чувствую ее взгляд – Кимберли провожает меня глазами до двери кабинета в самом конце коридора. День тянется бесконечно долго, но около полудня ко мне стучит мистер Вэнс.

– Здравствуй, Тесса, – улыбается он.

– Здравствуйте, – выдавливаю я.

– Я просто хотел зайти и сказать, что твоя работа меня впечатляет. – Он тихо смеется. – Ты выполняешь задания лучше и внимательнее, чем большинство штатных сотрудников.

– Спасибо, это много для меня значит, – отвечаю я, а внутренний голос напоминает, что стажировку я получила только благодаря Хардину.

– В связи с этим я хотел бы пригласить тебя в эти выходные на конференцию в Сиэтл. Обычно там достаточно скучно, но это ведь мир цифровых публикаций, «веяния будущего» и все такое. Ты встретишься с разными людьми, узнаешь много нового. Через несколько месяцев я открываю второй филиал в Сиэтле, и мне самому надо там кое с кем увидеться, – улыбается он. – Ну, что скажешь? За все платит компания, выезжаем в пятницу днем, и я буду рад, если Хардин тоже поедет. Не на конференцию, а в Сиэтл, – объясняет он с хитрой ухмылкой.

Если бы он только знал, что происходит!

– Конечно, я хотела бы поехать. Большое спасибо, что пригласили меня! – говорю я, не в силах сдержать радость и внезапное облегчение от того, что наконец-то в моей жизни происходит что-то хорошее.

– Отлично! Я попрошу Кимберли предоставить тебе подробную информацию и объяснить, какие счета нужно будет подготовить... – Он продолжает говорить, но я уже ухожу в свои мысли.

Идея о поездке слегка облегчает мою боль. Я буду вдалеке от Хардина, но при этом Сиэтл теперь почему-то напоминает мне о том, что мы хотели туда съездить. Он оставил след в каждой частичке моей жизни во всем штате Вашингтон. Я чувствую, как стены кабинета сжимаются, как в комнате становится душно.

– С тобой все в порядке? – обеспокоенно хмурится мистер Вэнс.

– Ну да, я просто... Я сегодня ничего не ела и плохо спала ночью, – говорю я.

– Тогда иди, можешь закончить работу дома, – предлагает он.

– Не стоит...

– Нет, отправляйся домой. Сидя в офисе, ты не поправишься. Мы тут справимся, – убеждает Вэнс, затем уходит, помахав на прощание рукой.

Я собираю вещи, захожу в туалет, чтобы посмотреться в зеркало – ага, вид по-прежнему ужасный, – и уже почти захожу в лифт, когда меня окликает Кимберли.

– Уходишь домой? – спрашивает она, и я киваю в ответ. – Кстати, Хардин не в настроении, так что будь осторожна.

– Что? Откуда ты знаешь?

– Он только что обложил меня проклятиями за то, что я не соединила его с тобой. – Она улыбается. – Даже после десятого звонка. Я подумала, что если ты хотела бы с ним поговорить, то он дозвонился бы на мобильный.

– Спасибо, – благодарю я, молча радуясь ее наблюдательности.

Голос Хардина по телефону заставил бы комок боли в моей груди разрастись еще больше.

Мне удастся добраться до машины до очередного срыва. Кажется, что когда меня ничто не отвлекает, когда я остаюсь наедине со своими мыслями и воспоминаниями, боль только усиливается. А еще когда я вижу пятнадцать пропущенных звонков от Хардина и десять сообщений, которые не стану читать.

Успокоившись достаточно, чтобы вести машину, я делаю то, чего так боялась: звоню матери.

Она отвечает после первого гудка.

– Да?

– Мама! – всхлипываю я.

Странно это говорить, но прямо сейчас мне требуется ее поддержка.

– Что он сделал?

Все сразу же задают мне этот вопрос, и я понимаю, насколько явно опасным казалось всем влияние Хардина и насколько я была слепа.

– Я... он... – У меня не получается выразить свои мысли. – Можно я приеду домой, всего на один день? – спрашиваю я.

– Конечно, Тесса. Увидимся через два часа, – отвечает она и вешает трубку.

Ее реакция оказалась лучше, чем я ожидала, но не такой доброжелательной, как я надеялась. Жаль, что моя мать не такая любящая, как Карен, которая принимает тебя со всеми твоими недостатками. Жаль, что она не могла смягчиться и хотя бы ненадолго дать мне почувствовать, каково это – иметь заботливую и нежную маму.

Выехав на шоссе, выключаю телефон, чтобы не наделать глупостей – например не прочитать сообщения от Хардина.

Глава 3

ТЕССА

Ехать по знакомой дороге к дому, где я выросла, очень легко – никаких серьезных раздумий. Я заставляю себя выдавливать наружу каждый крик – то есть действительно кричать как можно громче, до хрипа, – пока не доберусь до родного города. Это оказывается намного сложнее, чем я думала, особенно потому что кричать мне не хочется. Мне хочется расплакаться и исчезнуть. Я бы отдала что угодно, лишь бы вернуться в первый день моей учебы в университете: я бы послушалась маму и сменила комнату. Мама волновалась, считая, что Стеф плохо на меня повлияет; но могли ли мы подумать, что беду принесет грубоватый светловолосый парень? Что он заберет у меня все и перевернет жизнь с ног на голову, разорвав сердце на мелкие кусочки, разлетевшиеся на ветру, а затем позволит своим друзьям растоптать мою гордость.

Все это время я находилась в двух часах езды от дома, но после всего случившегося это расстояние казалось намного больше. Я не приезжала сюда с тех пор, как уехала в университет. Если бы не Ной, с которым я рассталась, я бы наведалась в родной город уже много раз. Проезжаю мимо его дома и заставляю себя не отрывать взгляд от дороги.

Я подъезжаю к дому и выскакиваю из машины. Подхожу к двери и не понимаю, надо ли мне постучать. Удивительно, но и входить без стука теперь тоже не очень удобно. Почему после моего отъезда все так изменилось?

Решаю просто войти. Вижу маму. Она стоит возле коричневого кожаного дивана – накрашенная, одетая и на каблуках, будто на выход. Кажется, здесь все по-прежнему: чистота и идеальный порядок. Единственное отличие в том, что дом кажется меньше – может, потому что я привыкла к простору у Кена. Конечно, снаружи родительский дом кажется маленьким и невзрачным, но внутри он красиво отделан: ведь мама всегда старалась скрыть огрехи своего брака с помощью ярких красок, цветов и внимания к чистоте. Она делала так и после того, как ушел отец, ведь к тому времени, мне кажется, это уже превратилось в привычку. В доме тепло, я чувствую знакомый запах корицы. Мама всегда обожала аромалампы и поставила их в каждой комнате. Разуваюсь у входа, зная, что маме не понравится, если я пройду по отполированному деревянному полу в мокрых от снега ботинках.

– Хочешь кофе, Тереза? – спрашивает она и только потом обнимает меня.

Кофеиновая зависимость у меня от матери, и осознание этой связи между нами заставляет меня слегка улыбнуться.

– Да, спасибо.

Иду за ней на кухню и сажусь за небольшой стол, не зная, с чего начать.

– Так ты расскажешь мне, что случилось? – напрямую спрашивает мама.

Я делаю глубокий вдох, затем глоток кофе и лишь после этого отвечаю:

– Мы с Хардином расстались.

Ее лицо не выражает никаких эмоций.

– Из-за чего?

– Ну, он оказался не тем, кем я его представляла, – отвечаю я.

Пытаюсь забыть о боли и подготовиться к ответу матери, обхватывая обжигающую кружку кофе обеими руками.

– И кем ты его представляла?

– Человеком, который меня любит. – Не знаю, кем я считала его помимо этого – самого по себе, как личность.

– И теперь ты так не думаешь?

– Нет, я знаю, что это не так.

– Почему ты так уверена? – спокойно спрашивает она.

– Потому что я доверилась ему, а он меня предал самым ужасным образом.

Понимаю, что упускаю многие детали, но по-прежнему чувствую, что мне почему-то хочется защитить Хардина от осуждения моей матери. Я ругаю себя за эту глупость, за то, что вообще могла об этом подумать, когда он ни за что не пошел бы на такое ради меня.

– Тебе не кажется, что об этом стоило подумать прежде, чем переехать к нему?

– Да, я все понимаю. Давай, скажи, какая я дура, скажи, «я же тебе говорила», – отвечаю я.

– Я действительно тебе говорила, я предупреждала тебя о таких парнях. От таких мужчин, как он или твой отец, лучше держаться подальше. Я рада только, что все закончилось, едва начавшись. Люди ошибаются, Тесса. – Она отпивает кофе; на кружке остается след от розовой помады. – Уверена, он тебя простит.

– Кто?

– Ной, кто же еще.

Да как можно этого не понять? Мне просто нужно поговорить с ней, нужно, чтобы она меня поддержала, а не заставляла вернуться к Ное. Я поднимаюсь, смотрю на нее, обвожу взглядом кухню. Она это серьезно? Не может быть.

– Если у меня не вышло с Хардином, это еще не значит, что я собираюсь опять встречаться с Ноем! – резко отвечаю я.

– Почему бы и нет? Тесса, ты должна быть благодарна за то, что он готов дать тебе второй шанс.

– Что? Ты когда-нибудь это прекратишь? Я не хочу сейчас ни с кем встречаться, особенно с Ноем.

Я готова рвать на себе волосы. Или на ней.

– Что ты имеешь в виду под «особенно с Ноем»? Как ты можешь так о нем говорить? С самого детства он к тебе – со всей душой.

Я вздыхаю и снова сажусь.

– Я знаю, мама, Ной очень мне дорог. Но не в этом смысле.

– Ты даже не понимаешь, о чем говоришь. – Она встает и выливает остатки своего кофе в раковину. – Любовь – не всегда главное, Тереза. Главное – стабильность и благополучие.

– Мне всего восемнадцать, – говорю я.

Мне не хочется представлять, что я буду встречаться с нелюбимым лишь ради стабильности. Я хочу сама добиться этого для себя. Мне нужно любить кого-то, и чтобы этот кто-то любил меня.

– Почти девятнадцать. Если ты не будешь осторожна сейчас, то потом никому не будешь нужна. А теперь иди поправь макияж, потому что Ной должен прийти с минуты на минуту, – заявляет мама и выходит из кухни.

Не стоило мне искать здесь поддержки. Лучше бы я весь день проспала в машине.

Как и было сказано, Ной приходит через пять минут, хотя это вовсе не побуждает меня позаботиться о внешнем виде. Увидев, как он заходит на нашу небольшую кухню, чувствую себя еще более униженной, хотя даже не думала, что такое возможно.

Он улыбается своей идеальной приветливой улыбкой.

– Привет.

– Привет, Ной, – отвечаю я.

Он подходит ближе, и я встаю, чтобы обнять его. От него исходит тепло и приятный запах – таким я его и запомнила.

– Твоя мама мне позвонила, – говорит он.

– Знаю. – Я пытаюсь улыбнуться. – Прости, что она продолжает втягивать тебя в это. Не понимаю, зачем ей это надо.

– Зато я понимаю. Она хочет, чтобы ты была счастлива, – защищает он маму.

– Ной... – предупреждаю я.

– Она не знает, кто действительно сделает тебя счастливой. Она хочет, чтобы это был я, но это не так. – Он слегка пожимает плечами.

– Прости.

– Тесс, перестань извиняться. Я просто хочу убедиться, что у тебя все в порядке, – убеждает он меня и снова обнимает.

– У меня не все в порядке, – признаюсь я.

– Это заметно. Хочешь об этом поговорить?

– Не знаю... Ты уверен, что не против? – Я не хочу снова причинять Ную боль, заводя разговор о парне, ради которого я его бросила.

– Все нормально, – отвечает он и наливает себе стакан воды, а потом садится напротив меня.

– Хорошо... – отвечаю я и рассказываю ему практически все.

Я не упоминаю лишь интимных деталей, касающихся секса. Хотя они уже больше неинтимные, но для меня это все равно личное. Я все еще не могу поверить, что Хардин рассказал друзьям обо всем, чем мы с ним занимались... и это самое ужасное. Он показал своим друзьям простыню в доказательство, но что еще хуже – он говорил, что любит меня, и занимался со мной любовью, а после, по-видимому, пошел к друзьям и высмеял с ними все то, что произошло между нами.

– Я ожидал, что он причинит тебе боль, только не знал, насколько это будет серьезно, – говорит Ной. Я вижу, что он сердится: странно видеть его гнев, ведь обычно он такой спокойный и собранный. – Ты слишком хороша для него, Тесса, – он просто подонок.

– Не могу поверить, что была такой глупой, что я от всего отказалась ради него. Но самое страшное чувство в мире – это любить кого-то, кто не любит тебя.

Ной берет стакан и вертит его в руках.

– Уж я-то знаю, – спокойно произносит он.

Я готова растерзать себя за то, что сейчас сказала, что сказала это ему. Хочу извиниться, но Ной перебивает меня прежде, чем я успеваю открыть рот.

– Все в порядке. – Он тянется к моей руке и проводит по ней пальцем.

Боже, я бы действительно хотела любить Ноя! С ним я была бы намного счастливее, а он никогда не поступил бы со мной так, как Хардин.

Ной рассказывает мне обо всем, что случилось после моего отъезда, но новостей накопилось не так уж много. Он собирается учиться в Сан-Франциско, а не в Центральном вашингтонском, и я чувствую, что благодарна ему за это. Хотя что-то хорошее принесло наше расставание: мотивацию, необходимую для того, чтобы Ной выбрался из Вашингтона. Он рассказывает все, что успел узнать о Калифорнии, и когда он уходит, солнце уже катится к закату – и я понимаю, что мама все это время провела в своей комнате.

Я выхожу на задний двор и иду к оранжерее, где часто играла в детстве. Вглядываясь в свое отражение в стекле, вижу, что почти все растения и цветы внутри этого маленького сооружения погибли, да и вообще там царит полный беспорядок – и сейчас это кажется вполне естественным.

Мне так много нужно сделать, так много узнать. Надо найти жилье и как-то забрать свои вещи из квартиры Хардина. Я всерьез подумывала оставить все там, но так не пойдет. У него вся моя одежда и, что самое главное, все мои учебники.

Достав телефон из кармана, включаю его и тут же вижу, что папка с входящими сообщениями переполнена, а кроме этого, мигает значок голосовой почты, слушать которую я не стану. Я быстро просматриваю список сообщений, обращая внимание лишь на имя отправителя – все, кроме одного, от Хардина.

Кимберли написала: «Кристиан просил передать, чтобы завтра ты оставалась дома – на первом этаже будут делать ремонт, и мы все равно уйдем уже в обед, так что можешь не приходить. Звони, если что-нибудь понадобится. Целую».

Новость о завтрашнем выходном становится огромным облегчением. Мне нравится стажировка, но я теперь подумываю перевестись в другой университет – может, даже в другом штате. Наш кампус не такой уж большой, так что вряд ли у меня получится избегать Хардина и его друзей, а я не хочу, чтобы мне постоянно напоминали об этих отношениях. Ну, это я думала, что это были отношения.

Когда я захожу обратно в дом, мои руки и лицо уже онемели от холода. Мама сидит в кресле и читает журнал.

– Я могу остаться на ночь? – спрашиваю я.

Она бросает на меня короткий взгляд.

– Да. А завтра мы подумаем, как тебе заселиться назад в общежитие, – говорит она, а затем возвращается к чтению.

Понимая, что больше от нее ничего ждать не стоит, я поднимаюсь в свою бывшую комнату, где после моего отъезда ничего не изменилось. Мама все оставила на своих местах. Мне даже не хочется смывать макияж перед сном. Как бы это ни было сложно, я заставляю себя заснуть, и мне снится время, когда моя жизнь была лучше. До моей встречи с Хардином.

Я просыпаюсь посреди ночи от телефонного звонка. Но я не отвечаю и лишь удивляюсь: неужели Хардину совсем не спится?

На следующее утро перед уходом мама сообщает мне, что она позвонила в университет и уговорила их снова дать мне комнату в общежитии, в другом здании, подальше от прежнего. Я решаю вернуться в кампус и уезжаю, но все же отправляюсь в его квартиру – и быстро сворачиваю на нужную дорогу, чтобы не успеть передумать.

Подъехав к зданию, я внимательно осматриваю стоянку в поисках машины Хардина – проверяю дважды. Убедившись, что его нет, я паркуюсь и спешу по заснеженной дорожке к подъезду. Уже в холле я понимаю, что мои джинсы намокли и я продрогла. Я пытаюсь думать о чем угодно, только не о Хардине, но это оказывается невозможным.

Хардин должен был сильно ненавидеть меня, чтобы пойти на такую крайность: заставить меня переехать в квартиру, в которой я жила вдалеке от всех своих знакомых. Наверное, сейчас он очень гордится тем, что сумел причинить мне столько боли.

Пока я нащупываю ключи перед дверью в нашу квартиру, меня накрывает волна паники, едва не сбивая с ног.

Когда это прекратится? Или хотя бы утихнет?

Сразу отправляюсь в спальню и достаю из шкафа сумки, в которые небрежно бросаю всю свою одежду. Мой взгляд останавливается на прикроватном столике, где стоит небольшая фотография в рамке: мы с Хардином улыбаемся. Это фото сделали перед свадьбой Кена.

Жаль, что это был сплошной обман. Тянусь к столику, хватаю рамку и бросаю на пол. Стекло разбивается на мелкие кусочки. Я перепрыгиваю через кровать и поднимаю фотографию, а затем разрываю ее на кусочки и не сразу понимаю, что все это время меня душат рыдания.

Я собираю книги, складываю их в пустую коробку и мимоходом прихватываю «Грозовой перевал» – это книга Хардина, но он обойдется и без нее. После всего, что он забрал у меня, я могу взять у него хоть это.

В горле першит, и я иду на кухню, чтобы выпить воды. Сажусь за стол и на мгновение позволяю себе вообразить, что ничего не случилось. Притвориться, что следующие дни я проведу не в одиночестве, а в ожидании Хардина – скоро он вернется с занятий, улыбнется и скажет, что любит меня, что скучал по мне весь день. Затем он поднимет меня и посадит на стол, потом поцелует, страстно и нежно...

Хлопает дверь, и этот звук вырывает меня из моих жалких мечтаний. Я вскакиваю, как раз когда внутрь входит Хардин. Он не видит меня, потому что глядит назад, через плечо.

На брюнетку в черном вязаном платье.

– Ну вот и... – начинает он и замолкает, заметив на полу мои сумки.

Я замираю, а он обводит взглядом всю квартиру и наконец смотрит в кухню, где стою я. Изумленно вытупляет глаза.

– Тесс? – Его голос звучит так, будто он не уверен в том, что я действительно существую.

Глава 4

ТЕССА

Выгляжу я отвратительно. На мне мешковатые джинсы и свитер, макияж не смыт со вчерашнего дня, волосы спутались. Я смотрю на девушку, которая стоит позади него. Ее шелковистые каштановые волосы распущены и волнами спадают по спине. Она чуть накрашена, но макияж выглядит идеально, ведь она – из тех девушек, которым вообще не нужна косметика. Конечно, она именно такая.

Это так унижительно, что мне хочется провалиться сквозь землю и не попадаться на глаза этой прекрасной девушке.

Когда я поднимаю одну из своих сумок, Хардин, кажется, вспоминает, что он пришел не один, и он бросает на брюнетку взгляд.

– Тесса, что ты здесь делаешь? – спрашивает он. Я стираю макияж с глаз, а он обращается к своей спутнице: – Можешь оставить нас на минутку?

Она смотрит на меня, затем кивает и выходит в коридор.

– Не могу поверить, что ты здесь, – говорит он и заходит на кухню.

Он снимает куртку, и простая белая футболка задирается, обнажая загорелый торс. Болезненно искривленные ветви мертвого дерева, набитого у него на животе, будто насмеются надо мной. Просят дотронуться. Мне очень нравится это тату, оно лучшее из всех, что у него есть. Только теперь я замечаю связь между ним и этим деревом. Они оба бесчувственны, оба одиноки. Но у дерева, по крайней мере, есть надежда когда-нибудь снова расцвести. У Хардина – нет.

– Я... я уже собиралась уходить, – выдавливаю я.

Он выглядит таким идеальным, таким красивым. Прекрасным источником моих бед.

– Прошу, дай мне все объяснить, – умоляет он, и я замечаю, что круги у него под глазами еще страшнее, чем мои.

– Нет. – Порываюсь взять сумки, но он выхватывает их и бросает на пол.

– Две минуты, больше я ничего не прошу, Тесс.

Две минуты наедине с Хардином – это слишком долго, но понимаю, что этот последний разговор нужен для того, чтобы я могла двигаться дальше. Я вздыхаю и сажусь, пытаюсь сдерживать любые эмоции, которые могли бы выдать мое истинное состояние. Хардин явно удивлен, но тут же садится напротив меня.

– А ты быстро оправился, – спокойно говорю я, кивая в сторону двери.

– Что? – переспрашивает Хардин, а потом, кажется, вспоминает о брюнетке. – Она работает со мной. Внизу ее ждет муж с маленькой дочкой. Они ищут новое жилье, так что она хотела посмотреть нашу... эту квартиру.

– Ты переезжаешь? – спрашиваю я.

– Если ты останешься, то нет, но мне нет смысла жить здесь без тебя. Я просто думаю, какие у меня есть варианты.

Чувствую некоторое облегчение, но враждебно настроенная часть меня замечает: если он не спит с этой брюнеткой – это еще не значит, что скоро он не переспит с кем-нибудь еще. Я не обращаю внимания на грусть, которая наваливается на меня, когда Хардин говорит о своем переезде, хотя меня при этом здесь точно не будет.

– Ты думаешь, я смог бы привести кого-то в нашу квартиру? Прошло всего два дня – ты считаешь меня способным на это?

Смелости у него не отнять.

– Да! Теперь, конечно, считаю! – со злобой киваю я.

Его лицо вспыхивает болью. Но мгновение спустя он просто вздыхает, сдавшись.

– Где ты вчера ночевала? Я пошел к отцу, но тебя там не было.

– У матери.

– Вот как. – Он опускает взгляд. – У вас все наладилось?

Я смотрю прямо ему в глаза – поверить не могу, что у него хватает наглости спрашивать о моей семье.

– Это уже не твое дело.

Он тянется ко мне, но замирает.

– Я так скучаю по тебе, Тесса.

Я снова начинаю задыхаться, но потом вспоминаю, как искусно он умеет врать. Я отворачиваюсь.

– Ну конечно.

Несмотря на вихрь эмоций, я не позволю себе расплакаться прямо перед ним.

– Я правда скучаю, Тесса. Я знаю, что серьезно облажался, но я тебя люблю. Ты нужна мне.

– Просто замолчи, Хардин. Не трать зря свое время и силы. Теперь ты меня не обманешь. Ты получил что хотел – так почему бы тебе на этом не остановиться?

– Потому что я не могу. – Он хочет взять меня за руку, но я отдергиваю ее. – Я люблю тебя. Мне нужно, чтобы ты дала мне шанс исправиться. Ты нужна мне, Тесса. Ты нужна мне. И я тоже нужен тебе...

– Нет, вообще-то, не нужен. Пока не появился ты, моя жизнь была отличной.

– Отличной не значит счастливой, – говорит он.

– «Счастливой»? – усмехаюсь я. – И что же, теперь я, по-твоему, счастлива?

Он еще смеет заявлять, что мое счастье зависит от него!

Но я была счастлива с ним. Очень счастлива – когда-то.

– Ты не можешь просто взять и сказать, что не веришь моим словам, не веришь, что я тебя люблю.

– Я знаю, что это не так, для тебя это была всего лишь игра. Я влюбилась в тебя, а ты меня использовал.

Его глаза наполняются слезами.

– Прошу, позволь доказать, что я люблю тебя. Я сделаю все что угодно, Тесса. Все.

– Ты уже достаточно доказал мне, Хардин. И я сижу сейчас здесь лишь потому, что должна выслушать тебя, чтобы моя жизнь двигалась дальше.

– Я не хочу, что твоя жизнь двигалась дальше, – говорит он.

Я резко выдыхаю.

– Не важно, чего хочешь ты. Важно то, что ты причинил мне боль.

Его голос звучит слабо и надтреснуто.

– Ты говорила, что никогда меня не бросишь.

Когда он становится таким, я за себя не отвечаю. Я не хочу, чтобы его боль контролировала меня, сбивала с толку.

– Я говорила, что не брошу тебя, если на то не будет повода. Но ты дал мне его.

Теперь я прекрасно понимаю, почему его всегда так волновало, что я могу уйти. Я думала, это что-то вроде навязчивого стремления угодить мне, но я ошибалась. Так ошибалась! Он знал, что как только я узнаю, то сразу же от него уйду. И сейчас я должна была уйти. Я оправдывала его тем, что в детстве он прошел через множество трудностей, но теперь я начинаю понимать, что об этом он тоже врал. Врал обо всем.

– Я больше не могу. Я верила тебе, Хардин. Я доверяла тебе всей душой – полагалась на тебя, любила тебя, – а все это время ты меня использовал. Ты хоть представляешь, как я себя чувствую? Все вокруг смеялись за моей спиной, унижали меня, и ты в том числе – человек, которому я доверяла больше всех.

– Я знаю, Тесса, знаю. Я не могу выразить, как сожалею. Я не знаю, какого черта вообще придумал этот спор. Я думал, все будет просто... – Он говорит, и его руки дрожат. – Я думал, ты всего лишь переспшишь со мной, и на этом все кончится. Но ты была такой своевольной и такой... загадочной, что я непрестанно думал о тебе. Я сидел у себя в комнате и придумывал поводы увидеться с тобой, пусть даже для того, чтобы поругаться. После прогулки у ручья я знал, что дело уже не просто в споре, но не мог признаться себе в этом. Я боролся с собой и беспокоился о своей репутации – знаю, это полный бред, но я стараюсь быть честным. И когда я рассказал всем про то, что между нами было, я не стал говорить, чем именно мы занимались вместе... я не мог так поступить с тобой, даже в самом начале. Я просто придумывал всякую фигню, на которую они покупались.

Несколько слезинок капаят из моих глаз, и он наклоняется ко мне, чтобы стереть их. Я не успеваю отодвинуться, и его касание обжигает мою кожу. Я изо всех сил стараюсь не прилечь к его ладони.

– Я не могу видеть тебя такой, – бормочет он. Я закрываю глаза и открываю их снова, отчаянно надеясь остановить слезы. Я молчу, а он продолжает: – Клянусь, я начал рассказывать Нэту и Логану про ручей, но понял, что это меня только злит – и даже вызывает ревность из-за того, что они могут узнать, что мы с тобой делали... что ты со мной почувствовала, так что я сказал, что ты... в общем, сочинил всякую ерунду.

Я понимаю, что его ложь о том, чем мы занимались, ничуть не лучше того, если бы он рассказал им правду. Но почему-то чувствую облегчение, узнав, что только мне и Хардину известно, что произошло между нами, какими были наши самые интимные моменты.

Но этого все равно недостаточно. И опять же, может, он и сейчас мне врет – как знать? – а я уже успела поверить. Да что со мной такое, черт возьми?

– Даже если я поверю в это, я тебя не прощу, – говорю я.

Я сдерживаю слезы, а он обхватывает голову руками.

– Ты меня не любишь? – спрашивает он, глядя на меня сквозь пальцы.

– Люблю, – признаюсь я.

Искреннее признание тягостно повисает в воздухе. Хардин опускает руки и смотрит на меня так, что я начинаю жалеть о сказанном. Хотя это правда. Я люблю его. Люблю слишком сильно.

– Тогда почему ты не можешь меня простить?

– Потому что этому нет прощения. Ты не просто соврал мне, ты затащил меня в постель, чтобы выиграть спор, – а потом показал друзьям простыню, испачканную кровью. Как такое можно простить?

Он убирает руки от лица, в его ярко-зеленых глазах я вижу отчаяние.

– Я затащил тебя в постель, потому что я тебя люблю! – говорит он, но я лишь решительно качаю головой, и он продолжает: – Я теперь не знаю, кто я такой без тебя.

Я отворачиваюсь.

– У нас все равно бы ничего не вышло, мы оба это понимаем, – заявляю я, чтобы успокоить саму себя. Тяжело сидеть напротив Хардина и видеть его боль, но в то же время чувство справедливости подсказывает, что вид его страданий должен облегчить мои... хоть как-то.

– Почему не вышло бы? У нас все было хорошо...

– Наши отношения были построены на лжи, Хардин. – И так как его боль вдруг придала мне уверенности, добавляю: – И вообще, посмотри на себя и посмотри на меня. – На самом деле я так не думаю, но когда я использую его главное сомнение – хотя внутри меня будто что-

то умирает, – по его лицу я понимаю, что он этого заслуживает. Его всегда волновало, как мы смотримся вместе; он боялся, что для него я слишком хороша. И теперь я бросила это прямо ему в лицо.

– Все дело в Ное? Ты виделась с ним, так ведь? – спрашивает Хардин.

Я изумленно открываю рот: вот это наглость. В его глазах блестят слезы, и мне приходится напоминать себе, что во всем виноват он. Это он все испортил.

– Да, виделась, но он тут ни при чем. Проблема в тебе – ты творишь с людьми все, что взбредет в твою чертову голову, даже не думая о последствиях, а потом ждешь, что никто и слова не скажет! – кричу я и встаю из-за стола.

– Это не так, Тесса! – выкрикивает он в ответ, а я закатываю глаза. После этого он замолкает, затем встает и смотрит в окно, потом снова на меня. – Ладно, пусть, может, это и правда. Но ты действительно важна для меня.

– Ну, об этом нужно было думать, когда ты хвастался своей победой, – уверенно говорю я.

– Моей победой? Охренеть, ты это сейчас серьезно? Ты для меня не какая-то там победа – ты для меня все! Ты – мое дыхание, моя боль, мое сердце, моя жизнь!

Хардин делает шаг ко мне. Больше всего меня расстраивает, что эти слова оказались самыми трогательными из всех, которые он когда-либо мне говорил, – но прозвучали они лишь криком.

– Что ж, теперь уже поздно! – кричу я в ответ. – Думаешь, ты можешь просто...

Внезапно он хватается за меня, обняв сзади за шею, и притягивает к себе, впиваясь в мои губы. Чувствую знакомое тепло его губ и едва держусь на ногах. Мой язык отвечает на его поцелуй прежде, чем я успеваю понять, что происходит. Он издает облегченный стон, и я пытаюсь оттолкнуть его. Одной рукой он хватается за запястья и держит их на своей груди, продолжая целовать меня. Я все еще стараюсь вырваться, но мои губы не отрываются от его. Он отходит назад и тянет меня за собой, пока не упирается в стол. Другой рукой он поглаживает мою шею, одновременно удерживая меня на месте. Вся моя боль и страдания понемногу исчезают, и мое тело расслабляется. Это ошибка, но такая правильная!

Но ошибка.

Я вырываюсь. Он пытается поцеловать меня снова, но я отворачиваюсь.

– Нет, – говорю я.

Его взгляд становится все более нежным.

– Прошу... – умоляет он.

– Нет, Хардин. Мне пора идти.

Он выпускает мои руки.

– Куда?

– Я... пока не знаю. Мама пытается договориться, чтобы меня заселили обратно в общежитие.

– Нет... нет... – Он качает головой, в голосе его слышится тревога. – Не возвращайся в кампус, живи здесь. – Он проводит рукой по волосам. – Если кто и должен остаться, так это ты. Прошу, останься здесь, чтобы я знал, где ты находишься.

– Тебе не нужно знать, где я.

– Останься, – повторяет он.

Если уж начистоту, то признаюсь: я хочу остаться с ним. Я хочу сказать, что люблю его так, что задыхаюсь, но не могу. Я не желаю снова стать девчонкой, которая позволяет парням делать с ней все, что только придет в их голову.

Я поднимаю сумки и произношу то единственное, что заставит его не пойти за мной.

– Мне пора, меня ждут мама и Ной, – вру я и выхожу из квартиры.

Он не идет следом, и я заставляю себя не оборачиваться, чтобы не видеть, как ему больно.

Глава 5

ТЕССА

В машине я не начинаю плакать – хотя думала, что так будет. Просто сижу и смотрю в окно. Снег налипает на лобовое стекло, укрывая меня внутри. Ветер неистовствует, поднимает и кружит снег, словно защищая меня вихрем. С каждой снежинкой, прилипающей к стеклу, между машиной и суровым внешним миром образуется барьер.

Не могу поверить, что Хардин пришел в квартиру, как раз когда я была там. Я надеялась избежать встречи. Хотя это к лучшему: боль моя, конечно, не утихла, но ситуация, в общем, прояснилась. Теперь я, по крайней мере, смогу вырваться из этого катастрофического периода моей жизни. Я хочу верить ему, хочу верить, что он действительно меня любит, но все это случилось именно из-за того, что когда-то я ему доверилась. Он может просто притворяться, потому что понимает, что больше не может контролировать меня. Даже если он и правда любит меня, что это изменит? Это не исправит все то, что он натворил, не поможет забыть насмешки, жуткое бахвальство о наших отношениях и ложь.

Жаль, что у меня не хватит денег самой платить за ту квартиру, иначе бы я осталась там и заставила Хардина уйти. Не хочу возвращаться в общежитие и подселаться к новой соседке, не хочу пользоваться общей душевой. Почему все должно было начаться со лжи? Случись наша встреча при других обстоятельствах, сейчас мы были бы вместе в нашей квартире, сидели бы на диване и смеялись или целовались бы в спальне. Вместо этого я сижу в одиночестве в машине и не знаю, куда ехать.

Когда я наконец завожу машину, мои руки дрожат от холода. Почему я оказалась бездомной именно зимой?

Я снова чувствую себя, как Кэтрин, только не Кэтрин из «Грозового перевала», как это обычно со мной бывает. На этот раз я словно Кэтрин из «Нортенгерского аббатства», с которой меня легко сопоставить: потрясенная и вынужденная совершать путешествие в одиночестве. Конечно, мой путь не занимает более ста километров и меня не изгнали с позором из аббатства, но я все равно понимаю ее боль. Не могу сообразить, на кого похож Хардин в этой книге. С одной стороны, он напоминает энергичного и остроумного Генри, не менее заинтересованного в чтении романов, чем я сама. Однако Генри намного добрее Хардина, и именно поэтому Хардин больше похож на заносчивого и грубого Джона.

Я бесцельно еду по городу и вдруг понимаю, что слова Хардина повлияли на меня сильнее, чем мне хотелось думать. Его мольбы, просьбы остаться едва не помогли склеить осколки моего сердца, но в итоге разбили его еще больше. Уверена, у него была только одна причина просить меня остаться – чтобы доказать себе, что ему это под силу. Он ведь не стал названивать и присылать сообщения, как только я уехала.

Заставляю себя поехать в кампус и сдать последний экзамен перед зимними каникулами. Сидя в аудитории, я чувствую себя такой отрешенной, что даже не верится, что никто в университете не догадывается, через что я сейчас прохожу. Видимо, фальшивая улыбка и милая беседа могут скрыть обжигающую боль.

Звоню маме, чтобы узнать, как дела с заселением в общежитие, но в ответ она лишь бормочет «пока безуспешно» и сразу же вешает трубку. Бесцельно поездив вокруг, я оказываюсь в квартале от «Вэнс» и понимаю, что уже пять вечера. Я не хочу злоупотреблять гостеприимством Лэндона и снова проситься переночевать в доме Кена. Я знаю, что он не будет против, но с моей стороны нечестно вовлекать во все это семью Хардина, да и этот дом навевает слишком

много воспоминаний. Я этого не выдержу. Я попадаю на улицу, полную мотелей, и паркуюсь у самого приличного на вид. Неожиданно понимаю, что никогда раньше не останавливалась в мотеле, но других вариантов сейчас нет.

Низкорослый мужчина за стойкой, вполне дружелюбный на вид, улыбается и просит показать права. Несколько минут спустя он дает мне карту-ключ и бумажку с паролем от Wi-Fi. Снять комнату в мотеле, оказывается, проще, чем я думала, хотя и дороговато, но я не желаю останавливаться в дешевом и небезопасном месте.

– Вперед по дорожке и потом налево, – с улыбкой объясняет он.

Я благодарю его и снова выхожу на обжигающий холод, затем подгоняю машину поближе к моему номеру, чтобы легче было нести багаж.

Вот к чему я пришла из-за этого безрассудного эгоистичного парня: ночую в мотеле, совершенно одна, а все мои вещи скомканы в сумках. Я, которая когда-то всегда знала, как поступить, теперь не представляю, на кого могу положиться.

Схватив сумки, закрываю машину, которая кажется настоящей развалюхой на фоне припаркованного рядом «БМВ». В момент, когда я думаю, что хуже этот день быть уже не может, теряю равновесие и роняю одну из сумок на заснеженный тротуар. Мои вещи и некоторые книги вываливаются в мокрый снег. Я стараюсь поднять их свободной рукой, но боюсь взглянуть на заглавия книг – я не переживу, если мои любимые романы развалятся на части именно сегодня, как и я.

– Дайте-ка я помогу вам, мисс, – раздался мужской голос. Кто-то протягивает руку, чтобы помочь. – Тесса?

В изумлении я поднимаю взгляд и вижу голубые глаза и обеспокоенное лицо.

– Тревор? – удивляюсь я, хотя и так знаю, что это он. Я встаю и осматриваюсь. – Что ты здесь делаешь?

– Хотел спросить у тебя то же самое. – Он улыбается.

– Ну... я... – Я закусываю губу.

Но Тревор спасает меня от необходимости объясняться.

– У меня дома протекли трубы, вот я и ночую здесь. – Он наклоняется, собирает мои вещи и, удивленно изогнув бровь, протягивает мне промокший «Грозовой перевал». Потом передает два мокрых свитера и с сочувствием – «Гордость и предубеждение». – Держи... эта совсем размокла.

И я понимаю, что мироздание насмехается надо мной.

– Почему-то я подозревал, что тебе нравится классика, – одобрительно замечает Тревор.

Он забирает у меня сумки, и я благодарно киваю, а затем провожу картой и открываю дверь. В комнате жутко холодно, так что сразу подхожу к обогревателю и включаю его на полную мощность.

– Неудивительно, что при таких ценах на проживание их не волнует счет за электричество, – говорит Тревор и ставит мои сумки на пол.

Я улыбаюсь и киваю. Затем беру упавшие в снег вещи и развешиваю их на перекладине в душе. Я возвращаюсь в комнату, и между нами возникает неловкое молчание – я в чужой комнате с едва знакомым мне человеком.

– Твоя квартира недалеко? – спрашиваю я, чтобы немного оживить пространство.

– Не квартира, а дом. Ну да, в паре километров отсюда. Предпочитаю жить рядом с работой, чтобы точно не опаздывать.

– Это разумная мысль... – Я бы тоже так поступила.

В повседневной одежде Тревор выглядит совсем по-другому. Раньше я его видела только в костюме, но сейчас он стоит передо мной в обтягивающих синих джинсах и красной толстовке, волосы растрепаны, хотя обычно он аккуратно укладывает их с помощью геля.

– И я так думаю. Ты, значит, одна? – спрашивает он и опускает глаза, явно стесняясь своего любопытства.

– Ага, одна. – В этом ответе больше смысла, чем он предполагает.

– Не подумай, что я сую нос не в свое дело, я просто спросил, потому что твоему парню я не особенно нравлюсь. – Он усмехается и убирает со лба черные пряди.

– Ну, Хардину никто не нравится, так что не принимай близко к сердцу. – Я смотрю на свои ногти. – Правда, он не мой парень.

– О, прости. Я просто думал, что вы вместе.

– Были... вроде того.

Были ли? Он говорит, что да. Но, опять же, Хардин много чего говорит.

– Прости. Я, бывает, могу ляпнуть что-нибудь не то.

– Все в порядке. Ничего страшного, – убеждаю я и распаковываю оставшиеся вещи.

– Мне уйти? Не хочу мешать тебе. – Он кивает в сторону двери, показывая, что действительно имеет это в виду.

– Нет-нет, можешь остаться. Если хочешь, конечно. Ты не обязан, – бормочу я слишком быстро.

Да что со мной такое?

– Тогда договорились, я побуду здесь, – говорит он и присаживается на стул возле письменного стола.

Я думаю, где же сесть мне, и наконец устраиваюсь на краю кровати. Я сижу достаточно далеко от него; теперь вижу, что комната очень просторная.

– Ну, как тебе работается в «Вэнс»? – спрашивает Тревор, постукивая по деревянному столу.

– Мне очень нравится. Намного лучше, чем я могла ожидать. Для меня это действительно работа мечты. Надеюсь, после университета они меня возьмут.

– Ну, думаю, они предложат тебе место гораздо раньше. Кристиану ты очень нравишься – за обедом все только и говорили о той рукописи, которую ты нашла на прошлой неделе. Он говорит, что ты знаешь в этом деле толк, а услышать такую похвалу от него – это серьезно.

– Правда? Он так сказал? – Не могу не улыбнуться, хотя это кажется странным и ненужным, но в то же время меня приободряет.

– Да, а разве иначе он позвал бы тебя на конференцию? Мы едем только вчетвером.

– Вчетвером? – переспрашиваю я.

– Ага. Ты, я, Кристиан и Ким.

– Ой, я не знала, что Ким тоже поедет. – Из всех сил надеюсь, что мистер Вэнс пригласил меня не только из-за моих отношений с Хардином, сыном его лучшего друга.

– Без нее он и пару дней не продержится, – шутит Тревор. – В смысле, без ее организационных способностей.

Я слегка улыбаюсь.

– Я поняла. А ты почему едешь? – спрашиваю я и тут же мысленно бью себя по голове. – В смысле, почему он берет тебя, ведь ты работаешь в финансовом отделе, разве не так? – пытаюсь объяснить я.

– Ничего, я все понял, вам, издателям, вовсе не нужно, чтобы рядом был ходячий калькулятор. – Он закатывает глаза и смеется, искренне смеется. – Он скоро открывает второй офис в Сиэтле, и мы должны встретиться с потенциальным инвестором. Кроме того, нам надо будет найти подходящее место и заключить наиболее выгодную сделку, а Кимберли убедится, что здание справится с нашим потоком работы.

– Недвижимостью ты тоже занимаешься? – Комната наконец прогрелась, и я разуваясь и подбираю ноги под себя.

– Нет, не занимаюсь, но хорошо разбираюсь в цифрах, – хвастается Тревор. – В любом случае, мы здорово проведем время. Сиэтл – красивый город. Ты там была?

– Да, это мой любимый город. Хотя я мало где бывала...

– Я тоже. Я ведь из Огайо, так что пока немного повидал. По сравнению с Огайо Сиэтл – прямо как Нью-Йорк.

Я понимаю, что искренне настроена узнать больше о Треворе.

– Почему ты переехал в Вашингтон?

– Ну, моя мама умерла, когда я оканчивал школу, и мне пришлось уехать. Ведь вокруг столько всего интересного, понимаешь? Перед смертью мамы я пообещал, что не проведу всю жизнь в нашем ужасном городишке. А день, когда меня приняли в Центральный вашингтонский университет, был и лучшим и худшим в моей жизни.

– Худшим? – удивляюсь я.

– Она умерла как раз в тот день. Вот ведь совпадение, правда? – Тревор слабо улыбается уголком губ, и это выглядит очень мило.

– Мне так жаль.

– Нет, ничего страшного. Мама была из тех, кому не место на земле. Она была слишком хорошей, понимаешь? Мы, ее семья, провели с ней больше времени, чем заслуживали, и я не стал бы ничего менять, – признается он. Теперь он широко улыбается и кивает мне. – Ну а ты? Долго думаешь оставаться здесь?

– Нет, я всегда хотела переехать в Сиэтл. Но в последнее время думаю, что переберусь даже куда-нибудь подальше, – говорю я.

– Верное решение. Нужно путешествовать и увидеть как можно больше всего. Такая женщина, как ты, не должна прятаться от мира. – Должно быть, он замечает странное выражение моего лица, потому что тут же добавляет: – Извини... я просто имею в виду, что ты столько всего можешь сделать. Уверен, у тебя немало талантов.

Но его слова меня ничуть не задевают. Меня радует, что он назвал меня «женщиной»; всю жизнь я чувствовала себя ребенком, потому что все обходились со мной как с маленькой. Тревор – всего лишь друг, мой новый друг, но я безумно рада, что в этот ужасный день именно он составляет мне компанию.

– Ты уже ужинал? – спрашиваю я.

– Пока нет. Думаю, не заказать ли пиццу – только бы снова не выбираться в эту метель. – Он смеется.

– Может, одну на двоих? – предлагаю я.

– Идет, – соглашается Тревор с такой доброй улыбкой, которую я давно ни у кого не видела.

Глава 6

ХАРДИН

Отец выглядит ужасно по-дурацки; так всегда бывает, когда он пытается казаться внушительным, как сейчас, когда стоит в дверном проеме, скрестив руки.

– Она не придет сюда, Хардин, она знает, что здесь ты ее найдешь.

Чувствую, что хочу выбить ему зубы и засунуть их ему в глотку. Вместо этого я провожу рукой по волосам, слегка вздрагивая, когда костяшки вспыхивают болью. Порезы оказались глубже обычного. Ударив кулаком по кирпичной стене в квартире, я повредил руку сильнее, чем думал. Но это ничто по сравнению с тем, что я чувствую внутри. Я не знал, что такая боль вообще существует: она намного хуже любого физического страдания.

– Сын, я правда думаю, что тебе стоит дать ей немного свободы.

Да кем он, черт возьми, себя возомнил?

– Свободы? Ей не нужна свобода! Ей нужно вернуться домой! – кричу я.

Соседка-старушка смотрит на нас, и я приветственно поднимаю руку.

– Прошу, не груби моим соседям, – предупреждает отец.

– Тогда скажи им, чтобы не совали нос в чужие дела! – Уверен, уж это седая старушка расслышала.

– До свиданья, Хардин, – вздыхает отец и закрывает дверь.

– Черт! – кричу я и начинаю ходить взад-вперед по крыльцу, а потом наконец возвращаюсь к машине.

Да где же она, черт возьми? Несмотря на ярость, я все же ужасно за нее волнуюсь. Вдруг она одна, вдруг она испугалась? Конечно, зная Тессу, я могу точно сказать, что она не испугалась; она, наверное, вспоминает все причины ненависти ко мне. Скорее всего, даже записывает их на бумажке. Ее потребность все контролировать и составлять эти дурацкие списки всегда меня раздражала, но сейчас я мечтаю увидеть, как она пишет – пусть даже какую-нибудь ерунду. Я отдал бы все, чтобы еще хоть раз увидеть, как она задумчиво прикусывает губу или мило хмурится. Теперь же, когда она вернулась к матери и Ною, последний шанс, на который я мог надеяться, исчез. Как только ей напомнят, почему для нее он лучше, чем я, она тут же меня забудет.

Я снова звоню ей, но телефон сразу переключается на голосовую почту – уже в двадцатый раз. Черт возьми, я просто тупой идиот! Объехав за час все библиотеки и все книжные магазины, решаю вернуться в квартиру. Может, она придет туда, может, она придет... Но я знаю, не придет.

А что, если все же придет? Надо убрать весь разгром, который я устроил, и купить новые тарелки вместо разбитых о стену – просто на случай, если она вернется.

Тишину пререзает мужской голос, вибрацией отдающий в моем теле.

– Ты где, Скотт?

– Я видел, как он уходил из бара. Я знаю, что он здесь, – отвечает ему другой.

Я выбираюсь из кровати и чувствую, что пол холодный. Сначала я думал, что это папа со своими друзьями, но теперь понимаю, что вряд ли это они.

– Выходи, выходи, где бы ты ни прятался! – кричит тот, с низким голосом, а потом слышится грохот.

– Его здесь нет, – отвечает мама.

Я как раз спустился по лестнице и вижу их всех. Маму и четверых мужчин.

– О-о, смотрите-ка, кто у нас тут, – говорит высокий. – Кто бы мог подумать, что у Скотта такая классная женушка. – Он хватается маму за руку и стаскивает ее с дивана.

Она отчаянно пытается вырваться.

– Прошу... его здесь нет. Если он должен вам денег, я отдам все, что у меня есть. Можете взять все ценное из дома, телевизор или, может...

Но мужчина лишь ухмыляется.

– Телевизор? Мне не нужен твой чертов телевизор.

Я смотрю, как мама пытается вырваться из его хватки – прямо как рыба, которую я однажды поймал.

– У меня есть кое-какие украшения – совсем немного, но есть, прошу вас...

– Заткнись, на хрен! – кричит другой и дает ей пощечину.

– Мама! – реву я и выбегаю в гостиную.

– Хардин... иди наверх!

Но я не оставлю мою маму с этими плохими дядями.

– Убирайся отсюда, мелкий засранец, – говорит один из них и толкает меня с такой силой, что я падаю на пол. – Видишь ли, стерва, проблема в том, что твой муж сделал вот это, – сердито продолжает он, показывая на свою лысую голову – там зияет огромная рана. – И раз его здесь нет, единственное, что нам нужно, – это ты. – Он улыбается, а она пинает его ногами.

– Хардин, милый, иди наверх... Быстро! – кричит она.

Стоп, почему она на меня злится?

– Кажется, он хочет остаться и посмотреть, – говорит мужчина с раненой головой и толкает ее на диван.

Я внезапно просыпаюсь и подсакиваю в кровати.

Черт.

Кошмары продолжают и каждую ночь становятся все хуже. Я уже привык, что они остались в прошлом, что я теперь смогу нормально спать. Из-за нее, все из-за нее.

И вот я сижу в четыре утра на простыне, кровавой от моих разбитых костяшек, и у меня дико болит голова.

Я закрываю глаза и, чтобы уснуть, пытаюсь представить, что на самом деле она здесь, со мной.

Глава 7

ТЕССА

– Тесс, дорогая, просыпайся, – шепчет Хардин, нежно касаясь губами моего уха. – Ты такая красивая, когда спишь!

Я улыбаюсь и притягиваю его к себе, чтобы взглянуть ему в глаза. Я касаюсь его носа своим, и он смеется.

– Я люблю тебя, – он крепко меня целует.

Только я не чувствую его губ.

– Хардин? – зову его я. – Хардин?

Но он исчезает...

Резко открыв глаза, возвращаюсь в реальный мир. В крошечную тьму незнакомой комнаты – на мгновение я даже забыла, где нахожусь. Но затем вспоминаю: в номере мотеля. Одна. Я хватаю телефон с прикроватного столика и вижу, что сейчас всего четыре утра. Я вытираю навернувшиеся слезы и снова укладываюсь, надеясь вернуться к Хардину, пусть только во сне.

Когда я наконец снова просыпаюсь, на часах уже семь. Иду в душ и пытаюсь расслабиться под потоком горячей воды. Сушу голову и крашусь – сегодня мне впервые за все это время хочется хорошо выглядеть. Мне надо избавиться от этого... беспорядка внутри меня. Не зная, чем еще заняться, нахожу нужную страницу в маминей книге и рисую себе идеальное лицо, которое скроет все, что внутри.

Теперь я выгляжу отдохнувшей и даже симпатичной. Я завиваю волосы, достаю из сумки белое платье – и от его вида вся съеживаюсь. Хорошо, что в комнате есть утюг. На улице холодно, слишком холодно для такого платья, которое даже до колен не доходит, но снаружи я буду недолго. Нахожу простые черные туфли без каблуков и кладу их рядом с платьем.

Перед тем как одеться, заново складываю вещи – поаккуратнее. Надеюсь, мама позвонит и сообщит хорошие новости насчет общежития. Иначе мне пока придется оставаться здесь, и тогда деньги быстро кончатся, хотя их и так немного. Может, мне просто стоит найти собственное жилье. Я наверняка смогу позволить себе небольшую квартиру поблизости от «Вэнс».

Я открываю дверь и вижу, что в утренних солнечных лучах снег почти растаял. Слава богу. Как только я открываю машину, из своего номера, через две двери от меня, выходит Тревор. На нем черный костюм и зеленый галстук; он выглядит таким собранным.

– Доброе утро! Могла бы попросить меня помочь. – Он видит, что я тащу свои сумки.

Прошлым вечером, съев пищу, мы смотрели телевизор и рассказывали друг другу всякие университетские истории. Тревору было чем поделиться, ведь он уже закончил учебу, а мне правда нравилось слушать и представлять, какой могла бы быть – и должна была – моя жизнь в университете, хотя от этого мне стало и немного грустно. Мне не стоило ходить на вечеринки с такими людьми, как Хардин. Надо было найти себе всего нескольких, но верных друзей. Тогда все было бы по-другому, все было бы намного лучше.

– Как спалось? – спрашивает Тревор и вытаскивает из кармана связку ключей. После щелчка заводится «БМВ». Конечно, тот самый – это его машина.

– Твоя машина сама заводится? – смеюсь я.

Он показывает мне ключ.

– Ну, с помощью этой штуки.

– Забавно. – Я улыбаюсь ему слегка саркастически.

– Удобно, – возражает он.

– Экстравагантно?

– Немного. – Он смеется. – Но все равно очень удобно. Ты отлично выглядишь, как и всегда.

Я складываю сумки в багажник.

– Спасибо. Ну и мороз! – говорю я и забираюсь в машину.

– Увидимся на работе, Тесса, – он тоже залезает в свой «БМВ».

Несмотря на яркое солнце, на улице по-прежнему холодно, так что я быстро вставляю ключ в зажигание, чтобы поскорее завести машину и включить обогреватель.

Но все, что выдает моя машина, – это «щелк-щелк-щелк».

Нахмурившись, пробую снова, но безуспешно.

– Да это когда-нибудь прекратится, блин? – кричу я, ударив руками по рулю.

Уже в третий раз я пытаюсь завестись, но, конечно, ничего не получается, теперь машина даже не щелкает. Оборачиваюсь и вижу, что Тревор еще не уехал. Он опускает стекло, и я не могу не улыбаться, жалуясь на незадачу.

– Не подвезешь меня? – спрашиваю я, и он кивает в ответ.

– Конечно. Кажется, я знаю, куда ты едешь... – Он смеется, и я выхожу из своей машины.

Я не сдержалась и, пока мы ехали в «Вэнс», включила телефон. К моему удивлению, никаких новых сообщений от Хардина. Что-то есть на голосовой почте, но я не знаю, кто именно звонил – он или мама. Решив все же не прослушивать оставленные сообщения, пишу эсэмэску маме насчет общежития. Тревор высаживает меня прямо у двери; мне не придется далеко идти по холоду – очень любезно с его стороны.

– Выглядишь отдохнувшей, – Кимберли встречает меня улыбкой, когда я вхожу в офис и хватаю пончик.

– Чувствую себя немного лучше. Вроде бы, – отвечаю я и наливаю себе кофе.

– Готова к завтрашнему дню? Жду не дождусь, когда мы выберемся отсюда и поедем в Сиэтл. Там отличные магазины, и пока мистер Вэнс и Тревор будут заняты на встречах, мы с тобой можем заняться чем-то поинтереснее. Ты... ну... поговорила с Хардином?

Я задумываюсь всего на секунду и решаю рассказать. Она все равно об этом узнает.

– Нет. Вообще-то, вчера я как раз забрала свои вещи.

– Мне очень жаль, милая. Со временем все пройдет.

Боже, я так надеюсь, что она права!

Рабочий день проходит быстрее, чем я ожидала, я заканчиваю рукопись, над которой мы сейчас работаем. С волнением ожидаю поездки в Сиэтл и надеюсь, что смогу выкинуть Хардина из головы, хотя бы ненадолго. В понедельник у меня день рождения, но я не жду этот день. Если бы все не пошло под откос, во вторник мы с Хардином отправились бы в Англию. Встречать Рождество с мамой я тоже не хочу. Надеюсь, к тому времени я уже заселюсь обратно в общежитие – хотя на каникулах там никого не будет, – а потом уже придумаю повод не поехать к ней домой. Знаю, это очень некрасиво с моей стороны – ведь Рождество и все такое, но настроение у меня сейчас не совсем праздничное.

К концу рабочего дня мама присылает мне сообщение – пока никаких новостей по поводу общежития. Отлично. По крайней мере, до поездки в Сиэтл остается всего одна ночь в мотеле. Переезжать туда-сюда совсем не весело.

Уже собираясь уходить, я вспоминаю, что приехала на работу не на своей машине. Надеюсь, Тревор еще здесь.

– До завтра! Встречаемся здесь, в Сиэтл нас повезет водитель мистера Вэнса, – сообщает мне Кимберли.

У мистера Вэнса есть водитель?

Конечно, как же еще.

Я выхожу из лифта и вижу, что Тревор сидит в холле; его голубые глаза ярко выделяются на фоне черного дивана и его черного костюма.

– Я не знал, нужно ли будет тебя подвезти, но не решился тебя беспокоить, – говорит он.

– Спасибо, мне правда очень приятно. Как только вернусь в мотель, позвоню кому-нибудь насчет машины. – Сейчас на улице немного теплее, чем утром, но все равно холодно.

– Если хочешь, я могу подождать вместе с тобой. Трубы починили, так что в мотеле я ночевать не буду, но побуду с тобой, если ты...

Тревор внезапно замолкает, его глаза округляются.

– Что такое? – спрашиваю я и следую за его взглядом – на парковке рядом со своей машиной стоит Хардин и с яростью смотрит на нас с Тревором.

Я снова начинаю задыхаться. Почему мне становится только хуже?

– Хардин, что ты здесь делаешь? – Я быстрым шагом направляюсь к нему.

– Ну, ты не отвечаешь на мои звонки, так что выбор у меня небольшой, правда? – говорит он.

– У меня есть причина не отвечать тебе, а ты просто берешь и появляешься перед моей работой! – кричу я.

В присутствии Хардина Тревор явно чувствует себя неуютно, но все равно остается рядом со мной.

– Все в порядке? Если готова ехать, просто скажи.

– Ехать куда? – спрашивает Хардин с диким взглядом.

– Он отвезет меня в мотель, потому что моя машина не заводится.

– В мотель! – громко возмущается Хардин.

Не дав мне времени остановить его, Хардин хватает Тревора за воротник рубашки и с силой припирает его к красному грузовику.

– Хардин! Перестань! Отпусти его! Мы не были вместе! – объясняюсь я, совершенно не понимая, зачем это делаю, но я просто не хочу, чтобы он навредил Тревору.

Хардин отпускает его, но не дает уйти.

– Отойди от него, сейчас же!

Я хватаю Хардина за плечо, и он слегка расслабляется.

– Держись от нее подальше.

Он сплевывает; их лица разделяет всего пара сантиметров.

Тревор бледнеет. Я снова втянула в неприятности того, кто их совершенно не заслуживает.

– Извини, – говорю я Тревору.

– Все в порядке. Тебя все-таки подвезти?

– Нет, она с тобой не поедет, – отвечает Хардин за меня.

– Да, я сейчас, – говорю я Тревору. – Оставь нас всего на минутку.

Как настоящий джентльмен, он кивает и отходит к своей машине, оставив нас наедине.

Глава 8

ТЕССА

- Поверить не могу, что ты остановилась в мотеле. – Он проводит рукой по волосам.
- Ага, я тоже.
- Можешь жить в квартире, а я переберусь в общежитие или куда-нибудь еще.
- Нет. Ни за что.
- Прошу, не усложняй. – Он потирает лоб рукой.
- Не усложнять? Ты серьезно? Да я вообще не обязана с тобой разговаривать!
- Можешь успокоиться? Скажи, что случилось с твоей машиной? И почему этот парень тоже был в мотеле?
- Не знаю я, что с машиной, – ворчу я.
- Про Тренора отвечать не собираюсь – это не его дело.
- Я посмотрю.
- Не надо, я вызову кого-нибудь. Просто уходи.
- Я поеду за тобой к мотелю. – Он кивает на дорогу.
- Ты можешь прекратить все это? – громко говорю я, и Хардин закатывает глаза. – Это у тебя что, такая игра – проверить, как долго ты сможешь на меня давить?
- Он отступает назад, будто я его толкнула. Машина Тренора все еще на месте, он ждет меня.
- Нет, этим я не занимаюсь. Как ты могла такое подумать после всего, что я сделал?
- Вот именно, я так думаю как раз после *всего, что ты сделал*, – я едва не смеюсь над тем, какие он подобрал слова.
- Я просто хочу, чтобы ты поговорила со мной, – говорит Хардин. Но он так долго играет со мной – с самого начала, – что мне трудно понять, говорит ли он правду. – Я знаю, что ты тоже по мне скучаешь, – продолжает он, оперевшись о свою машину.
- Его слова заставляют меня застыть на месте. Вот это наглость!
- Это ты хочешь услышать? Что я скучаю по тебе? Конечно, скучаю, но знаешь что? Я скучаю не по тебе, а по тому человеку, которым, как я думала, ты был. Но теперь я знаю, какой ты на самом деле, и не хочу иметь с тобой ничего общего! – кричу я.
- Ты всегда знала, какой я! Все это время я был самим собой, и ты это знаешь! – кричит он в ответ.
- Почему мы не можем поговорить нормально, без крика? Он просто сводит меня с ума, вот почему.
- Нет, я этого не знаю, а если бы знала, то...
- Я замолкаю, чтобы не признаться, что хотела бы простить его. Но то, чего я хочу, и то, что я должна делать, – это совершенно разные вещи.
- То что? – спрашивает он. Конечно, он постарается выдать из меня эти слова.
- Ничего, тебе пора.
- Тесс, ты не представляешь, каково было мне эти последние несколько дней. Я не могу спать, я не могу даже нормально существовать без тебя. Мне нужно знать, есть ли у нас шанс...
- Я перебиваю его прежде, чем он успевает договорить.
- Каково было тебе? – Как он может быть таким эгоистичным? – А каково было мне, как ты думаешь, Хардин? Представь, каково это, когда вся твоя жизнь рушится за несколько часов! Представь, каково это, любить так сильно и отдавать человеку все, а потом узнать, что

это была игра, глупый спор! Как думаешь, каково это? – Я делаю шаг в его сторону, бурно жестикулируя. – Я перестала общаться с матерью из-за кого-то, кому на меня наплевать! Я переехала в этот чертов мотель! Каково мне пытаться двигаться дальше, когда ты все время стоишь у меня на пути? Ты просто не знаешь, когда нужно остановиться!

Он молчит, так что я продолжаю свою тираду. Какая-то часть меня говорит, что я слишком жестока, но он предал меня самым отвратительным образом, а значит, это заслужил.

– Так что не надо тут мне говорить, как тебе плохо из-за твоего же поступка! Ты все испортил, черт возьми! Собственно, как всегда, и знаешь что? Мне тебя не жалко... Хотя нет. Мне тебя жаль, потому что ты никогда не будешь счастлив. Ты будешь одинок всю свою жизнь, и поэтому я тебе сочувствую. Я буду двигаться дальше, найду прекрасного мужчину, который будет обращаться со мной так, как должен был ты, а потом мы поженимся и заведем детей. Я буду счастлива.

После такой долгой речи я едва не задыхаюсь, а Хардин смотрит на меня, раскрыв рот. Его глаза покраснели.

– Знаешь, что самое ужасное? То, что ты меня предупреждал, говорил, что меня погубишь, но я не слушала.

Отчаянно пытаюсь остановить слезы, но не могу. Обжигая глаза, они безжалостно стекают по моему лицу вместе с тушью.

– Прос... прости. Я пойду, – тихо говорит Хардин.

Он выглядит окончательно и бесповоротно поверженным – его я одолела, но это не приносит мне никакого удовлетворения, хотя я думала, что буду довольна.

Может, в самом начале я могла бы простить его, если бы он рассказал мне правду, пусть даже после того, как мы переспали, но вместо этого он утаил ее от меня, предлагал друзьям деньги за их молчание и заманил меня в ловушку, заставив подписать контракт об аренде квартиры вместе с ним. Мне никогда не забыть первые моменты нашей близости, но он испортил даже это.

Я бегу к машине Тренора и запрыгиваю внутрь. Обогреватель сдувает теплым воздухом мои горячие слезы. Тревор ничего не говорит и везет меня к мотелю, и я снова благодарна ему за молчание.

На закате заставляю себя принять горячий душ – слишком горячий. У меня из головы не выходит лицо Хардина, когда он отошел от меня и направился к своей машине. Я вижу его каждый раз, как закрываю глаза.

С того момента телефон ни разу не зазвонил. Я глупо и наивно верила, что у нас все может получиться. Что несмотря на наши различия и его характер... то есть наши характеры... мы смогли бы быть вместе. Не знаю, как у меня это получается, но я все же засыпаю.

На следующее утро я взволнована предстоящей первой в жизни командировкой и начинаю паниковать. Кроме того, я забыла вызвать механика, чтобы починить машину. Нахожу номер ближайшей автомастерской и звоню туда. Вероятно, придется заплатить больше, раз я смогу забрать машину только после выходных, но сейчас это меньшая из проблем. Мне отвечает приветливый мужчина, но я не упоминаю об этом в надежде, что они просто не станут брать с меня лишние деньги.

Я собираюсь, завиваю волосы и крашусь ярче, чем обычно. Выбираю темно-синее платье, которое я еще не надевала, – я купила его, потому что знала, что Хардину понравится, как этот тонкий материал облегает тело. Платье не слишком открытое, чуть ниже колен и с рукавами до локтя. Но сидит оно идеально, и выгляжу я в нем отлично.

Меня бесит, что все напоминает о Хардине. Стоя перед зеркалом, представляю, как он смотрел бы на меня, одетую в это платье, как расширились бы его зрачки и как он облизывал

бы свою нижнюю губу с пирсингом, зажимая колечко между зубами и наблюдая за мной, пока я заканчиваю причесываться.

Стук в дверь заставляет меня вернуться к реальности.

– Мисс Янг? – спрашивает меня мужчина в синем комбинезоне механика, когда я открываю дверь.

– Это я. – Я достаю ключи из сумочки. – Держите, белая «Королла» на стоянке, – говорю я и отдаю ключи.

Механик оглядывается.

– Белая «Королла»? – озадаченно переспрашивает он.

Я выхожу на улицу. Моей машины... нет.

– Какого... Подождите, я позвоню администратору и узнаю, не отбуксировали ли ее вчера за то, что я ее тут оставила. – Просто отличное начало дня.

– Здравствуйте, это Тесса Янг из номера тридцать шесть, – говорю я в трубку. – Кажется, мою машину забрал эвакуатор. – Я пытаюсь быть вежливой, но все это меня очень расстраивает.

– Нет, не забирал, – отвечает администратор.

Голова кругом!

– Ладно, значит, мою машину угнали или... – Если кто-то забрал мою машину, я пропала. Мне уже пора выезжать.

– Нет, утром пришел ваш друг и забрал ее.

– Мой друг?

– Ага, тот самый... в татуировках и все такое. – Администратор говорит так тихо, будто Хардин может его услышать.

– Что? – Я слышала, что он сказал, но сейчас мне больше ничего не приходит в голову.

– Да, он приехал на тягаче утром, пару часов назад, – говорит он. – Простите, я думал, что вы знаете...

– Спасибо, – сердито отвечаю я и нажимаю отбой. Поворачиваюсь к механику и говорю: – Мне очень жаль. Кажется, кто-то уже отвез мою машину в другую мастерскую. Я не знала об этом, простите, что потратила ваше время.

Он улыбается и говорит, что все в порядке.

После вчерашней ссоры с Хардином у меня совершенно вылетело из головы, что сегодня мне надо как-то добраться до работы. Звоню Тревору, чтобы предупредить его, но он уже попросил мистера Вэнса и Кимберли заехать за мной по пути. Поблагодарив, заканчиваю звонок и выглядываю в окно из-за шторы. К мотелю подъезжает черная машина и останавливается возле моего номера. Опускается стекло, и я вижу Кимберли.

– Доброе утро! Мы приехали к тебе на помощь! – со смехом объявляет она, когда я открываю дверь. Умный и любезный Тревор – всегда думает наперед.

Водитель выходит из машины и, слегка касаясь фуражки в знак приветствия, берет у меня сумки и кладет в багажник. Когда он открывает мне дверь, я вижу, что сзади сиденья расположены друг напротив друга. Кимберли хлопает по кожаной обивке, приглашая сесть рядом с ней. Мистер Вэнс сидит рядом с Тревором, они оба приветливо смотрят на меня.

– Готова к небольшому отпуску? – широко улыбаясь, спрашивает Тревор.

– Еще как готова, – отвечаю я и забираюсь в машину.

Глава 9

ТЕССА

Мы выезжаем на шоссе, и мистер Вэнс с Тревором возвращаются к своему разговору – видимо, обсуждают стоимость квадратного метра в новом здании в Сиэтле. Кимберли толкает меня локтем и передразнивает их разговор.

– Эти мальчики всегда такие серьезные, – говорит она. – Кстати, Тревор сказал, с твоей машиной что-то случилось?

– Ага. Даже не представляю, в чем дело, – я стараюсь, чтобы голос звучал радостно, что не так уж сложно, когда Кимберли дружески улыбается мне в ответ. – Вчера она не заводилась, и мне пришлось вызвать механика. Но Хардин уже попросил кого-то забрать ее.

Она ухмыляется.

– Настойчивый парень, да?

Я вздыхаю.

– Видимо, да. Я просто хочу, чтобы он дал мне немного времени все осознать.

– Осознать что? – спрашивает она.

Я забываю, что она ничего не знает о споре, о моем унижении, но точно не собираюсь рассказывать ей об этом. Ей известно только то, что мы с Хардином расстались.

– Не знаю, вообще все. Сейчас столько всего происходит, и мне по-прежнему негде жить. Мне кажется, он относится к этому не так серьезно, как должен бы. Он думает, что может взять и стать моим кукловодом и управлять моей жизнью. Он считает, что может появиться в любой момент, попросить прощения и получить его, но так не бывает. По крайней мере, больше не будет, – выдыхаю я.

– Вот и молодец. Я рада, что ты не даешь себя в обиду, – говорит она.

А я рада, что она не спрашивает меня о подробностях.

– Спасибо. Я тоже.

Я очень горжусь тем, что смогла дать отпор Хардину и не поддаться на его уговоры, но в то же время из-за того, что сказала ему вчера, чувствую себя ужасно. Я знаю, он это заслужил, но я не могу перестать думать: «А что, если он говорит правду?» Но даже если глубоко внутри у него действительно есть чувства ко мне, этого недостаточно, чтобы я могла быть уверена, что он снова не причинит мне боль.

Потому что так он и поступает: причиняет людям боль.

Решив сменить тему, Кимберли радостно говорит:

– Сегодня вечером, после последней встречи, надо будет куда-нибудь сходить. В воскресенье эти двое все утро будут заняты на совещаниях, так что мы сможем пройтись по магазинам. Посидим где-нибудь сегодня и, может, в субботу вечером. Что скажешь?

– Где посидим? – смеюсь я. – Мне же всего восемнадцать.

– Ой, да ладно. Кристиан в Сиэтле многих знает. Если ты с ним, то сможешь пройти куда угодно. – Мне нравится, как загораются ее глаза, когда она говорит про мистера Вэнса, хотя он сидит прямо напротив нее.

– Хорошо, – соглашаюсь я.

В таком смысле я еще никуда не «ходила». Я была на нескольких вечеринках в кампусе, но никогда даже близко не подходила к ночным клубам и тому подобным местам.

– Будет весело, не волнуйся, – убеждает меня Кимберли. – И ты точно должна будешь надеть это платье, – с улыбкой добавляет она.

Глава 10

ХАРДИН

«Ты будешь одинок всю свою жизнь, и поэтому я тебе сочувствую. Я буду двигаться дальше, найду прекрасного мужчину, который будет обращаться со мной так, как должен был ты, а потом мы поженимся и заведем детей. Я буду счастлива».

Я никак не могу выкинуть слова Тессы из головы. Я знаю, она права, но я ужасно не хочу, чтобы это было так. Раньше я всегда был не прочь побыть один – теперь же знаю, чего мне не хватает.

– Ты с нами? – прорывается голос Джейса сквозь путаницу моих мыслей.

– Э, что? – переспрашиваю я. Я почти забыл, что сижу за рулем.

Он закатывает глаза и затягивается сигаретой.

– Я спросил, ты с нами? Мы собираемся к Зеду.

Я вздыхаю в ответ.

– Не знаю...

– Почему? Хватит быть таким слабаком. Ноешь все время, как младенец какой-то.

Я сердито смотрю на него. Если бы прошлой ночью я выпался, то сейчас мне хватило бы сил протянуть руку и схватить его за горло.

– Я не ною, – медленно говорю я в ответ.

– Еще как ноешь, дружище. Сегодня ты должен напиться и с кем-нибудь переспать. Там точно будут подходящие девчонки.

– Мне не надо ни с кем спать. Мне не нужен никто, кроме нее.

– Да ладно, давай, поехали к Зеду. Если не хочешь девчонок, то хотя бы выпьешь пару пива, – уговаривает он.

– Тебе никогда не хочется чего-то большего? – спрашиваю я, и он смотрит в мою сторону с таким видом, будто у меня отросли рога.

– В смысле?

– Ну, знаешь, тебе не надоело просто тусоваться и цеплять новых девчонок?

– Стой-стой: все хуже, чем я думал. А ты серьезно увлекся, чувак!

– Нет. Просто говорю. Уже надоело заниматься одной и той же фигней.

Он не знает, как это приятно – лежать в кровати и смешить Тессу; он не знает, как это забавно – слышать ее болтовню о любимых книгах, пытаться схватить ее и получить шлепок в ответ. Это намного лучше любой вечеринки, на которой я когда-либо был или буду.

– Она тебе всю голову заморочила. Вот фигня, а? – Он смеется.

– Нет, не заморочила, – вру я.

– Ну конечно... – Он выбрасывает окурок в окно. – И теперь она свободна, да? – спрашивает он и смеется еще сильнее, когда я с силой сжимаю руль. – Да я просто дурачусь, Скотт. Хотел посмотреть, как сильно тебя можно разозлить.

– Отвали на хрен, – бурчу я и, чтобы подтвердить свои слова, поворачиваю на улицу, где живет Зед.

Глава 11

ТЕССА

The Four Seasons в Сиэтле – это лучший отель, который я в жизни видела. Стараюсь идти медленнее, чтобы рассмотреть все детали, но Кимберли практически тащит меня по коридору к лифту, оставляя Тревора и мистера Вэнса далеко позади.

Остановившись у одной из дверей, она говорит:

– Вот твоя комната. Распаковывай вещи, а потом встретимся в нашем номере и обсудим маршрут на выходные, хотя я знаю, что ты уже наверняка все продумала. Да, стоит переодеться, это платье лучше оставить на вечер, когда мы пойдем куда-нибудь. – Кимберли подмигивает и уходит по коридору.

Эта комната значительно отличается от номера мотеля, в котором я провела последние две ночи. Здесь одна только картина в холле, наверное, стоит больше, чем ремонт всей комнаты в мотеле. Вид из окна просто невероятный. Сиэтл – такой красивый город! Я запросто могу представить, что живу здесь, снимаю квартиру в многоэтажном доме, работаю на «Сиэтл паблишинг» или даже «Вэнс паблишинг», раз они открывают тут новый офис. Это было бы потрясающе.

Вешаю одежду в шкаф, переодеваюсь в черную юбку-карандаш и сиреневую рубашку. Я хочу скорее попасть на конференцию, но в то же время нервничаю. Я знаю, что должна хорошо провести время, но здесь мне все в новинку, и к тому же внутри до сих пор пусто после обиды, которую нанес мне Хардин.

Подхожу к номеру Кимберли и мистера Вэнса и смотрю на часы – сейчас половина третьего. Я волнуюсь, потому что знаю, что в три мы уже должны будем спуститься в банкетный зал.

Кимберли открывает дверь с радостной улыбкой и приглашает меня войти. В их номере – большая прихожая и отдельная гостиная. Кажется, дом моей матери и то меньше.

– Тут... круто, – говорю я.

Мистер Вэнс смеется и наливает себе что-то в стакан, вроде бы воду.

– Здесь хорошо.

– Мы заказали обед в номер, чтобы немного подкрепиться перед началом. Скоро уже должны принести, – говорит Кимберли, а я улыбаюсь и благодарю ее.

Я не думала о том, как хочу есть, пока она не сказала об этом. Я весь день ничего не ела.

– Готова заскучать до смерти? – спрашивает Тревор, заходя в гостиную.

– Мне там не будет скучно. – Я улыбаюсь, и он смеется в ответ. – Может, я вообще не захочу уезжать, – добавляю я.

– Я тоже, – признается он.

– И я, – говорит Кимберли.

Мистер Вэнс качает головой.

– Мы можем это устроить, дорогая. – Он нежно кладет руку ей на спину, и я отворачиваюсь.

– Нам надо просто перенести сюда главный офис и всем вместе переехать! – шутит Кимберли. По крайней мере, мне так кажется.

– Смиуту понравится Сиэтл, – говорит мистер Вэнс.

– Смиуту? – спрашиваю я, затем вспоминаю его сына, которого видела на свадьбе, и краснею. – Конечно, это же ваш сын, простите.

– Ничего страшного, имя у него необычное, знаю.

Он смеется и тянется к Кимберли. Надежные отношения, полные любви, – это, должно быть, так замечательно. Я завидую Кимберли, мне стыдно, но я все равно завидую. В ее жизни есть мужчина, который явно заботится о ней и сделает для ее счастья что угодно. Ей очень повезло.

Я улыбаюсь.

– Это красивое имя.

После обеда мы спускаемся вниз, и я попадаю в огромный конференц-зал, набитый людьми, которые любят книги. Настоящий рай.

– Связи. Связи. Связи, – повторяет мистер Вэнс. – Главное – наладить связи.

И в течение следующих трех часов знакомит меня почти со всеми присутствующими. И, что самое важное, он не представляет меня как стажера и вообще относится ко мне, как к взрослой. И все они тоже.

Глава 12

ХАРДИН

– Ну и ну, какие люди! – Молли в изумлении раскрывает глаза, когда видит, как мы с Джейсом заходим в квартиру Зеда.

– Уже напилась и прилетела? – говорю я ей.

– И что? Пять часов уже есть, – она зловеще ухмыляется.

Я качаю головой, а Молли говорит:

– Выпей со мной, Хардин, – и хватает коричневую бутылку и два бокала.

– Ладно. Всего один, – соглашаюсь я, и она с улыбкой наполняет небольшие бокалы.

Десять минут спустя понимаю, что разглядываю фотки в своем телефоне. Жаль, я не дал Тессе сделать побольше совместных снимков, – сейчас бы я все их просмотрел. Боже, я и правда серьезно увлекся, как сказал Джейс. Чувствую, как медленно схожу с ума, но если это поможет мне снова сблизиться с ней, я не против – вот это настоящее безумие.

«Я буду счастлива», – сказала она. Я знаю, что не сделал ее счастливой, но мог. В то же время мне не стоит ее доставать. Я починил ее машину, потому что не хотел, чтобы она сама этим занималась. Я рад, что так сделал, потому что если бы я не позвонил Вэнсу и не попросил бы подвезти ее на работу, то не узнал бы, что она едет в Сиэтл.

Почему она не сказала? На месте этого придурка Тревора должен быть я. Я знаю, она ему нравится, и вижу, что он тоже ей симпатичен. Именно такой парень ей нужен, они очень похожи. В отличие от нас с ней. Он может сделать ее счастливой. Эта мысль меня бесит, и мне хочется пробить головой Тревора какое-нибудь окно...

Но, может, я должен предоставить ей свободу и шанс на счастье. Вчера она ясно дала понять, что не простит меня.

– Молли! – зову я с дивана.

– Чего?

– Принеси мне еще бокал.

Даже не поворачивая головы, я чувствую, как она победно улыбается.

Глава 13

ТЕССА

– Это было так классно! Спасибо большое, что взяли меня!

Мы заходим в лифт, и я просто накрываю мистера Вэнса волной эмоций.

– Не за что, ты ведь у нас одна из лучших сотрудников. И неважно, что ты стажер, – ты очень умна. И прошу, ради бога, называй меня просто Кристиан, я уже тебя просил. – Он притворяется сердитым.

– Да, хорошо. Это было просто невероятно, мистер... Кристиан. Было здорово услышать, как все обсуждают цифровые публикации, особенно учитывая, что отрасль будет расти дальше, да и читателям это очень легко и удобно. Это очень важный шаг, и рынок все расширяется... – бормочу я.

– Верно, верно. И сегодня мы еще немного помогли «Вэнс пабблишинг»: представь, сколько новых клиентов мы получим, как только полностью оптимизируем все производственные процессы, – соглашается он.

– Ну что, вы закончили? – дразнит Кимберли и берет Кристиана под руку. – Переодеваемся и вперед! Впервые за многие месяцы мы позвали няню на выходные. – Она притворно надувает губы.

Он улыбается ей.

– Так точно, мэм.

Я рада, что мистер Вэнс – то есть Кристиан – после смерти жены получил шанс снова стать счастливым. Я смотрю на Трево, и он слегка мне улыбается.

– Мне надо выпить, – говорит Кимберли.

– Мне тоже, – соглашается Кристиан. – Ладно, давайте встретимся в холле через полчаса, водитель будет ждать нас у входа. Ужин за мной!

Я возвращаюсь в комнату и нагреваю утюжок для завивки, чтобы поправить прическу. Я наношу темные тени и смотрюсь в зеркало. Макияж кажется непривычно ярким, но не слишком. Подвожу глаза черным карандашом и наношу румяна, а потом делаю укладку. С пышной прической и ярким макияжем темно-синее платье, в котором я была сегодня утром, смотрится еще лучше. Жаль, что Хардин...

«Нет. Не жаль», – повторяю я себе и надеваю черные туфли на каблуках. Я беру телефон и сумочку, а потом выхожу из номера, чтобы встретиться со своими друзьями... Друзья ли они мне?

Не знаю, но мне кажется, что Кимберли – мне друг, а Тревор очень по-дружески ко мне относится. Кристиан – начальник, так что это немного другое.

В лифте набираю эсэмэску Лэндону – пишу, что отлично провожу время в Сиэтле. Что скучаю по нему и надеюсь, что мы сможем остаться близкими друзьями, несмотря на то, что мы с Хардином уже не вместе.

Выхожу из лифта и замечаю у выхода Трево – узнаю его по темным волосам. На нем черные брюки и светлый свитер, из-за чего он немного напоминает мне Ноя. Я замедляю шаг, а затем подхожу ближе. Когда Тревор ловит мой взгляд, его глаза округляются, и он издает нечто среднее между кашлем и писком. Он краснеет, и я не могу сдержать смеха.

– Ты... ты замечательно выглядишь, – говорит он.

Я улыбаюсь и отвечаю:

– Спасибо. Ты тоже ничего.

Он снова заливается краской.

– Спасибо, – бормочет он.

Странно видеть Тревора таким – застигнутым врасплох. Он всегда так спокоен и собран.

– Вот и они! – Я слышу голос Ким.

– Ого, Ким! – говорю я и машу рукой перед лицом, будто пытаюсь рассеять иллюзию.

Она потрясающе выглядит в красном платье с лямкой через шею, достигающей до середины бедра. Короткие светлые волосы зачесаны наверх, отчего она выглядит сексуально и тем не менее элегантно.

– Кажется, мы весь вечер будем отбиваться от других мужчин, – говорит Кристиан Тревору по дороге к выходу, и они оба смеются.

Кристиан просит водителя отвезти нас в отличный ресторан, где я пробую вкуснейшего лосося и пирог с крабами под забавные истории о тех временах, когда Вэнс работал в издательстве в Нью-Йорке. Мы замечательно проводим время, Тревор с Кимберли слегка подшучивают над тем, как Кристиан в любой ситуации проявляет чувство юмора.

После ужина едем в клуб неподалеку. Он находится в полностью стеклянном трехэтажном здании. Сквозь окна я вижу сотни мерцающих огней, которые освещают всех танцующих внутри, создавая странное сочетание света и тени. Примерно так я и представляла себе ночной клуб – только не такой большой и не с таким количеством посетителей.

Мы выходим из машины, и Кимберли берет меня за руку.

– Завтра отправимся в более спокойное местечко. Некоторые ребята с конференции собирались сюда пойти, и мы решили последовать их примеру! – смеется она.

На входе стоит очень крупный мужчина. Он держит в руке бумаги со списками и строго проверяет имена входящих. Терпеливые любители вечеринок выстроились в очередь, которая растянулась на весь тротуар, до самого угла здания.

– Нам долго придется ждать? – спрашиваю я Тревора.

– Нет-нет, – усмехается он. – Мистер Вэнс никогда не ждет.

Вскоре я понимаю, что он имел в виду. Кристиан шепчет что-то охраннику, и тот открывает вход и тут же пропускает нас. Я изумлена громкой музыкой и яркими огнями, мерцающими сквозь дымовую завесу над танцполом.

Вряд ли я когда-нибудь сумею понять, почему люди платят за то, чтобы заработать себе головную боль и надыхаться дымом в толпе незнакомых людей.

Женщина в коротком платье провожает нас наверх в отдельную кабинку. Внутри за шторами скрываются два диванчика и стол.

– Это VIP-места, Тесса, – говорит Кимберли, замечая мой любопытный взгляд.

– Вот как, – отвечаю я и, следуя примеру спутников, присаживаюсь на один из диванов.

– Что ты обычно пьешь? – спрашивает Тревор.

– Ну, обычно я не пью, – говорю я.

– Я тоже. Вообще люблю вино, но пью редко.

– Нет-нет, Тесса, сегодня ты что-нибудь выпьешь. Тебе не помешает! – громко говорит Кимберли.

– Но... – пытаюсь возразить я.

– Принесите ей «Секс на пляже» – и мне тоже, – говорит она официантке.

Та кивает; Кристиан заказывает что-то, название чего я никогда не слышала, а Тревор решается на бокал красного вина. Пока никто еще не спрашивал, есть ли мне двадцать один год. Может, я выгляжу старше или Кристиана здесь достаточно хорошо знают и не желают докучать его друзьям подобными вопросами.

Я понятия не имею, что такое «Секс на пляже», но предпочитаю не показывать свое невежество. Официантка возвращается и подает мне высокий бокал с кусочком ананаса и розовым

зонтиком. Я благодарю и быстро делаю глоток через соломинку. Напиток и правда отличный – сладкий, но с легкой горчинкой.

– Нравится? – спрашивает Ким.

Я киваю и делаю еще один глоток, побольше.

Глава 14

ХАРДИН

– Да ладно, Хардин. Еще один, – говорит Молли мне на ухо.

Я еще не решил, хочу ли я напиться. Я уже выпил три бокала и понимаю, что после следующего действительно буду пьян. С одной стороны, надраться в хлам и забыть обо всем – неплохая мысль. С другой – мне нужно сохранять способность рассуждать здраво.

– Может, уйдем отсюда? – невнятно бормочет Молли.

От нее пахнет травкой и виски. Какая-то часть меня желает отвести ее в ванную и оттрахать там, просто потому что я могу. Просто потому что Тесса сейчас в Сиэтле с этим уродом Тревором, а я нахожусь в трех часах езды от нее и напиваюсь, сидя на этом гребаном диване.

– Ну же, Хардин, ты ведь знаешь, что со мной совершенно забудешь о ней. – Молли забирается ко мне на колени.

– О чем ты? – спрашиваю я, а она продолжает обнимать меня за шею.

– О Тессе. Я помогу тебе забыть ее, просто позволь мне. Можешь трахать меня до тех пор, пока не забудешь даже ее имя.

Я чувствую ее горячее дыхание на своей шее и пытаюсь оттолкнуть ее.

– Слезай давай, – говорю я.

– Какого хрена, Хардин? – Ее самолюбие явно задето.

– Я тебя не хочу, – жестко отвечаю я.

– С каких это пор? Раньше ты трахал меня, ни о чем не задумываясь.

– С тех пор как... – начинаю говорить я.

– Как что? – Она слезает с дивана и яростно размахивает передо мной руками. – С тех пор как ты встретил эту заносчивую стерву?

Прежде чем я сделаю какую-нибудь глупость, приходится напомнить себе, что Молли – всего лишь девушка, а не воплощение зла, хотя так и не разберешь.

– Не говори о ней так. – Я поднимаюсь с дивана.

– Все это правда, ты только посмотри на себя. Ты как долбанный нытик, страдающий по своей невинной уродине, а она тебя даже не хочет! – кричит она, то ли смеясь, то ли плача. У Молли эти эмоции выглядят примерно одинаково.

Я сжимаю кулаки, и Джейс с Зедом тут же подходят к нам. Молли кладет руку на плечо Джейса.

– Скажите ему, ребята. Скажите, что он стал чертовым занудой с тех пор, как мы его ей сдали.

– Не мы, а *ты*, – поправляет ее Зед.

Она сердито смотрит на него.

– Какая разница? – говорит она, и Зед удивленно смотрит на нее в ответ.

– В чем дело? – спрашивает Джейс.

– Ни в чем, – отвечаю я за нее. – Она расстроена тем, что у меня нет желания ее трахнуть.

– Нет, меня просто бесит, что ты такой придурок. С тобой все равно никто не хочет иметь дела. Именно поэтому Джейс и попросил меня рассказать все ей.

Мои глаза застилает красная пелена.

– Он попросил? – говорю я сквозь зубы.

Я знал, что Джейс тот еще засранец, но все же был уверен, что открыть Тессе всю правду Молли заставила ревность.

– Да, это он подговорил меня ей сказать. Он все спланировал: она немного выпьет, потом я расскажу ей все прямо у тебя на глазах, Джейс бросится за ней и попытается утешить, пока ты будешь реветь, как малыш, черт возьми. – Она смеется. – Как ты там выразился, Джейс? Ты собирался «затрахать ее до смерти»?

Молли показывает в воздухе кавычки, цитируя слова Джейса.

Я делаю шаг к Джейсу.

– Эй, дружище, я просто пошутил... – начинает оправдываться он.

Если не ошибаюсь, губы Зеда искривляются в ухмылке, как только мой кулак врезается в челюсть Джейса.

Снова и снова бью его по морде; но не чувствую никакой боли в костяшках пальцев; я продолжаю драку, придавливая противника сверху, и мой гнев притупляет все другие ощущения. Я представляю, как он касается Тессы, целует ее, раздевает, и бью его еще сильнее. Кровь на его лице лишь раззадоривает меня, усиливает желание причинить ему как можно больше боли.

Лицо Джейса разбито, осколки очков в черной оправе валяются рядом. Кто-то оттаскивает меня от него.

– Хватит, дружище! Ты же его убьешь, перестань! – орет Логан прямо мне в лицо, и я вроде бы возвращаюсь к реальности.

– Если кому-то из вас, придурков, есть что сказать мне, говорите сейчас! – кричу я всем тем, кого когда-то считал друзьями – если это вообще была дружба.

Все молчат, даже Молли.

– Давайте! Если кто-нибудь скажет про нее хоть одно гребаное слово, я проучу вас всех – долго думать не стану!

Напоследок я бросаю взгляд на Джейса, который с трудом пытается подняться с пола, и ухожу из квартиры Зеда. Снаружи меня ждет холодная ночь.

Глава 15

ТЕССА

– Очень вкусная штука! – практически кричу я на ухо Кимберли, допивая свой коктейль. Я размешиваю лед трубочкой, жадно пытаюсь добраться до последних капель на дне бокала.

Она сияет от радости.

– Хочешь еще?

Ее глаза чуть покраснели, но на вид она вполне собрана, тогда как я чувствую какую-то странную легкость.

Опьянение. Вот как это называется.

Я энергично киваю и осознаю, что постукиваю пальцами по коленям в такт музыке.

– Ты в порядке? – спрашивает Тревор, заметив это.

– Да, чувствую себя очень хорошо! – Я стараюсь перекричать музыку.

– Надо потанцевать! – говорит Кимберли.

– Я не танцую! В смысле, я не умею танцевать – по крайней мере, не под такую музыку!

Я никогда не танцевала так, как обычно танцуют люди в клубах, и в любой другой ситуации побоялась бы присоединиться к ним. Но по моим жилам течет алкоголь, который придает мне невероятную храбрость.

– Ну ладно, идем! – кричу я.

Кимберли улыбается, затем поворачивается и целует Кристиана в губы – дольше, чем обычно. Через мгновение она встает, стаскивает меня с дивана и направляется на переполненный танцпол. Зайдя за ограждение, смотрю вниз и вижу, что под нами еще два этажа, где тоже все танцуют. Все выглядят настолько потерянными в собственном мире, что это кажется и пугающим, и захватывающим одновременно.

Конечно, Кимберли знает, как надо двигаться, так что я закрываю глаза и просто пытаюсь позволить музыке направлять мое тело. Я чувствую себя нелепо, но не хочу отставать от нее – других вариантов у меня нет.

Через бесчисленное количество песен и еще два бокала я понимаю, что комната начинает кружиться. Захватив сумочку, отлучаюсь в туалет, пытаюсь протиснуться сквозь бесконечную толпу потных тел. Чувствую, что в сумке вибрирует телефон, и вытаскиваю его. Это мама – отвечать точно не буду, сейчас я слишком пьяна, чтобы с ней разговаривать. В очереди перед кабинками зачем-то просматриваю входящие сообщения и тут же хмурюсь, не увидев ни одного от Хардина.

Может, стоит узнать, чем он занимается?

Нет. Только не это. Завтра я пожалею о своей необдуманности.

Мигающие огни, отражающиеся от стен, начинают меня раздражать. Пока я стою в очереди, я пытаюсь сконцентрировать взгляд на экране мобильного в надежде, что мне станет лучше. Дверь в одну из кабинок наконец открывается, я забегаю внутрь и наклоняюсь над унитазом в ожидании, смогу ли я стошнить. Ненавижу это ощущение. Будь Хардин здесь, он принес бы мне попить и подержал бы мне волосы.

Нет. Нет, он не стал бы.

Надо ему позвонить.

Чувствуя, что меня не стошнит, выхожу из кабинки и иду к раковине. Нажав пару кнопок, я зажимаю телефон между ухом и плечом и пытаюсь оторвать бумажное полотенце. Я хочу намочить его, но вода начинает идти, только когда я несколько раз дергаю полотенцем рядом

с сенсором – ненавижу эти автоматические краны. Подводка немного потекла, и выгляжу я совершенно на себя не похоже. Волосы взъерошены, глаза покраснели. После третьего гудка я нажимаю отбой и кладу телефон на край раковины.

«Какого черта он не отвечает?» – спрашиваю я себя, и мой телефон тут же вибрирует и едва не падает в воду. Я смеюсь. Не знаю почему, но это кажется мне забавным.

Высвечивается имя Хардина, и я пытаюсь провести мокрым пальцем по экрану, чтобы ответить.

– Харольд? – говорю я в трубку.

Харольд? Боже, сколько же я выпила.

Хардин говорит странно, будто он запыхался.

– Тесса? Все в порядке? Ты звонила?

Господи, у него просто ангельский голос!

– Не знаю, разве у тебя не отражается имя абонента в списке входящих звонков? Если высветилось мое имя, то, вполне вероятно, это была я, – со смехом произношу я.

Его тон меняется.

– Ты пила?

– Возможно, – тонким голосом выдаю я и выбрасываю мокрую салфетку в урну.

В туалет заходят две пьяные девушки, одна из них спотыкается о собственную ногу и падает, что вызывает у всех взрыв смеха. Пошатываясь, они заходят в самую большую кабинку, а я пытаюсь снова сосредоточиться на телефонном разговоре.

– Где ты? – резко спрашивает Хардин.

– Ну чего ты, успокойся уже, а? – Он всегда просит меня успокоиться, так что теперь моя очередь.

Он вздыхает.

– Тесса... – Понимаю, что он злится, но мой разум слишком затуманен, чтобы из-за этого волноваться. – Сколько ты выпила?

– Не знаю... может, пять. Или шесть. Вроде того, – отвечаю я, опираясь о стену. Сквозь тонкую ткань платья я чувствую холод плитки – приятный, ведь все тело у меня горит.

– Пять или шесть чего?

– Коктейлей «Секс на пляже»... мы вот никогда не занимались сексом на пляже... Это было бы здорово, – ухмыляюсь я.

Вот бы сейчас увидеть его глупое выражение лица! Не глупое... а прекрасное. Но сейчас лучше думать, что глупое.

– Боже, да ты просто в хлам, – говорит он. Почему-то я знаю, что прямо сейчас он проводит рукой по волосам. – Где ты? – снова интересуется он.

Я знаю, что это звучит по-детски, но все же отвечаю:

– Там, где тебя нет.

– Логично. А теперь скажи мне. Ты в ночном клубе? – рявкает он.

– О-о-о... кто-то очень разозлился. – Я смеюсь.

Конечно, он слышит громкую музыку, и когда он грозит, что с легкостью найдет меня, я ему верю. Но меня это мало волнует.

Слова вырываются из меня прежде, чем я успеваю закрыть рот.

– Почему ты мне сегодня не позвонил?

– Чего? – переспрашивает он, явно озадаченный моим вопросом.

– Ты сегодня не пытался мне дозвониться. – Как жалко это звучит!

– Я думал, ты не хочешь со мной разговаривать.

– Не хочу, но все равно.

– Тогда я позвоню тебе завтра, – спокойно говорит он.

– Не клади трубку.

– Я не кладу... Я просто сказал, что позвоню тебе завтра, хотя ты все равно не ответишь, – объясняет он, и мое сердце сжимается в комок.

Я пытаюсь не выдать своих чувств.

– Ладно. – Да что я такое творю?

– А теперь можешь сказать, где ты?

– Не-а.

– Тревор с тобой? – Его голос звучит серьезно.

– Да, но тут еще Ким и... Кристиан тоже. – Я пытаюсь защититься, но сама не знаю почему.

– Вот, значит, какой план? Взять тебя на конференцию, напоить и повести в этот чертов клуб? – Он повышает голос. – Ты должна вернуться в отель. Ты никогда столько не пила, и теперь ты там с Тревором...

Я нажимаю на кнопку, не дослушав. Да кем он себя возомнил? Радовался бы, что я вообще ему позвонила, и неважно, в пьяном состоянии или нет. Тот еще зануда.

Мне надо выпить.

Телефон вибрирует снова и снова, но я каждый раз нажимаю «отклонить». Получай, Хардин!

Я возвращаюсь к нашим VIP-местам и прошу официантку принести еще один коктейль.

– Ты в порядке? – спрашивает Кимберли. – Тебя кто-то разозлил?

– Нет, все отлично! – вру я.

Официантка приносит коктейль, и я мгновенно опустошаю бокал. Хардин – настоящий придурок, это он виноват, что мы расстались, и ему еще хватает наглости кричать на меня по телефону. Не поступи он так со мной, сейчас мы могли бы быть здесь вместе. Но со мной сейчас Тревор. Тревор очень милый и симпатичный.

– Что? – Тревор улыбается, заметив, что я на него смотрю.

Я смеюсь и отвожу взгляд.

– Ничего.

Пью еще один коктейль, мы говорим о том, как здорово проведем завтрашний день, а потом я опять встаю.

– Я хочу еще потанцевать!

Я зову их всех на танцпол. Тревор будто хочет что-то сказать мне или даже пойти со мной, но краснеет и остается на месте. Судя по виду Кимберли, она уже устала танцевать – махнула мне рукой, – но я не прочь пойти одна. Я пробираюсь к середине танцпола и начинаю двигаться в ритм музыке. Наверное, со стороны я выгляжу нелепо, но наслаждаться музыкой, забыв обо всем, в том числе и о пьяном разговоре с Хардином, – замечательное ощущение.

Примерно на середине песни чувствую, что ко мне кто-то подошел сзади. Поворачиваюсь и вижу высокого симпатичного парня в темных джинсах и белой рубашке. Его каштановые волосы коротко пострижены, а улыбается он очень даже мило. Конечно, это не Хардин, но, опять же, Хардина никому и не заменить.

«Перестань думать о нем», – напоминаю я себе, когда парень кладет руки мне на бедра и шепчет на ухо:

– Я могу составить компанию?

– Э-э... конечно, – отвечаю я. Но на самом деле за меня говорит алкоголь.

– Ты очень красивая, – говорит он, а потом поворачивает меня и привлекает ближе к себе.

Он прижимается к моей спине, и я закрываю глаза, пытаюсь представить себя кем-то другим. Девушкой, которая танцует в клубах с незнакомцами.

Следующая песня – более медленная, более чувственная, и я тоже замедляю движения. Мы поворачиваемся лицом друг к другу, он подносит мою руку к губам и касается кожи. Он ловит мой взгляд, и через секунду я понимаю, что его язык уже у меня во рту. Внутри все про-

тивится этому, меня едва не тошнит от незнакомого запаха, и я чувствую, что должна оттолкнуть его. Но разум, мой разум подсказывает совершенно другое: «Поцелуй его, чтобы забыть про Хардина. Поцелуй его».

Так что я не обращаю внимания на неприятные ощущения внутри. Я закрываю глаза и провожу своим языком по его. За три месяца в колледже я целовала больше парней, чем за все предыдущее время. Руки незнакомца оказываются у меня на спине и затем скользят чуть ниже.

– Хочешь пойти ко мне? – спрашивает он, как только отрывается от моих губ.

– Что? – Я расслышала, но почему-то надеюсь, что если переспрошу, то мне не придется давать ответ.

– Ко мне домой, идем, – бормочет он.

– А... это не самая лучшая идея.

– Нет, это отличная идея.

Он смеется. Разноцветные огни мелькают по его лицу, отчего он выглядит еще более странно и угрожающе.

– С чего ты взял, что я пойду с тобой? Мы даже не знакомы! – Я пытаюсь перекричать музыку.

– Ты только что висла на мне, и тебе это понравилось, плохая девочка, – говорит он, будто это очевидно, а не с целью меня оскорбить.

Я готова наорать на него или врезать ему между ног, но все же стараюсь успокоиться и на секунду задействовать разум. Я только что клеилась к этому парню и потом поцеловала его. Естественно, он хочет большего. Да, черт возьми, что со мной не так? Я только что заигрывала с незнакомцем в клубе – это совсем на меня не похоже.

– Извини, нет, – говорю я и ухожу.

Я возвращаюсь к своим и вижу, что Тревор готов уснуть прямо на этом диване. Он выглядит так замечательно, что я не могу не улыбнуться.

А такое слово вообще есть, «замечательно»? Боже, я слишком много выпила.

Сажусь и вытаскиваю из ведерка со льдом бутылку воды.

– Повеселилась? – спрашивает Кимберли, и я киваю в ответ.

– Да, я здорово провела время, – говорю я несмотря на то, что произошло пару минут назад.

– Идем домой, милая? Завтра нам рано вставать, – обращается Кристиан к Ким.

– Ага. Раз ты идешь, и я иду. – Она проводит рукой по его бедру. Я отвожу взгляд и чувствую, что краснею.

Я толкаю Тревора.

– Ты идешь или будешь спать здесь? – дразню его я.

Он смеется и выпрямляется.

– Я еще не решил – этот диван такой удобный. И музыка очень приятная...

Кристиан звонит водителю, и тот отвечает, что будет через пару минут. Мы встаем и спускаемся вниз по винтовой лестнице. В баре на первом этаже Кимберли заказывает еще один коктейль напоследок, и пока мы ждем, я раздумываю, стоит ли мне тоже выпить, но понимаю, что уже хватит. Если я выпью еще, то просто вырублюсь или меня стошнит. Ни один из вариантов меня не радует.

Кристиану приходит сообщение, и мы все идем к выходу. Холодный воздух приятно освежает разгоряченную кожу – хорошо, что ветер несильный. Мы садимся в машину.

Мы приезжаем в отель почти в три часа ночи. Я пьяна и жутко хочу есть. В номере стоит небольшой холодильник: совершаю на него налет и съедаю почти все, что в нем было. Потом, шатаясь, ползу к кровати и плюхаюсь в нее, даже не сняв туфли.

Глава 16

ТЕССА

– 3-3-замолч-ч-чи! – бормочу я, когда из хмельного сна меня выдергивает неприятный звук. Лишь спустя пару секунд понимаю, что это не крик моей матери, а скорее стук в дверь моего номера.

– Боже, да иду! – кричу я и, пошатываясь, дохожу до двери.

Но потом останавливаюсь и замечаю часы на столе. Почти четыре утра. Кого это черти принесли?

Даже в пьяном состоянии мой разум сковывает жуткий страх. Вдруг это Хардин? Я звонила ему из клуба больше трех часов назад, но разве он мог найти меня? И что я ему скажу? Я к этому не готова.

Стук возобновляется; я отбрасываю все мысли и открываю дверь, ожидая худшего.

Но это всего лишь Тревор. Сердце колет от разочарования, и я тру глаза. Кажется, с тех пор как я легла в кровать, я ничуть не протрезвела.

– Прости, что разбудил, но у тебя случайно нет моего телефона?

– Что? – переспрашиваю я и отхожу назад, пропуская его в комнату.

Я закрываю дверь, и мы оказываемся почти в полной темноте, если не считать тусклого света городских огней за окном. Но я слишком пьяна, чтобы найти выключатель.

– Кажется, мы перепутали телефоны. У меня твой, и, кажется, ты случайно схватила мой. – Он протягивает мне мой мобильный. – Я хотел подождать до утра, но он звонит, не переставая.

– Да? – Это все, что я смогла выговорить.

Беру сумку и открываю ее. Конечно, телефон Тревоора лежит прямо рядом с моим кошельком.

– Прости... наверное, схватила его по ошибке в машине, – извиняюсь я и отдаю его мобильный.

– Ничего страшного. Извини, что разбудил. Ты единственная, кто наутро выглядит так же прекрасно, как и...

Громкий стук в дверь прерывает его и жутко злит меня.

– Да какого черта? Тусовка в комнате Тессы? – кричу я и топаю к двери, готовая наорать на любого сотрудника отеля, который скажет, что мы сильно шумим, а сам создает еще больше шума.

Когда я подхожу к двери, стук становится все громче, отчего я замираю. Затем слышу:

– Тесса! Открывай эту чертову дверь!

Голос Хардина проникает в комнату, словно между нами нет никакой преграды. Позади меня загорается свет, и я вижу Тревоора, побледневшего от страха.

Если Хардин увидит его в моем номере, ничего хорошего из этого не выйдет – он не поверит в историю с телефонами.

– Спрячься в ванной, – команду я, и Тревор удивленно смотрит на меня.

– Что? Я не стану прятаться в ванной! – кричит он, и я понимаю, какая это дурацкая идея.

– Открывай эту чертову дверь! – снова кричит Хардин и колотит в нее ногами. Без остановки.

Прежде чем открыть дверь, я снова смотрю на Тревоора, пытаюсь запомнить его красивым – пока Хардин не разукрасил ему лицо.

– Да иду уже! – кричу я и приоткрываю дверь.

В коридоре стоит кипящий от злобы Хардин, одетый во все черное. Я осматриваю его пьяным взглядом и замечаю, что вместо привычных ботинок на нем простые черные «конверсы». Я всегда видела его только в тех ботинках. И эти новые кеды мне нравятся...

Но я отвлеклась.

Хардин толкает дверь и врывается в комнату, мимо меня – сразу к Тревору. К счастью, успеваю схватить его за рубашку и каким-то образом остановить.

– Думаешь, можешь напоить ее и завалиться в ее чертов номер! – кричит Хардин, пытаюсь вырваться. Я понимаю, что он не применяет всю силу, иначе бы я уже упала на пол, а не держала бы его за тонкую рубашку. – Я видел через замочную скважину, как зажегся свет! И что же вы двое делали тут в темноте?

– Я не... – начал оправдываться Тревор.

– Хардин, прекрати! Хватит бросаться на всех подряд! – кричу я и оттаскиваю его назад.

– Конечно... но мне можно! – со злостью отвечает он.

– Тревор, – говорю я. – Иди к себе, а я постараюсь вправить ему мозги. Мне очень стыдно за его идиотское поведение.

Тревор готов усмехнуться, но один только взгляд Хардина заставляет его замолкнуть.

Тревор уходит, и Хардин поворачивается ко мне.

– «Идиотское поведение»?

– Да, идиотское! Ты врываешься в мою комнату и пытаешься избить моего друга.

– Он не должен был быть здесь. Почему он вообще был здесь? Почему ты еще одета? И откуда у тебя, блин, это платье? – спрашивает он, рассматривая меня.

Я не обращаю внимания на тепло, разливающееся у меня в животе, и сосредоточиваюсь на своем возмущении.

– Он пришел, чтобы забрать свой телефон – я случайно взяла его. И... я вообще не помню, какие еще вопросы ты мне сейчас задал, – признаюсь я.

– Ну, наверное, тебе не стоило столько пить.

– Я буду пить, что, почему, как и когда захочу. Спасибо за беспокойство.

Он закатывает глаза.

– Ты такая раздражительная в пьяном состоянии. – Он плюхается в кресло.

– А ты раздражительный, когда... да всегда. И кто разрешил тебе сесть? – сердито замечаю я, скрестив руки на груди.

Хардин смотрит на меня своими блестящими зелеными глазами. Боже, сейчас он выглядит так соблазнительно!

– Поверить не могу, что он был в твоей комнате.

– Поверить не могу, что ты в моей комнате, – говорю я в ответ.

– Ты с ним трахалась?

– Что? Да как ты смеешь такое спрашивать? – кричу я.

– Ответь на вопрос.

– Нет, придурок. Естественно, нет.

– Ты собиралась... ты хотела этого?

– О господи, Хардин! Ты просто ненормальный! – Я качаю головой и начинаю ходить туда-сюда между окном и кроватью.

– Ну, а почему ты тогда еще одета?

– Это какое-то безумие! – Я закатываю глаза. – Кроме того, не твое дело, с кем я занимаюсь сексом. Может, и с ним, а может, с кем-то другим – как знать? – Я едва не улыбаюсь самыми уголками губ, но заставляю себя сохранять серьезный вид. – Ты об этом не узнаешь.

Мои слова приводят к желаемому эффекту: лицо Хардина становится мрачным, почти зверским.

– Что ты сказала? – рывкает он.

О, это намного веселее, чем я думала! Быть пьяной при встрече с Хардином очень здорово: ведь тогда я говорю, не задумываясь – то есть именно то, что у меня на уме, – и все кажется очень забавным.

– Ты слышал... – говорю я и подхожу к нему. – Может, я отдалась парню в клубе прямо в туалете. А может, Тревору – прямо на этой кровати, – продолжаю я и с легкомысленным видом киваю в сторону постели.

– Заткнись. Сейчас же заткнись, Тесса, – предупреждает меня Хардин.

Но я лишь смеюсь. Я чувствую себя сильной, смелой – я хочу разорвать на нем рубашку.

– В чем дело, Хардин? Не нравится представлять, как Тревор обнимает меня? – Не знаю, в чем дело – в алкоголе, в гневе Хардина или в том, что я по нему скучаю, – но, недолго думая, я залезаю к нему на колени и сажусь на него сверху. Если я не ошибаюсь, это застает его врасплох, и его начинает трясти.

– Ч-что ты... что ты делаешь, Тесса?

– Скажи мне, Хардин, тебе нравится представлять, как Трев...

– Замолчи. Перестань! – умоляет он.

Тогда я говорю:

– Да ладно, расслабься, Хардин, ты знаешь, что я такого не сделала бы.

Я обнимаю его за шею. Находясь в его объятиях, я чувствую, как тоска волной накрывает меня.

– Ты пьяна, Тесса, – говорит он и пытается убрать мои руки.

– Ну... я же хочу тебя. – И эти слова удивляют нас обоих.

Решаю отбросить все мысли, по крайней мере разумные, и запускаю пальцы в его волосы. Боже, как мне не хватало этого ощущения!

– Тесса... Ты сама не понимаешь, что делаешь. Ты напилась, – говорит он.

Но в его голосе нет уверенности.

– Хардин... не заморачивайся. Разве ты не скучаешь по мне? – говорю я, уткнувшись в его шею и покусывая ее. Гормоны совершенно затуманили мне голову, я даже не представляла, что могу желать его так сильно.

– Да-а-а, – шепчет он, когда я покусываю его сильнее, наверняка оставляя засос. – Я не могу, Тесс... прошу тебя.

Но я не останавливаюсь и вместо этого, сидя у него на коленях, покачиваю бедрами, заставляя его стонать.

– Нет... – шепчет он и хватается за мои крепкие руки, чтобы остановить.

Я прерываюсь и сердито смотрю на него.

– У тебя два варианта: либо ты меня трахаешь, либо уходишь. Решай сам.

Блин, я правда сейчас это сказала?

– Если я воспользуюсь твоим... состоянием, завтра ты возненавидишь меня за это, – говорит он и смотрит мне в глаза.

– Я и так тебя ненавижу. – От моих слов он вздрагивает. – Типа того, – добавляю я, – но не так сурово, как бы мне хотелось.

Он расслабляет руки, позволяя мне снова двигать бедрами.

– Может, сначала хотя бы поговорим об этом?

– Хватит, ты прямо как Дебби Даунер¹, обламываешь весь кайф. – Я тяжело вздыхаю и продолжаю двигаться.

– Мы не можем... Все должно быть не так.

---

¹ Debby Downer – вымышленный комедийный персонаж, чьим именем стали называть людей, которые постоянно жалуются, сообщают плохие новости и портят всем настроение.

С каких это пор он стал таким правильным?

– Я знаю, что ты хочешь этого, Хардин, я чувствую, как сильно ты хочешь меня, – говорю я ему на ухо.

Поверить не могу, что мой пьяный разум выдает подобные дерзости, но губы Хардина такие манящие, а его зрачки расширились так, что глаза кажутся почти черными.

– Ну же, Хардин, разве тебе не хочется заняться этим прямо на столе? На кровати? На кухне? Столько вариантов... – шепчу я, слегка покусывая мочку его уха.

– Черт... Ладно, к черту все, – говорит он и тянется ко мне, запуская руки в мои волосы.

Когда губы Хардина касаются моих, все мое тело раскаляется. Не отрываясь от поцелуя, я тяжело вздыхаю, и в ответ слышу такой же страстный вздох Хардина. Провожу руками по его голове, впиваюсь ногтями в его кожу, не контролируя себя и свое желание. Я знаю, что он сдерживается, и это сводит меня с ума. Я опускаю руки ниже, хватаю ворот его футболки и стаскиваю ее с него через голову. Как только наш поцелуй прерывается, Хардин слегка отклоняется назад.

– Тесса... – умоляет он.

– Хардин, – твердо говорю я в ответ и провожу кончиками пальцев по его татуировке.

Мне не хватало того, как напрягаются от прикосновений его крепкие мышцы. Я так хотела снова увидеть замысловатые узоры его тату на этом прекрасном теле!

– Я не могу просто воспользоваться тобой, – возражает он, но тут же издает стон, когда я провожу языком по его нижней губе.

Я слегка ухмыляюсь.

– Помолчи.

Я веду рукой вниз, трогая его через джинсы, в этот момент понимаю, что он не сможет устоять, – и это приносит мне больше удовольствия, чем я представляла. Я никогда не думала, что окажусь в ситуации, когда Хардин будет полностью под моим контролем. Это забавно, правда – то, как мы поменялись ролями.

Он так возбужден, что я поднимаюсь и тянусь к молнии его джинсов.

Глава 17

ХАРДИН

Мои мысли спутались; я знаю, что это все неправильно, но я просто не могу себя остановить. Я хочу ее, я жажду ее. Я желаю ее. Я должен взять ее сейчас, она сама сказала, что у меня есть выбор: либо трахнуть ее, либо уйти, – а раз других вариантов нет, я никуда не пойду. Когда она говорила это, ее слова звучали так непривычно, так странно...

Но так возбуждающе.

Своими изящными руками она расстегивает мои джинсы. Когда вместе с ремнем они спадают вниз, я качаю головой. Я не могу мыслить ясно, я не могу мыслить разумно. Я просто схожу с ума по этой девушке – обычно такой милой, а сейчас такой безумной, – которую я люблю так, что нет сил.

– Подожди... – снова говорю я. Но не желаю, чтобы она останавливалась, хотя моя добрая половина подсказывает, что надо хоть немного сопротивляться – иначе меня накроет чувство вины.

– Нет... никакого ожидания. Я уже долго ждала. – Она говорит нежно и дразнящее, стаскивает с меня трусы и хватает меня рукой.

– Черт возьми, Тесса...

– Вот это правильно. Возьми. Тессу.

Я не могу ее остановить. Даже если хотел бы. Ей нужно это, ей нужен я. И если сейчас она может захотеть меня только в таком состоянии – что ж, я слишком эгоистичен, чтобы от этого отказываться.

Она опускается на колени и обхватывает меня губами. Я опускаю глаза и вижу, что она смотрит на меня, хлопая ресницами. Боже, она выглядит одновременно и ангельски, и дьявольски; лаская меня языком, она кажется и нежной, и грубой.

Она замирает и ухмыляется:

– Я нравлюсь тебе такой?

Я едва не кончаю от одних этих слов. Я киваю, не в состоянии выговорить что-либо, а она снова накрывает мой член своими губами, обхватывает его все сильнее и глубже. Я не хочу, чтобы она останавливалась, но я должен дотронуться до нее. Почувствовать ее.

– Остановись, – прошу я и слегка отвожу назад ее плечи. Она качает головой и снова мучает меня, невероятно быстро двигая головой вверх-вниз. – Тесса... прошу тебя, – вздыхаю я, но она смеется, и этот звук вибрирует в моем теле, и, к счастью, она останавливается, прежде чем я мог кончить ей в рот.

Она улыбается и вытирает рукой свои набухшие губы.

– Просто ты очень вкусный.

– Боже, где ты берешь все эти грязные словечки? – спрашиваю я, и она поднимается с колен.

– Не знаю... я всегда о таком думаю. Просто обычно мне не хватает долбаной смелости, – говорит она, подходя к кровати.

Меня почти смешит, как она говорит «долбаной». Это так не похоже на нее, но сегодня она главная, и она это знает. Я вижу, что ей это нравится – полностью контролировать меня.

Она одета в такое платье, которое сведет с ума любого мужчину. Ткань повторяет все изгибы ее безупречного тела – это самое сексуальное, что я когда-либо на ней видел. Но она снимает платье через голову и игриво кидает в меня. Когда я вижу ее тело, мои глаза едва не

лопаются. Белый кружевной лифчик едва удерживает ее полную грудь, а такого же цвета трусики не скрывают нежную кожу между бедрами и лобком. Ей нравится, когда я целую ее там, хотя я знаю, что она стесняется этих тонких, едва видных белых линий. Не понимаю почему – для меня она безупречна, несмотря ни на какие шрамы.

– Твоя очередь. – Она улыбается и падает на кровать прямо в туфлях.

Я мечтал об этом с того самого дня, когда она ушла. Я не думал, что такое вообще случится, но теперь понимаю, насколько внимательным должен быть к ней, потому что вряд ли это повторится.

Видимо, я задумался, потому что она наклоняет голову и, удивленно изогнув брови, смотрит на меня.

– Мне начинать без тебя? – дразнит она.

Господи, она сегодня просто ненасытна!

Но я ничего не отвечаю и иду к кровати. Сажусь у ее ног, а она нетерпеливо стаскивает трусики. Я убираю ее руки и снимаю их сам.

– Я так скучал по тебе, – говорю я, но она просто запускает руку мне в волосы и направляет вниз. Я качаю головой, но не сопротивляюсь и прижимаюсь к ней губами. Она стонет и прогибает спину, когда мой язык начинает уделять внимание самой чувствительной части ее тела. Я знаю, как ей это нравится. Помню, в первый раз, когда я коснулся ее, она спросила: «Что это?»

Ее невинный взгляд всегда заводил меня и по-прежнему заводит.

– О боже, Хардин! – стонет она.

Я так давно хотел это услышать! Обычно я говорю что-нибудь вроде, какая она мокрая, как хочет меня, но сейчас я не могу подобрать слова. Я слышу лишь ее стоны и вижу, как от удовольствия, которое я ей доставляю, она хватается руками простыни. Ввожу в нее палец, двигаю им внутри, и она издает стон.

– Еще, Хардин, прошу, еще, – просит она, и я даю ей то, чего она хочет.

Ввожу внутри нее двумя пальцами, а потом убираю их и снова тянусь к ней языком. Я замечаю, как напрягаются ее ноги – как всегда, когда она уже близко. Я слегка отклоняюсь и продолжаю пальцами, быстро водя ими из стороны в сторону, и она кричит – выкрикивает мое имя – и кончает. Я смотрю на нее, пытаюсь запомнить все до мельчайших деталей: то, как она закрывает глаза, как открывается ее рот, когда она стонет, как слегка краснеют ее грудь и щеки, когда она испытывает оргазм. Я люблю ее, черт возьми, я так люблю ее! Я не могу удержаться и облизываю свои пальцы. Она такая приятная на вкус, и я надеюсь, что буду помнить это, когда она вновь оставит меня.

Я не могу оторвать взгляд от ее груди, быстро опускающейся и поднимающейся, и она вдруг открывает глаза. Ее прекрасное лицо озаряет улыбка, и я не могу не улыбнуться, когда она пальцем манит меня к себе.

– У тебя есть презерватив? – с хитрым взглядом спрашивает она, когда я наклоняюсь к ней.

– Да... – отвечаю я. Ее улыбка исчезает, она хмурится, и я надеюсь, что ее это не разозлит. – Это просто привычка, – честно признаюсь я.

– Неважно, – бормочет она и смотрит на мои джинсы, которые лежат на полу.

Потом встает, поднимает их и роется в карманах, пока не находит то, что искала.

Я нехотя беру презерватив и смотрю ей в глаза.

– Ты уверена? – спрашиваю я уже в двадцатый раз.

– Да. И если ты согласишься еще раз, я возьму твой презерватив и пойду к Тревору, – резко отвечает она.

Я опускаю взгляд на нее. Сегодня она ни перед чем не останавливается, но я не могу представить ее ни с кем, кроме меня. Может, потому что одна мысль об этом меня убьет. Сердце начинает бешено стучать, и я злюсь, когда представляю ее с этим лицемером Ноем.

– Ну, как хочешь, он будет... – начинает она, но я закрываю ей рот рукой, и она замолкает.

– Даже не смей заканчивать эту фразу, – раздраженно говорю я и чувствую, что под моей рукой ее губы расплываются в улыбке.

Я знаю, что это все неправильно – то, как она пытается злить меня, то, что я трахаю ее, когда она напилась, – но, кажется, мы оба не можем остановиться. Я не могу отказать, когда знаю, что она хочет меня, и есть шанс... небольшой шанс на то, что она вспомнит, как хорошо нам вместе, и позволит мне начать все сначала. Я убираю руку и открываю презерватив. Надеваю, и она тотчас садится мне на колени.

– Сначала я хочу так, – настаивает она и берет меня рукой, прежде чем опуститься. Я пораженно издаю полный наслаждения вздох, а она продолжает двигать бедрами. Ее бедра описывают круг, создавая прекрасный ритм. Очертания ее тела, ее идеальные изгибы меня завораживают; сверху она кажется такой сексуальной. Я знаю, что не продержусь долго, – я уже столько времени не был с ней. В последнее время я удовлетворял себя сам, представляя ее.

– Говори со мной, Хардин, говори, как ты всегда это делал, – просит она и, наклоняясь, обнимает меня за шею.

Меня злит, что она сказала «делал» – как будто это было так давно. Я слегка поднимаюсь, чтобы отвечать ее движениям, и говорю ей на ухо:

– Тебе нравится, когда я говорю тебе грязные словечки, правда? – вздыхаю я, и она стонет. – Отвечай, – говорю я, и она кивает. – Я знаю, что тебе это нравилось, – ты только прикидываешься невинной, но я-то знаю.

Я покусываю ее шею. Я почти перестаю контролировать себя и засасываю кожу, чтобы наверняка оставить след. Чтобы долбаный Тревор увидел это. Чтобы все увидели.

– Ты же знаешь, что только я могу заставить тебя чувствовать такое... ты знаешь, что никто больше не заставит тебя так кричать... никто не знает, где нужно касаться тебя, – говорю я и опускаю руку туда, где соединяются наши тела.

Она истекает влагой, и мои пальцы легко скользят по ней.

– О боже... – стонет она.

– Скажи, Тесса, скажи, что я единственный. – Я тру ее клитор, водя пальцами кругом, и двигаю бедрами навстречу ей, чтобы войти еще глубже.

– Ты... – Она закатывает глаза. Она погружена в страсть, и я погружаюсь вместе с ней.

– Что я?

Я хочу услышать это, даже если она соврет. Мое отчаянное желание пугает. Я хватаю ее за бедра и переворачиваю, ложась сверху, и она кричит, когда я с каждым разом вхожу в нее еще сильнее, чем прежде. Мои пальцы впиваются в ее бедра. Она должна чувствовать меня, чувствовать меня целиком, и она должна любить меня так, как я люблю ее. Она принадлежит мне, а я ей. Ее мягкая кожа блестит от пота, она так восхитительна. Ее грудь вздымается в такт моим движениям, и она закатывает глаза.

– Ты единственный... Хардин... единственный... – говорит она, прикусывая губу, поглаживая себя по лицу, а затем касаясь моего.

Я вижу, что она сходит с ума от удовольствия... и это прекрасно. Кончая, она выглядит идеально. Чтобы самому дойти до оргазма, мне нужно было лишь услышать ее слова. Она впивается ногтями мне в спину, но это приятно, мне нравится такая страсть. Я поднимаюсь и сажаю ее себе на колени, чтобы она снова была сверху. Обхватываю руками ее спину, а когда я поднимаю бедра, она наклоняется головой к моему плечу. Я ритмично вхожу в нее и кончаю, хрипло выкрикивая ее имя.

Я лежу, все еще обнимая ее, и она вздыхает, когда я провожу пальцами по ее лбу, чтобы убрать с лица мокрые волосы. Ее грудь вздымается и опускается, вздымается и опускается, успокаивая меня.

– Я люблю тебя, – говорю я и стараюсь взглянуть ей в глаза, но она подносит палец к моим губам и отворачивается.

– Тс-с-с...

– Не надо мне тс-с-с... – Я переворачиваю ее и тихо говорю: – Нам надо обсудить это.

– Спать... подъем через три часа... Спать... – бормочет она и кладет руку мне на живот.

Это объятие кажется мне даже приятнее, чем секс, а мысль о том, что я буду спать с ней в одной кровати, волнует. Мы так давно не были вместе.

– Ладно, – соглашаюсь я и целую ее в лоб. Она слегка дергается, но я знаю – она слишком устала, чтобы возмущаться.

– Я люблю тебя, – опять говорю я ей, но когда она не отвечает, я пытаюсь успокоить себя тем, что она наверняка уже уснула.

Наши отношения – или что это было между нами – за одну ночь совершенно изменились. Я вдруг стал таким, каким всегда боялся стать. Я – полностью в ее власти. Она может сделать меня самым счастливым мужчиной на земле – или же растоптать меня одним своим словом.

Глава 18

ТЕССА

Звонок будильника врывается в сон, словно танцующий пингвин. Seriously, мой сонный мозг воспринимает это как танцующего пингвина.

Но приятный образ вскоре исчезает. Я понемногу просыпаюсь, и в голове начинает стучать. Когда я пытаюсь встать, то понимаю, что меня придавливает что-то... точнее, кто-то.

О нет! На меня нахлынули воспоминания о том, как я танцевала с каким-то жутким парнем. В панике я открываю глаза... и вижу рядом знакомое, покрытое татуировками тело Хардина. Он положил голову мне на живот и обхватил рукой за талию.

Боже! Какого черта?

Я пытаюсь выбраться, не разбудив его, но он что-то бормочет и медленно открывает глаза. Затем снова закрывает их и поднимается, пытаясь разобраться в наших переплетенных ногах. Я слезаю с кровати, и когда он снова смотрит на меня, то ничего не говорит, а просто наблюдает за мной, словно я какой-то опасный хищник. Я вспоминаю, как Хардин ритмично входил в меня и как я выкрикивала его имя. И о чем я только думала?

Хочу что-то сказать, но, честное слово, в голову ничего не приходит. Я просто схожу с ума, в моей голове происходит настоящая катастрофа. Будто почувствовав мою внутреннюю борьбу, он встает с кровати, укрываясь простыней. О господи. Он садится на кресло и смотрит на меня, и тогда я понимаю, что из одежды на мне только один бюстгальтер. Я машинально сдвигаю ноги и сажусь обратно на кровать.

– Скажи что-нибудь, – настоятельно просит он.

– Я... я не знаю, что сказать, – признаюсь я.

Поверить не могу, что это случилось. Поверить не могу: Хардин здесь, голый, в моей постели!

– Мне жаль, – говорит он и закрывает лицо руками.

В голове стучит от того, что я слишком много выпила, и было это всего несколько часов назад, а еще от мысли о том, что я спала с Хардином.

– Неудивительно, – ворчу я.

Он нервно дергает волосы.

– Ты позвонила мне.

– Я не просила тебя сюда приезжать, – возражаю я.

Я еще не решила, как со всем этим быть. Не знаю, хочу ли я поругаться с ним, выставить его или попытаться урегулировать ситуацию разумно, как делают взрослые люди.

Я встаю и иду в ванную, а вслед мне доносится:

– Ты напилась, и я подумал, вдруг с тобой что-то случилось? И еще этот Тревор...

Я включаю воду и смотрю в зеркало. На шее у меня – огромный красный синяк. Вот черт. К нему больно прикасаться, и я вспоминаю, как Хардин водил языком по моей шее. Наверное, я еще не совсем трезва, потому что мысли до сих пор путаются. Я думала, что начинаю новую жизнь, но вот к чему я пришла: парень, разбивший мне сердце, сидит на моей кровати, а на шее у меня красуется огромный засос, прямо как у влюбленной до одури девочки-подростка.

– Тесса? – зовет он и заходит в ванную, как раз когда я становлюсь под горячий душ. Я молчу, а обжигающая вода смывает грехи прошлой ночи. – Ты... – Его голос срывается. – С тобой все в порядке после того, что случилось ночью?

Почему он так странно себя ведет? Я ожидала, что он нагло ухмыльнется и раз пять скажет «я к вашим услугам», как только откроет глаза.

– Не знаю... Нет, не все в порядке, – отвечаю я.

– Ты теперь ненавидишь меня... еще сильнее, чем раньше?

Сердце тает от того, каким ранимым он сейчас кажется, но я не должна давать слабину. В голове у меня полный хаос, а я ведь только начала приходить в себя. «А вот и не начала», – издевается надо мной подсознание, но я не обращаю на него внимания.

– Нет. Примерно так же, – отвечаю ему я.

– Вот как.

Я смываю шампунь и мысленно молю душ о том, чтобы он излечил меня от похмелья.

– Я не хотел воспользоваться твоим положением, клянусь тебе, – говорит он, когда я выключаю воду.

Заворачиваюсь в полотенце, висящее на крючке. Он стоит в дверном проеме в одних трусах, а его грудь и шея тоже усыпаны красными пятнами.

Никогда в жизни больше не буду пить!

– Тесса, я понимаю, что ты наверняка злишься, но нам надо о многом поговорить.

– Не о чем говорить. Я напилась и позвонила тебе. Ты пришел, и мы занялись сексом. О чем еще говорить?

Я изо всех сил стараюсь оставаться спокойной. Я не хочу, чтобы он знал, как он на меня действует. Как он подействовал на меня этой ночью.

Потом замечаю, что у него сбиты костяшки.

– Что у тебя с руками? – спрашиваю я. – О боже, Хардин, ты что, избил Тренора? – кричу я и тут же вздрагиваю от острой боли в голове.

– Что? Нет, его я не бил. – Он поднимает руки, показывая, что невиновен.

– Тогда кого?

Он качает головой.

– Это неважно. Нам надо поговорить о более важных вещах.

– Нет. Ничего не изменилось.

Открываю косметичку и достаю карандаш-корректор, которым щедро замазываю пятно на шее. Хардин в это время молча смотрит на меня.

– Это была ошибка, я вообще не собиралась тебе звонить, – наконец говорю я, разозлившись, когда даже третий слой корректора полностью не скрывает синяк.

– Это не ошибка, ты явно скучала по мне. Поэтому и позвонила.

– Что? Нет, я позвонила, потому что... потому что не туда нажала. Я не собиралась тебе звонить.

– Врешь.

Он слишком хорошо меня знает.

– Знаешь что? Какая разница, почему я позвонила? – резко отвечаю я. – Ты не должен был сюда приезжать. – Я беру подводку для глаз и провожу широкую линию.

– Нет, я должен был. Ты напилась, и неизвестно, что с тобой могло случиться.

– Да? И что же, например? Я переспала бы с тем, с кем не должна?

Его щеки пылают. Я знаю, что мои слова звучат жестоко, но ему точно не следовало спать со мной, когда я так пьяна. Я расчесываю мокрые волосы.

– Если помнишь, ты почти не оставила мне выбора, – так же грубо отвечает он.

Я помню, помню, как залезла к нему на колени и терлась об него. Я помню, как поставила ему условие: либо секс, либо он уходит. Я помню, как он отказывался и просил остановиться. Мое поведение унижает и пугает меня, но, хуже всего, это напоминает мне о нашем первом поцелуе – когда я, как он утверждает, набросилась на него.

Во мне закипает гнев, и я швыряю расческу, которая с грохотом падает на пол.

– Даже не смей винить во всем этом меня, ты же мог меня остановить! – кричу я.

– Я пытался! Несколько раз! – слышу я крик в ответ.

– Я даже не понимала, что происходит, и тебе это известно! – привираю я.

Я знала, чего хотела, но просто не желаю это признавать.

Но он начинает вспоминать все, что я говорила ему прошлой ночью: «Просто ты очень вкусный», «Говори со мной, Хардин», «Ты единственный, Хардин», – и я больше не могу сдерживаться.

– Выметайся! Выметайся отсюда сейчас же! – кричу я и хватаю телефон, чтобы посмотреть, который час.

– Ночью ты не просила меня выметаться, – сурово говорит он.

Я поворачиваюсь к нему.

– До твоего прихода со мной все было в порядке. Здесь был Тревор. – Я знаю, как его это разозлит.

Но, к моему удивлению, он смеется.

– Да ладно, мы-то с тобой оба знаем, что Тревора тебе недостаточно. Ты хотела меня, только меня. И все еще хочешь, – усмехается он.

– Я была пьяна, Хардин! Зачем мне ты, если я могла бы быть с ним? – Я тут же жалею о сказанном.

Глаза Хардина загораются – то ли от боли, то ли от ревности, – и я решаю подойти к нему.

– Не надо, – говорит он, вытягивая вперед руку. – Знаешь что, пусть будет так. Пусть этот придурок забирает тебя! Я даже не знаю, зачем я здесь. Я должен был понять, что ты поведешь себя именно так.

Я стараюсь не кричать, чтобы никто из соседей не жаловался, но сдержаться трудно.

– Ты это серьезно? У тебя хватает наглости приехать сюда, использовать меня, а потом оскорблять?

– Использовать? Это ты меня использовала, Тесса! Ты знаешь, что я не могу отказать тебе, – и ты продолжала и продолжала настаивать!

Я понимаю, что он прав, но сейчас меня ужасно злит и раздражает мое собственное ночное поведение.

– Какая разница, кто кого использовал? Главное, что сейчас ты уйдешь и больше не вернешься, – решительно говорю я, а затем включаю фен, чтобы не слышать ответ.

Через пару секунд он выдергивает фен из розетки. Едва не вместе со стеной.

– Да что с тобой такое? – кричу я и снова засовываю вилку в розетку. – Ты чуть его не сломал!

Хардин меня так бесит! О чем я только думала, когда звонила ему?

– Я не уйду, пока мы не поговорим обо всем.

Несмотря на боль в груди, я отвечаю:

– Я уже сказала: нам не о чем говорить. Ты сделал мне больно, и я не могу тебя простить. Вот и все.

Хотя я и стараюсь подавить это ощущение, мне все же приятно, что он здесь, пусть мы ругаемся и кричим друг на друга. Я очень скучала по нему.

– Ты даже не пыталась простить меня, – уже немного спокойнее говорит он.

– Нет, я пыталась. Я пыталась забыть, но у меня не получилось. Я не могу тебе верить – вдруг все это опять часть твоей игры? Вдруг ты снова причинишь мне боль?

Я ставлю утюжок для завивки нагреваться и вздыхаю.

– Мне надо собраться побыстрее.

Когда я снова включаю фен, он выходит из ванной, и я надеюсь, что он уйдет. Небольшая, идиотская часть меня надеется, что, когда я выйду, он все еще будет сидеть на кровати. Это не самая разумная часть моего мозга. Это наивная, нелепая девчонка, влюбившаяся в парня,

который является полной противоположностью того, кто ей нужен. У нас с Хардином ничего не получится, я это знаю. Жаль, эта девчонка пока не понимает.

Я завиваю и укладываю волосы так, чтобы они скрыли красные следы на шее. Когда я выхожу, чтобы собрать вещи, Хардин действительно сидит на кровати, и эта глупая девчонка становится немного счастливее. Вынимаю из сумки красное белье и надеваю, все еще обмотанная полотенцем. Когда я разворачиваю его, Хардин смотрит на меня с открытым ртом, но потом пытается сделать вид, что кашляет.

Надевая платье через голову, я чувствую, словно меня тянет к нему какой-то невидимой нитью, но стараюсь отбросить это ощущение. Учитывая наши нынешние отношения, в его присутствии я чувствую себя на удивление комфортно. Почему все так сложно и запутанно? Почему все должно быть так странно? И самое главное: почему я не могу просто забыть его и жить дальше?

- Тебе правда лучше уйти, – спокойно говорю я.
- Тебе помочь? – спрашивает он, когда я вожусь с молнией на платье.
- Нет... все в порядке. Я сама.
- Давай помогу.

Он встает и идет ко мне. Нашу любовь и ненависть, злость и спокойствие разделяет всего лишь шаг. Это странно и по-своему привлекательно.

Я поднимаю волосы, и он застегивает платье, нарочно делая это медленно. Я чувствую, как у меня учащается пульс, и ругаю себя за то, что позволила ему помочь.

- Как ты меня нашел? – спрашиваю я, как только вспоминаю об этом.
- Он пожимает плечами – как будто это не он выследил меня, проехав через весь штат.
- Позвонил Вэнсу, как же еще.
- И он сказал тебе, в каком я номере? – Это меня вовсе не радует.
- Нет, я узнал у консьержа. – Он слегка усмехается. – Я умею убеждать.

То, что найти меня ему помогли сотрудники отеля, никак не улучшает мне настроения.

– Мы не можем просто... ну, знаешь, все эти твои шуточки и приветливость, – говорю я, надевая черные туфли на каблуках.

Он хватается за джинсы и начинает одеваться.

- Почему нет?
- Потому что когда мы рядом, от этого только хуже каждому из нас.
- Он улыбается, отчего на щеках появляются эти коварные ямочки.
- Ты же знаешь, что это не так, – как ни в чем не бывало отвечает он и надевает футболку.
- Нет, это так.
- Не так.
- Прошу, просто уходи, – умоляю я.
- Ты не хочешь, что я ушел, я же знаю, что не хочешь. Ты прекрасно осознавала, что делаешь, когда разрешила мне остаться.

– Нет, ничего подобного, – бормочу я в ответ. – Я напилась. Этой ночью я не осознавала, что делала, – ни когда целовала того парня, ни когда впустила сюда тебя.

Я тут же замолкаю. Не может быть, чтобы я сказала это вслух. Но, судя по широко раскрытым глазам и стиснутым зубам Хардина, все-таки сказала. Голова начинает болеть в десять раз сильнее, и мне хочется дать самой себе пощечину.

- Ч-ч-что? Что ты... что ты сейчас сказала? – едва не рычит он.
- Ничего... я...
- Ты кого-то целовала? Кого? – спрашивает он таким напряженным голосом, будто только что пробежал марафон.
- Кое-кого в клубе, – признаюсь я.

– Ты серьезно? – выдыхает он. И когда я киваю, он просто взрывается: – Да какого... какого, блин, хрена, Тесса? Ты целуешь какого-то парня в этом гребаном клубе, а потом занимаешься сексом со мной? Кем ты стала?

Он закрывает лицо руками. Если я знаю его так хорошо, как я думаю, то сейчас он готов что-нибудь сломать.

– Это было случайно, а мы с тобой вообще уже не вместе. – Я пытаюсь защититься, но получается только хуже.

– Надо же... просто невероятно. Моя Тесса ни за что не поцеловала бы какого-то долбаного незнакомца в клубе! – рявкает он.

– Нет никакой «твоей Тессы», – говорю ему я.

Он качает головой в ответ – снова, снова и снова. Наконец он смотрит мне прямо в глаза и говорит:

– Знаешь что? Ты права. И просто чтобы ты знала: пока ты целовала того парня, я трахался с Молли.

Глава 19

ТЕССА

«Я трахался с Молли. Я трахался с Молли. Я трахался с Молли. Я трахался с Молли. Я трахался с Молли. Я трахался с Молли. Я трахался с Молли. Я трахался с Молли. Я трахался с Молли. Я трахался с Молли».

Слова Хардина еще долго эхом отдаются в голове после того, как он хлопнул дверью и навсегда ушел из моей жизни. Я пытаюсь успокоиться, прежде чем спуститься вниз, где меня ждут остальные.

Я должна была понять, что Хардин играет со мной, я должна была знать, что он по-прежнему путается с этой уродиной. Черт, да вполне возможно, он спал с ней все то время, когда мы «встречались». Как я могла быть такой дурой? Этой ночью я почти поверила, когда он сказал, что любит меня, – ведь иначе зачем ему ехать до самого Сиэтла, думала я. Но ответ прост: затем, что он Хардин и он делает все это, чтобы поиграть со мной. Он всегда так делал и всегда будет делать. Я чувствую себя виноватой из-за того, что проболталась про тот поцелуй, и меня сбивает с толку, что за случившееся этой ночью я ругала Хардина, хотя сама хотела этого не меньше. Я просто не хочу признаваться в этом ни ему, ни себе.

Когда я представляю его с Молли, в животе у меня все сжимается. Если я не поем в ближайшее время, меня стошнит. Не только из-за похмелья, но и из-за признания Хардина. Именно Молли, а не кто-то другой... Я ее презираю. Я легко могу представить, как она по-дурацки ухмыляется, зная, что я буду мучиться каждый раз, представляя их вместе.

Подобные мысли собираются в моей голове, будто стервятники над падалью, но я вытаскиваю себя из этой пропасти, вытираю салфеткой уголки глаз и беру сумку. В лифте я снова едва не срываюсь, но к первому этажу уже успокаиваюсь.

– Тесса! – зовет меня Тревор с противоположного конца холла. – Доброе утро, – говорит он и подает мне кофе.

– Спасибо. Тревор, мне очень жаль, что Хардин так себя вел ночью... – начинаю я.

– Ничего, все в порядке. Он слегка... напорист, да?

Я едва не смеюсь в ответ, но одна только мысль об этом вызывает тошноту.

– Ну да... напорист, – бормочу я и отпиваю кофе.

Он смотрит на свой телефон, а затем кладет его назад в карман.

– Кимберли и Кристиан будут через несколько минут. – Он улыбается. – Так... Хардин все еще здесь?

– Он ушел. И больше не вернется. – Я стараюсь говорить так, словно мне нет до этого дела. – Как спалось? – спрашиваю я, чтобы сменить тему.

– Хорошо, но я волновался из-за тебя. – Тревор переводит взгляд на мою шею, и я поправляю волосы так, чтобы следы не было видно.

– Волновался? Почему?

– Можно у тебя кое-что спросить? Не хочу тебя расстраивать... – Его голос звучит настороженно, и это меня беспокоит.

– Да... давай.

– Хардин когда-нибудь... ну... он никогда не делал тебе больно? – Тревор опускает взгляд.

– Что? Мы часто ругаемся, так что да, он постоянно делает мне больно, – отвечаю я и делаю еще один глоток этого прекрасного кофе.

Он робко добавляет:

– Я имею в виду физически.

Я резко поворачиваюсь в его сторону. Он что, спросил, не бьет ли меня Хардин? Я съеживаюсь от этой мысли.

– Нет! Конечно, нет. Он никогда бы такого не сделал.

По глазам вижу, что Тревор не хотел обидеть меня этим вопросом.

– Извини... просто он кажется таким злым и жестоким.

– Хардин жесток и иногда действительно бывает злым, но он никогда и ни за что не причинил бы мне боль в этом смысле.

Меня слегка раздражает, что Тревор обвиняет Хардина. Он его не знает... но, судя по всему, я тоже его совсем не знаю.

Мы стоим молча пару минут, и я размышляю о нашем разговоре, пока не замечаю Кимберли и ее светлые волосы.

– Прости. Но я считаю, что парень не должен так с тобой обращаться, – говорит Тревор, и к нам тут же подходят остальные.

– Чувствую себя дерьмово. Реально дерьмово, – ворчит Кимберли.

– Я тоже, голова просто раскалывается, – подтверждаю я, и мы идем по длинному коридору в конференц-зал.

– Но ты выглядишь очень хорошо. А я будто только что вылезла из кровати, – говорит она.

– Неправда, – возражает Кристиан и целует ее в лоб.

– Спасибо, милый, но твое мнение необъективно. – Она смеется и затем потирает виски. Тревор улыбается и говорит:

– Кажется, сегодня вечером мы уже никуда не пойдем.

Все сразу же соглашаются.

Когда мы заходим в зал, я тут же хватаю себе хлопья и быстро ем. Я все еще не могу выбросить из головы слова Хардина. Жаль, что я не поцеловала его еще хотя бы раз... Нет, ни о чем таком я не жалею. Наверное, я еще не до конца протрезвела.

Семинары проходят быстро, и хотя Кимберли раздраженно стонет, потому что основной докладчик говорит слишком громко, к обеду от моей головной боли не остается и следа.

Полдень. Хардин уже, должно быть, дома, вернулся к Молли. Скорее всего, назло мне он сразу поехал прямо к ней. Они уже спали в нашей комнате? В смысле, в нашей бывшей комнате? В кровати, которая должна была стать нашей? Когда я вспоминаю, как он касался меня и, вздыхая, произносил мое имя этой ночью, представляю ее на своем месте. Я вижу лишь Хардина и Молли. Молли и Хардина.

– Слышишь меня? – спрашивает Тревор и садится рядом.

Я смущенно улыбаюсь.

– Извини, я задумалась.

– Я спросил, как насчет поужинать сегодня вместе, раз остальные никуда не идут. – Я смотрю в его блестящие голубые глаза, и когда он не слышит от меня ответа, то начинает запиныаться. – Я... если ты не... не хочешь, то ничего страшного.

– Вообще-то, я с удовольствием, – отвечаю я.

– Правда? – выдыхает он.

Судя по всему, он думал, что я откажу, особенно после того, как вел себя Хардин.

Следующие четыре часа слушаю доклады и радуюсь, что Тревор позвал меня на ужин, даже несмотря на угрозы моего безумного бывшего.

– Слава богу, все закончилось. Мне нужно поспать, – ворчит Кимберли, когда мы заходим в лифт.

– Кажется, ты уже не так молода, – дразнит ее Кристиан, а она закатывает глаза и кладет голову ему на плечо.

– Тесса, завтра, пока эти двое будут на своих встречах, мы пойдем по магазинам, – говорит она, прикрывая глаза.

Здорово! Как и спокойный ужин с Тревором в Сиэтле – после безумной ночи с Хардином это просто потрясающе. Меня слегка беспокоит мое поведение: сначала целую незнакомого парня, потом практически принуждаю Хардина заняться со мной сексом, а теперь иду на свидание с еще одним. Но в ужине, по крайней мере, нет ничего плохого, и я знаю, что меня точно не ждут поцелуи или постель.

«Тебя – нет, а вот Хардина и Молли...» – вдруг выдает мое подсознание.

Боже, ну и занудное оно у меня!

Проводив меня до двери, Тревор останавливается и спрашивает:

– Я зайду за тобой в половине седьмого, идет?

Киваю и улыбаюсь, а затем захожу внутрь, на место преступления.

Я собиралась немного поспать перед ужином с Тревором, но вместо этого снова принимаю душ. После всего, что произошло ночью, я чувствую себя грязной и хочу смыть запах Хардина со своего тела. Ровно две недели назад планы были совсем другими: мы с Хардином готовились поехать на Рождество к его маме в Лондон. Теперь мне даже негде жить, и это напоминает о том, что надо перезвонить матери. Прошлым вечером она не раз пыталась мне дозвониться.

Выхожу из душа, снова наношу макияж и набираю ее номер.

– Привет, Тереза, – резко отвечает она.

– Привет, прости, что не перезвонила тебе вечером. Я в Сиэтле на конференции издателей, и у нас был ужин с клиентами.

– Да, точно. Он там?

– Нет... почему ты спрашиваешь? – говорю я как можно более равнодушным тоном.

– Потому что вечером он звонил мне, пытаюсь узнать, где ты. Мне не нравится, что ты дала ему этот номер, – ты же знаешь, какого я о нем мнения, Тереза.

– Я не давала ему этот номер...

– Разве между вами не все кончено? – перебивает она.

– Все кончено. Я сказала ему, что все кончено. Наверное, он хотел спросить про квартиру или что-нибудь такое, – сочиняю я.

Видимо, он действительно был готов на все, чтобы найти меня, если даже позвонил маме. Эта мысль одновременно ранит и радует меня.

– Кстати говоря, тебя не смогут заселить в общежитие до конца рождественских каникул, но раз эта неделя у тебя будет свободной и от работы, и от учебы, то можешь просто приехать ко мне.

– Ну... хорошо, – соглашаюсь я.

Я не хочу проводить каникулы с мамой, но разве у меня есть выбор?

– Пока, до понедельника. И еще, Тесса: если ты знаешь, чего хочешь в жизни, держись как можно дальше от этого парня, – говорит она и вешает трубку.

Неделя у мамы будет настоящим адом. Не представляю, как я жила с ней все восемнадцать лет. Seriously, я даже не осознавала, как мне плохо, пока не почувствовала свободу. Может, я смогу пару дней побыть в мотеле, а потом пожить в квартире, пока Хардина не будет, – он должен уехать во вторник. Конечно, я совсем не хочу туда возвращаться, но аренда все же оформлена на мое имя, да и он ни о чем не узнает.

Проверяю телефон и вижу, что от него нет новых звонков и сообщений, хотя я и так знала, что их не будет. Поверить не могу, что он переспал с Молли и вот так просто заявил мне об этом. Самое ужасное, что не скажи я ему о том поцелуе, то и он бы никогда не признался.

Так же получилось и с тем спором, с которого начались наши «отношения». А все это значит, что я просто не могу ему доверять.

Я почти собралась. Решаю надеть простое черное платье. Когда-то я носила шерстяные плиссированные юбки, но, кажется, это было так давно. Снова замазываю корректором пятно на шее и жду Тревога. Как я и ожидала, он стучит в дверь ровно в шесть тридцать.

Глава 20

ХАРДИН

Я сижу в машине и смотрю на огромный отцовский дом, не решаясь зайти.

Карен украсила все снаружи какими-то гирляндами, елочками и, кажется, поставила перед входом танцующего оленя. Во дворе покачивается на ветру надувной Санта, будто насмехаясь надо мной. Вылезаю из машины, и ветер успевает подхватить кусочки разорванных билетов на самолет прежде, чем я закрываю дверь.

Придется позвонить и убедиться, что мне вернут деньги за неиспользованные билеты, иначе я просто выкинул на ветер две штуки баксов. Наверное, надо было поехать одному и постараться выбраться из этого ужасного состояния, но почему-то мысль о Лондоне уже не кажется такой привлекательной, если ехать без Тессы. Я рад, что мама оказалась не против сама приехать. Ей, похоже, очень даже хочется посетить Америку.

Я звоню в дверь и одновременно пытаюсь придумать, как объяснить, какого черта я сюда явился. Но прежде чем я успеваю что-нибудь сочинить, появляется Лэндон.

– Привет, – говорю я и прохожу, когда он открывает дверь пошире.

– Привет? – отвечает он с вопросительной интонацией.

Я не знаю, что сказать или сделать, и засовываю руки в карманы.

– Тессы здесь нет, – говорит он и идет в гостиную, словно мое присутствие его не удивляет.

– Да... я знаю. Она в Сиэтле, – говорю я и иду за ним.

– Значит...

– Ну... я... пришел, чтобы поговорить с тобой... или с папой, то есть с Кеном. Или с твоей мамой, – бормочу я.

– Поговорить? О чем?

Лэндон берет книгу, вынимает из нее закладку и начинает читать. Мне хочется вырвать книгу у него из рук и бросить в камин, но это мне сейчас не поможет.

– О Тессе, – спокойно отвечаю я.

Я дергаю кольцо в губе и жду, что он рассмеется.

Он смотрит на меня и закрывает книгу.

– Правильно ли я понял... Тесса не хочет иметь с тобой ничего общего, поэтому ты пришел, чтобы поговорить со мной? Или с твоим отцом, или даже с моей мамой?

– Ну... вроде того...

Боже, как он меня бесит! Я и так уже чувствую себя нелепо.

– Хорошо, и чем, ты думаешь, я смогу тебе помочь? Лично я не думаю, что Тесса захочет с тобой разговаривать, и мне казалось, что ты уже забыл обо всем этом.

– Хватит идиотничать. Я знаю, что облажался, но я люблю ее, Лэндон. И я знаю, что она любит меня. Просто сейчас ей больно.

Лэндон глубоко вздыхает и потирает подбородок.

– Не знаю, Хардин. То, что ты сделал, непростительно. Она доверяла тебе, а ты ее унизил.

– Знаю, знаю. Блин, думаешь, я этого не знаю?

Он вздыхает.

– Ну, раз ты появился здесь и просишь о помощи, значит, понимаешь, насколько хреновая сложилась ситуация.

– Так что мне делать, как думаешь? Скажи, не как ее друг, а как мой... ну, как пасынок Кена?

– В смысле, как сводный брат? Твой сводный брат. – Он улыбается. Я закатываю глаза, и он смеется. – Ну, она с тобой вообще разговаривала?

– Да... Ночью я ездил в Сиэтл, и она разрешила остаться с ней, – рассказываю я.

– Что? – Он явно удивлен.

– Ну да, она напилась. Я имею в виду, действительно напилась и практически заставила меня трахнуть ее. – Я вижу, как он недоволен, что я использую такие слова. – Прости... она заставила меня переспать с ней. Ну, не совсем заставила, потому что я хотел этого, в смысле, как я мог отказаться... она просто...

Почему я вообще ему все это рассказываю?

Он перебивает меня:

– Ладно-ладно! Я уже понял.

– Так что сегодня утром я сказал ей кое-что, то, что не должен был говорить, но она проболталась, что целовала другого.

– Тесса кого-то целовала? – явно неверяще переспрашивает Лэндон.

– Ага... какого-то парня в гребаном клубе, – недовольно говорю я. Не хочу снова об этом думать.

– Ну и ну. Ты серьезно ее взбесил, – говорит он.

– Я. Знаю.

– Что ты сказал ей утром?

– Я сказал, что вчера трахался с Молли, – признаюсь я.

– Правда? В смысле... Ты правда занимался сексом с Молли?

– Господи, нет, конечно, нет. – Я качаю головой.

Что за хрень творится в моей жизни, если я решаю поговорить по душам с Лэндоном, а не с кем-то еще?

– Тогда почему ты так сказал?

– Потому что она меня разозлила. – Я пожимаю плечами. – Она целовалась с кем-то другим.

– Ладно. Значит, ты сказал, что переспал с Молли, которую, как ты знаешь, она терпеть не может, просто чтобы сделать ей больно?

– Да...

– Отличная идея. – Он закатывает глаза.

Я машу ему, чтобы он перестал издеваться.

– Думаешь, она любит меня? – спрашиваю я, потому что мне надо это знать.

Лэндон вдруг становится серьезным.

– Я не знаю... – Врать он совсем не умеет.

– Скажи мне. Ты знаешь ее лучше всех, если не считать меня.

– Она любит тебя. Но из-за твоего предательства она твердо уверена в том, что ты ее вообще никогда не любил, – объясняет Лэндон.

Сердце снова разбивается на куски. Не могу поверить, что прошу его о помощи, но без этого мне не обойтись.

– Что мне делать? Ты мне поможешь?

– Не знаю... – Он смотрит на меня нерешительно, но точно понимает, в каком я отчаянии. – Думаю, я могу поговорить с ней. Завтра ее день рождения, помнишь?

– Да, конечно, помню. Вы что-то запланировали вместе? – спрашиваю я.

Лучше бы не запланировали.

– Нет, она сказала, что будет у мамы.

– У мамы? Почему? Когда ты говорил с ней?

– Она прислала мне сообщение пару часов назад. А что ей еще делать? Остаться на день рождения одной в мотеле?

Я решаю не обращать внимания на последний вопрос. Если бы сегодня утром я сдержался, она, возможно, позволила бы мне остаться еще на одну ночь. И теперь я здесь, а она все еще в Сиэтле с этим гребаным Тревором.

Я слышу, как кто-то поднимается по лестнице, и мгновение спустя в дверном проеме появляется отец.

– Я услышал твой голос...

– Да... я пришел поговорить с Лэндоном, – вру я. Ну, это почти правда: я собирался поговорить с тем, кого увижу первым.

Я просто жалок.

Отец, похоже, удивлен.

– Правда?

– Ага. И еще: во вторник приезжает мама, – сообщаю я. – На Рождество.

– Отличная новость. Я знаю, как она скучает по тебе, – говорит он.

Неосознанно стараюсь придумать какую-нибудь язвительную реплику, думаю сказать, какой хреновый из него отец, но понимаю, что не хочу этого делать.

– Ну, тогда я оставлю вас, ребята, разговаривайте. – Он выходит и направляется наверх. – Кстати, кое-что еще, Хардин. – Он останавливается на середине лестницы.

– Да?

– Я рад, что ты пришел.

– Хорошо, – отвечаю я, потому что не знаю, что еще сказать.

Отец натянуто улыбается и поднимается дальше.

Весь день сегодня творится полная хрень. Болит голова.

– Ну... я, наверное, пойду... – говорю я Лэндону, и он кивает.

– Я постараюсь сделать что смогу, – обещает он, и я иду к двери.

– Спасибо. – И когда мы оба неловко замираем в дверном проеме, я бормочу: – Ты ведь понимаешь, что я не собираюсь тебя обнимать и все такое?

Слышу, как он смеется, и закрываю за собой дверь.

Глава 21

ТЕССА

– Есть планы на Рождество? – спрашивает Тревор.

Я поднимаю палец, чтобы он подождал, пока я пережевываю вкусные равиоли. Еда здесь просто потрясающая, и хотя я не гурман, все равно понимаю, что этот ресторан наверняка пятизвездочный.

– Особых нет. Поеду к маме домой на недельку. А ты?

– Собираюсь поработать волонтером в приюте. Не хочется возвращаться в Огайо. У меня есть несколько кузенов и тетюшек, но, с тех пор как умерла мама, мне там нечего делать, – объясняет он.

– О, Тревор, мне так жаль твою маму. Но это так благородно с твоей стороны помочь в приюте.

Я сочувственно улыбаюсь и съедаю последний равиоль. На вкус он такой же прекрасный, как и тот, который я съела первым, но из-за признания Тревоора я уже не так радуюсь еде, хотя вечер становится более приятным. Это как-то странно, правда?

Мы долго разговариваем и лакомимся десертом – прекрасным шоколадным пирогом с карамельным сиропом. Когда официантка приносит счет, Тревор достает кошелек.

– Надеюсь, ты не из тех девушек, которые настоятельно требуют платить пополам? – дразнит он.

– Да ну, только если бы мы были в «Макдоналдсе», – смеюсь я.

Он ухмыляется, но ничего не отвечает. Хардин обязательно бы язвительно заметил, что моя реплика убила все достижения феминизма за последние пятьдесят лет.

На улице опять идет то ли дождь, то ли снег. Тревор просит меня подождать внутри, пока он вызовет такси, что очень предусмотрительно с его стороны. Пару минут спустя он машет мне через стекло, и я выбегаю наружу к теплой машине.

– Так почему ты решила работать в издательской сфере? – спрашивает он, когда мы едем назад в отель.

– Ну, я люблю читать – я только и делаю, что читаю. Это единственное, что меня интересует, поэтому выбрать профессию мне было несложно. В будущем я хотела бы сама что-нибудь написать, но пока что очень довольна тем, чем занимаюсь у Вэнса, – отвечаю я.

Тревор улыбается.

– У меня то же самое с финансами. Больше меня ничто не увлекает. Я с самого детства знал, что моя работа будет связана с цифрами.

Я ненавижу математику, но улыбаюсь в ответ, а он продолжает говорить на ту же тему.

– Значит, любишь читать? – спрашиваю я, когда он заканчивает рассказывать и мы подъезжаем к отелю.

– Да, вроде того. В основном научно-популярную литературу.

– Вот как... почему? – не могу не спросить я.

Он пожимает плечами.

– Меня просто не особо интересуют художественные книги. – Он вылезает из такси и подает мне руку.

– Как они могут тебе не нравиться? – удивляюсь я и опираюсь на его руку. – Самое главное, что дает чтение, – это возможность забыть обо всем и прожить сотни или даже тысячи

других жизней. С научно-популярными книгами это не получится – они не изменяют тебя так, как художественные.

– Изменят? – удивляется он.

– Да, художественная литература меняет тебя. А если прочитанное на тебя никак не повлияло, значит, ты выбрал не ту книгу. – Мы проходим через холл, и я разглядываю прекрасные картины на стенах. – Я склонна думать, что каждая прочитанная книга стала частью меня и в каком-то смысле создала меня именно такой.

– А ты увлеченная натура! – смеется он.

– Да... похоже на то, – отвечаю я.

Хардин согласился бы со мной, и мы говорили бы на эту тему несколько часов, а может, и дней.

Мы молча поднимаемся на лифте и выходим, Тревор следует за мной по коридору. Я устала и уже готова лечь, хотя сейчас только девять.

Мы доходим до моей двери, и Тревор улыбается.

– Я отлично провел время. Спасибо, что поужинала со мной.

– Это тебе спасибо, что пригласил, – улыбаюсь я в ответ.

– Мне очень нравится проводить с тобой время, и мне кажется, у нас много общего. Я бы хотел снова с тобой увидеться. – Он ждет, что я скажу, а потом уточняет: – Не на работе.

– Да, я буду рада, – говорю я.

Он делает шаг вперед, и я застываю на месте. Он кладет руку мне на талию и тянется ко мне.

– Э-э... думаю, что сейчас лучше не надо, – бормочу я.

Его щеки заливаются краской, и я чувствую себя ужасно виноватой из-за того, что так оборвала его.

– Нет, я все понимаю. Прости. Мне н-не следовало... – запинаясь он.

– Все в порядке. Я просто не готова к такому... – объясняю я, и он улыбается.

– Я понимаю. Тогда пока, спокойной ночи, Тесса, – говорит он и уходит.

Захожу в номер и шумно выдыхаю – даже не представляла, что во мне столько всего накопилось. Я снимаю туфли и думаю, стоит ли раздеться или просто лечь так. Я устала, я так устала! Решаю подумать об этом лежа и через пару минут вырубаясь.

Следующий день вместе с Кимберли пролетает очень быстро; мы больше сплетничаем, чем ходим по магазинам.

– Как прошел вечер? – спрашивает она.

Маникюрша смотрит на меня с любопытством, и я улыбаюсь ей.

– Здорово, мы с Хардином ходили ужинать, – говорю я, и Кимберли открывает рот от удивления.

– С Хардином?

– С Тревором. Мы ходили с Тревором. – Я бы влепила себе пощечину, не будь свеженакрашенных ногтей.

– Хм-м... – дразнит меня Кимберли, и я закатываю глаза.

После маникюра заходим в один из магазинов. Разглядываем туфли, некоторые мне нравятся, но ничего такого, что я действительно хотела бы купить. Кимберли с восторгом покупает несколько блузок, и я вижу, что она по-настоящему любит шопинг.

Когда мы заглядываем в магазин мужской одежды, она хватает с полки темно-синюю рубашку на пуговицах и говорит:

– Думаю, возьму еще и рубашку Кристиану. Будет забавно, он ведь ненавидит, когда я трачу на него деньги.

– Разве у него... ну, не слишком много рубашек? – спрашиваю я, стараясь не казаться чересчур любопытной.

– Конечно, много. Просто до хрена. Но когда мы куда-нибудь ходим, я люблю платить за себя. Потому что я с ним не из-за денег, – с гордостью говорит она.

Я рада, что познакомилась с Кимберли. Не считая Лэндона, она сейчас мой единственный друг. А друзей среди девушек у меня никогда особо не было, так что мне это немного в новинку.

Несмотря на все это, я жду, когда нас заберет машина, которую вызвал Кристиан. Я отлично провела время здесь в Сиэтле, но в то же время произошло и много ужасного. Всю обратную дорогу я сплю. Прошу высадить меня у мотеля. К моему удивлению, моя машина стоит на прежнем месте.

Плачу еще за две ночи и отсылаю маме эсэмэс: пишу, что заболела, скорее всего, отравилась. Она не отвечает, и я надеваю пижаму и включаю телевизор. Ничего интересного по телику нет, совсем ничего, так что лучше я почитаю. Я беру ключи от машины и выхожу, чтобы достать оттуда сумку.

Когда я открываю дверь и лезу внутрь, то замечаю какую-то черную штуку. Электронная книга?

Я достаю ее вместе с самоклеющимся листочком, на котором написано: «С днем рождения. Хардин». Сердце начинает таять, но затем внутри все напрягается. Я никогда не любила читать с экрана, предпочитаю держать в руках настоящую книгу. Но после конференции мое мнение немного изменилось. Кроме того, так будет легче работать с рукописями на работе – не придется все время их распечатывать.

Я все же беру с собой «Грозовой перевал» – ту самую книгу, которую взяла у Хардина, – и затем возвращаюсь в номер. Когда я включаю электронную книгу, то тут же улыбаюсь, а потом начинаю всхлипывать. На главном экране появляется папка «Тесс», и когда я щелкаю по ней, открывается список всех книг, которые мы с Хардином когда-либо обсуждали, то споря, то смеясь.

Глава 22

ТЕССА

Когда я наконец просыпаюсь, на часах уже два. Не припомню, когда я последний раз вставала позже одиннадцати, а уже тем более – после полудня, но у меня есть оправдание: почти до четырех я читала и изучала замечательный подарок Хардина. Это так заботливо – слишком заботливо – с его стороны, это лучший подарок на день рождения.

Беру телефон и проверяю пропущенные звонки. Два от мамы, один от Лэндона. Несколько сообщений с поздравлениями, в том числе от Ноя. Я никогда особенно не любила дни рождения, но и оставаться в такой праздник одной тоже не очень хочется.

Хотя я буду не одна. С Кэтрин Эрншо и Элизабет Беннет мне намного лучше, чем с мамой.

Я заказываю кучу китайской еды и весь день не снимаю пижаму. Мать просто в бешенстве, когда я звоню и говорю, что болею. Похоже, она мне не верит, но если честно, меня это мало волнует. Сегодня мой день рождения, и я буду делать что захочу; а я хочу лежать в кровати, есть и изучать новую электронную игрушку – значит, этим я и буду заниматься.

Руки несколько раз тянутся набрать номер Хардина, но я их останавливаю. Каким бы чудесным ни был его подарок, он все-таки переспал с Молли. Как только я думаю, что унижить сильнее он меня уже не может, именно это он делает. Вспоминаю, как мы с Тревором ужинали в субботу. С Тревором, таким милым и обаятельным. Он говорит то, что думает, и делает мне комплименты. Он не кричит на меня и не раздражает. Он никогда не врал мне. Мне не приходится гадать, о чем он думает и что он чувствует. Он умный, образованный, успешный и на праздниках работает волонтером в приюте. По сравнению с Хардином он просто идеал.

Проблема в том, что я не должна сравнивать его с Хардином. Да, Тревор скучноват и не разделяет мою страсть к чтению, как Хардин, но главное – нас не связывает общее мучительное прошлое.

Больше всего меня бесит то, что я действительно люблю в Хардине его характер, грубоватые манеры и все такое. Он забавный, остроумный и может быть очень милым. Его подарок затуманил мне голову – я не должна забывать, как он со мной поступил. Вся эта ложь, все его тайны и все те дни, когда он трахал Молли.

Благодарю Лэндона за поздравления, и уже через пару секунд он присылает сообщение и спрашивает адрес мотеля. Я хотела сказать, что ему не стоит так далеко ехать, но и проводить остаток дня в одиночестве мне тоже не хочется. Я не переодеваюсь, но надеваю под пижамную футболку бюстгальтер, читаю и жду, когда он приедет.

Через час Лэндон стучит в дверь. Открываю, он встречает меня знакомой приятной улыбкой и обнимает меня, а я улыбаюсь в ответ.

– С днем рождения, Тесса! – говорит он, уткнувшись в мои волосы.

– Спасибо, – отвечаю я и обнимаю его еще крепче.

Он выпускает меня из объятий и садится на стул.

– Чувствуешь себя старше?

– Нет... хотя да. За последнюю неделю я будто постарела лет на десять.

Он слегка улыбается, но ничего не говорит.

– Я заказывала китайскую еду – еще много осталось, угощайся, если хочешь, – предлагаю я.

Лэндон поворачивается к столу и берет одну из коробок и пластиковую вилку.

- Спасибо. Так вот чем ты занималась весь день? – дразнит меня он.
- Естественно. – Я смеюсь и сажусь на кровать, скрестив ноги.
- Он замечает кое-что и удивленно смотрит на меня.
- Ты купила электронную книгу? Я думал, ты терпеть их не можешь.
- Да... но теперь мне нравится. – Я показываю ему новый гаджет и восхищенно продолжаю: – Тысячи книг прямо под рукой! Что может быть лучше? – Я улыбаюсь, наклонив голову.
- Ну, лучший способ порадовать себя в день рождения – купить себе подарок, – говорит он с набитым ртом, пережевывая рис.
- Вообще-то, это мне Хардин подарил. Оставил в машине.
- Вот как. Мило с его стороны, – замечает он странным тоном.
- Да, очень мило. Он даже загрузил все мои любимые книги и ... – Я заставляю себя замолчать.
- И что ты об этом думаешь?
- Это еще больше сбивает меня с толку. Иногда он совершает невероятно добрые поступки, но в то же время делает то, что причиняет мне боль.
- Лэндон улыбается и, покачивая вилкой, говорит:
- Ну, он действительно тебя любит. Жаль только, что любовь и здравый смысл не всегда сочетаются.
- Я вздыхаю.
- Он не знает, что такое любовь.
- Я пролистываю список романов в электронной книге и понимаю, что почти ни в одном из них герои не отличаются здравым смыслом.
- Он вчера приходил поговорить со мной, – говорит Лэндон, отчего я роняю книгу на кровать.
- Что?
- Да, понимаю. Я тоже удивился. Он хотел поговорить либо со мной, либо с отцом, либо даже с моей мамой, – рассказывает он, и я качаю головой.
- Зачем?
- Попросить помочь ему.
- Внутри меня зарождается беспокойство.
- Помочь? С чем? С ним все в порядке?
- Да... ну, не совсем. Он просил помочь с тобой. Он был в полнейшем смятении, Тесса. Представь себе, он пришел не куда-нибудь, а домой к отцу.
- Что он сказал? – Представить не могу, что Хардин пришел к Кену за советом по поводу отношений.
- Что любит тебя. Хочет, чтобы я убедил тебя дать ему еще один шанс. Я хотел, чтобы ты знала об этом, – я не стану ничего скрывать.
- Я... ну... я даже не знаю, что сказать. Не верится, что он пришел к тебе. Что вообще решил к кому-то обратиться.
- Хотя мне и не хочется это признавать, он уже не тот Хардин Скотт, которого я знал. Он даже пошутил насчет того, что не станет по-братски обнимать меня. – Он смеется.
- Я тоже не могу не рассмеяться.
- Не может быть!
- Это очень забавно, хотя я и не знаю, как ко всему этому относиться. Перестав смеяться, я смотрю на Лэндона и осмеливаюсь спросить:
- Ты правда думаешь, что он меня любит?
- Да. Я не уверен, следует ли тебе простить его, но я могу сказать точно, что он действительно любит тебя.

– Он ведь соврал мне, выставил меня на посмешище – даже признавшись мне в любви, все равно пошел и рассказал им все. А как только я начала думать, что все же смогу двигаться дальше, он заявляет, что спит с Молли.

Глаза наполняются слезами, и чтобы отвлечься, беру с тумбочки бутылку воды и делаю глоток.

– Он с ней не спал.

Я смотрю на него.

– Нет, спал. Он сам мне сказал.

Отставив еду, Лэндон покачивает головой.

– Он сказал это, чтобы сделать тебе больно. Я понимаю, что это не намного лучше, но вы оба любители отплатить другому той же монетой.

Первая мысль, которая приходит мне в голову: «А Хардин умен». Он заставил поверить в эту ложь даже сводного брата. Но затем я думаю: «Но что, если он правда не спал с Молли?» Смогу ли я тогда когда-нибудь его простить? Я уже решила, что никогда его не прощу, но, кажется, этого парня ничем не пробьешь.

И словно в насмешку от мироздания получаю эсэмэс от Тренора: «С днем рождения, красавица».

Быстро благодарю в ответном сообщении, а потом говорю Лэндону:

– Мне нужно время. Не знаю, что и думать.

Он кивает.

– Конечно. Так чем будешь заниматься на Рождество?

– Этим. – Я киваю в сторону пустых коробок из-под еды и электронной книги.

Он берет пульт от телевизора.

– Домой не поедешь?

– Даже здесь уютнее, чем в компании моей мамы, – отвечаю я, стараясь не думать, как жалко все это выглядит.

– Ты не можешь оставаться на Рождество в отеле, Тесса, да еще одна. Приходи к нам. Думаю, мама уже приготовила тебе кое-какие подарки... ну, знаешь, еще до того.

– До того, как моя жизнь покатилась ко всем чертям? – слегка ухмыляюсь я, и он с улыбкой кивает.

– Вообще-то, я думала, что могу побыть в квартире, раз Хардин завтра уезжает... а потом перееду в общежитие – надеюсь, это случится до его возвращения. А если нет, я всегда смогу вернуться в это милое жилище.

Не могу не посмеяться над тем, в какой нелепой ситуации я оказалась.

– Да... хорошая идея, – говорит Лэндон, не отрывая взгляд от телевизора.

– Думаешь? А вдруг он туда заявится?

Он по-прежнему пялится в телевизор, но говорит:

– Он ведь будет в Лондоне, так?

– Да. Ты прав. И квартира к тому же арендована на мое имя.

Мы с Лэндоном смотрим телик и говорим о том, что Дакота уезжает в Нью-Йорк. Если она решит остаться там, то в следующем году он переведется в Нью-Йоркский университет. Я рада за него, но не хочу, чтобы он уезжал из Вашингтона, – хотя ему об этом, конечно, не говорю. Лэндон сидит у меня до девяти, а после его ухода я забираюсь в постель и читаю, пока не начинаю засыпать.

На следующее утро собираю вещи, чтобы поехать в квартиру. Не могу поверить, что я действительно возвращаюсь туда, но вариантов у меня немного. Я не хочу стеснять Лэндона, я точно не желаю ехать к матери, а если останусь здесь, то скоро потрачу все деньги. Я чувствую себя виноватой, что не еду к маме, но всю неделю выслушивать ее ехидные замечания – это не

для меня. Может, я все-таки навещу ее на Рождество, но точно не сегодня. У меня еще пять дней, чтобы все решить.

Я завиваю волосы и крашусь, а потом надеваю темные джинсы и белую рубашку с длинными рукавами. Вылезать из пижамы не хочется, но мне надо заехать в магазин, чтобы купить продукты на несколько дней. Если я съем то, что лежит в холодильнике у Хардина, то он поймет, что я была там. Я складываю вещи в сумку – у меня их не так много – и спешу к машине, которую, к моему удивлению, пропылесосили, и теперь внутри пахнет мятой. Хардин.

Когда я иду к магазину, начинает валить снег. Я покупаю столько еды, чтобы ее хватило до Рождества – пока буду решать, где провести праздник. Стою в очереди и представляю, что подарил бы мне Хардин. Подарок на день рождения оказался таким полезным; как знать, что еще он мог бы придумать. Надеюсь, это было бы что-нибудь простое, не слишком дорогое.

– Вы думаете подходить? – рявкает сзади женский голос.

Я поднимаю взгляд и вижу, что на меня нетерпеливо смотрит кассир. Я даже не заметила, как двигалась очередь передо мной.

– Извините, – бормочу я и выкладываю продукты на ленту.

Когда я заезжаю на парковку перед домом, сердце начинает бешено стучать. Вдруг он еще не уехал? Сейчас только полдень. В отчаянии я оглядываю всю стоянку, но его машины нигде нет. Наверное, поехал на ней в аэропорт и оставил ее там.

Или его отвезла Молли.

Подсознание не знает, когда нужно заткнуться. Как только я понимаю, что его точно нет, я паркуюсь и выхожу, забрав пакет с продуктами. Снег идет все сильнее и уже тонким слоем покрывает машины. По крайней мере, скоро я окажусь в теплой квартире. Дойдя до квартиры, глубоко вздыхаю, открываю дверь и захожу внутрь. Мне здесь очень нравится, это идеальное место для нас... то есть для него... или для меня – одной.

Я открываю шкафчики на кухне и холодильник. К моему удивлению, все забито едой. Наверное, Хардин совсем недавно ходил в магазин. Я засовываю свои продукты туда, где осталось место, и снова спускаюсь к машине, чтобы забрать остальные вещи.

Не могу перестать думать о том, что сказал Лэндон. Я поражена тем, что Хардин решил у кого-то попросить совета и что Лэндон прямо заявил, что, по его мнению, Хардин любит меня, я старалась не думать об этом, опасаясь пустых надежд. Если я позволю себе поверить в то, что он действительно меня любит, станет только хуже.

Вернувшись в квартиру, запираю дверь и отношу сумки в комнату. Я достаю почти всю свою одежду и вешаю в шкаф, чтобы вещи не слишком помялись – в шкаф, который мы должны были использовать вместе, и эта мысль для меня, словно нож по сердцу. Слева висит только несколько пар его темных джинсов. Я едва сдерживаюсь, чтобы не повесить на вешалки его футболки – они всегда немного помятые, хотя даже в них он выглядит идеально. Мой взгляд падает на строгую черную рубашку, одиноко висящую в углу; ее он надевал на свадьбу. Я спешу поскорее развесить одежду и отхожу от шкафа.

Варю пасту и включаю телевизор. Делаю звук погромче, чтобы было слышно даже из кухни, – показывают старую серию «Друзей», которую я смотрела, наверное, раз двадцать. Загружая посудомойку, я повторяю реплики вместе с героями; надеюсь, Хардин этого не заметит, но я терпеть не могу, когда в раковине стоит грязная посуда. Я зажигаю свечу и протираю столешницу. Сама не замечаю, как начинаю подметать полы, пылесосить диван и заправлять постель. Когда вся квартира сияет чистотой, я стираю кое-что из своих вещей и складываю одежду, которую Хардин оставил в сушилке. Сегодня самый спокойный и приятный день за всю последнюю неделю. И он остается таким, пока я не слышу голоса в коридоре и не замечаю, как медленно поворачивается дверная ручка.

Черт! Он все-таки здесь. Почему он всегда появляется, когда приезжаю я?! Надеюсь, он все же дал ключи кому-нибудь из друзей, чтобы они присмотрели за квартирой... Может, это Зед пришел с девушкой? Кто угодно, только не Хардин – пожалуйста, только не Хардин.

Внутри заходит женщина, которую я никогда раньше не видела, но каким-то образом я сразу понимаю, кто она. Она очень красивая, и сходство нельзя не заметить.

– Ого, Хардин, как тут замечательно! – говорит она, и ее акцент сначала кажется таким же непривычным, как и у ее сына.

Этого. Не. Может. Быть. Я выставлю себя полнейшей идиоткой перед мамой Хардина – разложила еду по всей кухне, загрузила вещи в стиралку и надраила квартиру. Когда она смотрит на меня, я в панике замираю на месте.

– Ой, ну надо же! Ты, наверное, Тесса! – Она улыбается и спешит ко мне.

Хардин переступает через порог и, склонив голову набок, роняет ее чемодан с цветочным узором. На его лице отчетливо читается удивление. Я отвожу от него взгляд и перевожу внимание на женщину, которая тянется обнять меня.

– Я так расстроилась, когда Хардин сказал, что ты уезжаешь из города на этой неделе! – бормочет она и заключает меня в объятия. – Наглый мальчишка, выдумал все, чтобы удивить меня!

Что?

Она кладет руки мне на плечи.

– Боже, какая же ты чудесная! – умиляется она и опять меня обнимает.

Я ничего не говорю и тоже обнимаю ее. Хардин в ужасе – это застигло его врасплох.

И не его одного.

Глава 23

ТЕССА

Когда она обнимает меня в четвертый раз, Хардин наконец выдавливают:

– Мам,пусти ее уже. Она несколько застенчива.

– Ты прав. Извини, Тесса. Я просто так рада познакомиться с тобой. Хардин очень много о тебе рассказывал, – с улыбкой говорит она.

Она отходит назад и кивает. Чувствую, как краснею. Удивительно, что ей вообще известно о моем существовании, – я-то думала, что он, как обычно, скроет это.

– Все в порядке, – с трудом выговариваю я, несмотря на весь ужас.

Миссис Дэниэлс широко улыбается и смотрит на сына, который говорит:

– Мама, не хочешь пока пройти на кухню?

Когда она выходит, Хардин осторожно приближается ко мне.

– Можно... ну... тебя на м-минутку? – запинаясь он.

Я киваю и бросаю взгляд в сторону кухни, а потом иду вслед за ним в спальню, которая когда-то была нашей.

– Какого черта? – шепчу я, закрыв дверь.

Вздвогнув, он садится на кровать.

– Понимаю... прости. Я не смог рассказать ей о том, что случилось. Я не мог сказать ей, что сделал такое. Ты собираешься... ну, остаться здесь? – В его словах звучит столько надежды, что это невыносимо.

– Нет...

– Вот как.

Я вздыхаю и запускаю пальцы в волосы – видимо, эту привычку я переняла у Хардина.

– Ну, и что же мне делать?

– Не знаю, – со вздохом отвечает он. – Я не рассчитываю, что ты подыграешь мне и все такое... Просто мне нужно время, чтобы все ей рассказать.

– Я тоже не знала, что ты будешь здесь. Я думала, ты поедешь в Лондон.

– Я передумал, я не хотел ехать без... – Он не договаривает, и я вижу боль в его взгляде.

– И почему ты не рассказал ей, что мы уже не вместе? – Не знаю, действительно ли я хочу услышать его ответ.

– Она так радовалась, что я кого-то нашел... Я не хотел ее расстраивать.

Вспоминаю слова Кена: он никогда не думал, что у Хардина будут нормальные отношения с кем-то, и он был прав. Но я не хочу портить настроение его маме. И то, что я решаю сделать, я делаю точно не ради него.

– Ладно. Можешь сказать ей, когда будешь готов. Только не рассказывай про спор.

Опускаю взгляд. Если она узнает о том, как ее сын потерял свою первую и единственную любовь, ей будет очень больно.

– Серьезно? Ты не против, если она будет думать, что мы еще вместе? – Он удивился сильнее, чем я могла предполагать. Когда я киваю в ответ, он облегченно выдыхает: – Спасибо. Я был уверен, что ты устроишь мне сцену прямо у нее на глазах.

– Я бы не стала этого делать, – искренне отвечаю я. Неважно, как сильно я злюсь на Хардина, я не собираюсь портить его отношения с матерью. – Я достираю, а потом пойду. Я думала, тебя не будет, и решила побыть здесь, а не в мотеле.

Я неловко пожимаю плечами. Мы уже слишком долго торчим в спальне.

– Тебе некуда пойти?

– Я могу поехать к матери. Только совершенно не хочу, – признаюсь я. – В мотеле неплохо, но немного дороговато.

Это наша самая приличная беседа за последнюю неделю.

– Я знаю, что остаться ты не согласишься, но тогда, может, я помогу тебе с деньгами?

Я вижу, что он боится того, как я могу отреагировать на его предложение.

– Мне не нужны твои деньги.

– Понимаю, я просто подумал, что должен предложить. – Он опускает взгляд.

– Нам лучше вернуться. – Я вздыхаю и открываю дверь.

– Я сейчас буду, – спокойно говорит он.

Меня не радует перспектива остаться наедине с его мамой, но торчать в тесной спальне рядом с Хардином я вовсе не могу. Я делаю глубокий вдох и выхожу.

Иду на кухню и вижу, что она стоит у раковины. Взглянув на меня, она спрашивает:

– Я ведь его не расстроила? Я не хотела давить на тебя.

Ее голос звучит так мягко. Полная противоположность голосу ее сына.

– Нет, конечно, нет. Он просто... уточнял кое-что насчет этой недели, – вру я.

Врать я никогда не умела, поэтому обычно стараюсь этого не делать.

– Это хорошо. Я же знаю, как быстро у него иногда меняется настроение.

Ее улыбка такая добрая, что я не могу не улыбнуться в ответ.

Наливаю себе воды, чтобы попытаться успокоиться, и когда я делаю глоток, она продолжает:

– До сих пор не могу поверить, что ты такая красивая. Он говорил, что ты самая красивая девушка на свете, но я-то думала, он преувеличивает.

Не так изящно, как полагается самой красивой девушке на свете, я выплевываю воду обратно в стакан. Что-то он ей говорил? Я хочу переспросить, но вместо этого опять отпиваю воды, чтобы замаять свою неуклюжую реакцию.

Она смеется.

– Серьезно, я думала, что ты вся в татуировках и с зелеными волосами.

– Нет, никаких татуировок и зеленых волос. – Я смеюсь и понемногу расслабляюсь.

– Ты на английской филологии, как и Хардин, верно?

– Да, мэм.

– Мэм? Зови меня Триш.

– Вообще я стажирюсь в «Вэнс паблишинг», так что расписание занятий у меня странное. А сейчас каникулы.

– Вэнс? Тот самый, который Кристиан Вэнс? – спрашивает она. Я киваю. – Да, я не видела Кристиана уже... лет десять как минимум. – Она переводит взгляд на стакан, который я держу в руке. – Мы с Хардином даже жили у него целый год, когда Кен... Ну, неважно. Хардин не любит, когда я много болтаю. – Она взволнованно смеется.

Я не знала, что Хардин и его мама жили у мистера Вэнса, но слышала, что у них были очень близкие отношения – намного ближе, чем просто отношения мальчика с другом его отца.

– Я в курсе про Кена, – говорю я Триш, пытаюсь сгладить эту неловкость, но сразу же об этом жалею: вдруг она подумает, что я слишком много знаю о случившемся с ней?

Я начинаю беспокоиться, что могла расстроить ее. И когда она отвечает «Правда?», я стараюсь увильнуть от темы и говорю:

– Да, Хардин рассказывал мне...

Но он заходит на кухню, и я замолкаю, хотя надо признать, я рада, что он прервал этот разговор.

Он удивленно смотрит на нас.

– И что же тебе рассказывал Хардин?

От напряжения у меня едва не закипают мозги, но, к моему удивлению, его мама отвечает: «Ничего, сынок, просто девичьи секреты», а затем подходит к нему и обнимает. Он слегка отходит, будто непроизвольно. Она хмурится, но я понимаю, что для них это вполне обычно.

Пищит сушилка, и я использую эту возможность, чтобы выйти из кухни и выбраться из дома как можно быстрее.

Я вытаскиваю теплые вещи из сушилки и складываю их, сидя на полу. Мама Хардина такая милая, и я ловлю себя на том, как бы мне хотелось познакомиться с ней в совсем других обстоятельствах. Я не злюсь на Хардина, я злилась уже слишком долго. Я чувствую грусть и тоску, представляя, как у нас все могло сложиться.

Разложив одежду, иду в спальню, чтобы собрать сумки. Лучше бы я не развешивала все в шкафу и не раскладывала бы продукты на кухне.

– Милая, тебе помочь? – спрашивает Триш.

– Ну, я собиралась сложить вещи, чтобы поехать к маме на неделю, – отвечаю я, понимая, что я действительно поеду туда, потому что жить в мотеле слишком дорого.

– Ты уезжаешь сегодня? Уже сейчас? – Она хмурится.

– Да... я обещала ей быть дома на Рождество.

Где же Хардин, когда он так нужен, чтобы помочь мне выпутаться из нашего разговора?!

– Вот как, а я надеялась, что ты останешься хотя бы до завтра. Кто знает, когда мы теперь сможем увидеться, – я бы хотела получше узнать юную леди, в которую влюбился мой сын.

И вдруг внутри меня появляется желание сделать эту женщину счастливой. Не знаю, в чем дело, – то ли в том, что я по глупости сказала про Кена, то ли в том, как она ловко сменила тему, когда на кухню зашел Хардин. Но я точно понимаю, что не хочу слишком долго раздумывать, и поэтому затыкаю внутренний голос и просто киваю, а потом говорю:

– Ладно.

– Правда? Ты останешься? Всего на одну ночь, а завтра поедешь к маме. Отправляться в путь в такую метель все равно не стоит.

Она подходит ко мне и обнимает уже в пятый раз.

По крайней мере, она будет своего рода буфером между мной и Хардином. При ней мы не будем ругаться. Ну, я-то точно не буду. Я понимаю, что это, наверное... что это точно самая ужасная идея, но Триш трудно отказать. Как и ее сыну.

– Ну, я быстренько в душ. Перелет был долгим!

Она широко улыбается и выходит из комнаты.

Я сажусь на кровать и закрываю глаза. Это будут самые неловкие и мучительные двадцать четыре часа в моей жизни. Что бы я ни делала, я оказываюсь там, с чего начинала, – то есть рядом с ним.

Через пару минут я открываю глаза и вижу, что Хардин стоит около шкафа, спиной ко мне.

– Извини, я не хотел тебя беспокоить, – говорит он, обернувшись. Я встаю. Он стал таким странным, извиняется через слово. – Я вижу, ты навела порядок в квартире, – спокойно замечает он.

– Да... не могла удержаться. – Я улыбаюсь, он тоже. – Хардин, я сказала твоей маме, что сегодня останусь здесь. Только сегодня, но если ты против, я уеду. Просто мне стало так неловко – она очень милая, и я не могла отказать, хотя если тебе неудоб...

– Тесса, все в порядке, – быстро говорит он, но затем добавляет подрагивающим голосом: – Я хочу, чтобы ты осталась.

Я не знаю, что сказать в ответ, и я еще не осознаю всю странность такого поворота событий. Я хочу поблагодарить его за подарок, но голова занята другими мыслями.

– Хорошо провела день рождения? – спрашивает он.

– Да, хорошо. Лэндон заезжал.

– Понятно... – Но потом мы слышим, что его мама заходит в гостиную, и он идет к двери. В проеме он останавливается и поворачивается ко мне: – Я не знаю, как мне себя вести.

Я вздыхаю.

– Я тоже.

Он кивает в ответ, и мы оба выходим в гостиную к его маме.

Глава 24

ТЕССА

Когда мы с Хардином заходим в гостиную, его мама сидит на диване; мокрые волосы она убрала в пучок. Для своего возраста она выглядит очень молодо, просто потрясающе.

– Давайте я приготовлю на всех ужин, и мы посмотрим кино! – с энтузиазмом предлагает она. – Ты ведь скучаешь по моей еде, милый?

Хардин закатывает глаза и пожимает плечами.

– Ага. Лучше повара и не найти.

Боже, как это неловко!

– Эй! Все не так уже плохо! – Она смеется. – И кажется, ты только что напросился занять место у плиты.

Я неуклюже переступаю с ноги на ногу – не знаю, как держаться рядом с Хардином, когда мы не вместе и не ссоримся. Странно, что мы сейчас здесь, хотя я вдруг понимаю, что во всем этом есть какая-то закономерность: Кен и Карен, напротив, решили, что мы встречаемся, еще задолго до того, как мы действительно сблизились.

– Ты умеешь готовить, Тесса? – спрашивает Триш, отрывая меня от моих размышлений. – Или этим все же занимается Хардин?

– Ну, мы оба. Хотя мы скорее «разогреваем», а не готовим, – отвечаю я.

– Рада слышать, что ты заботишься о моем мальчике. И квартира такая милая. Подозреваю, что именно Тесса ответственная за уборку, – дразнит она.

Я не «забочусь о ее мальчике» – обманув меня, он упустил шанс получить мою заботу.

– Ага... он, вообще-то, неряха, – говорю я.

Хардин смотрит на меня, и на его губах играет легкая улыбка.

– Я не неряха – просто она повернута на чистоте.

Я закатываю глаза.

– Он неряха, – в один голос повторяем мы с Триш.

– Так мы будем смотреть кино или проведем весь вечер, издеваясь надо мной? – надув губы, спрашивает Хардин.

Я успеваю сесть первой, чтобы мне не пришлось неловко выбирать место на диване рядом с кем-то из них. Я вижу, как он смотрит в мою сторону в молчаливом смятении. Мгновение спустя он садится прямо рядом со мной, и я чувствую знакомое тепло.

– Что будем смотреть? – спрашивает его мама.

– Неважно, – отвечает Хардин.

– Можете сами выбрать, – говорю я, стараясь смягчить его грубый ответ.

Она улыбается мне и останавливается на «50 первых поцелуях» – уверена, Хардину ужасно не понравится.

Будто прочитав мои мысли, он мучительно воет, едва увидев первые кадры.

– Этому дурацкому фильму уже лет сто.

– Т-с-с, – шепчу я, и он раздраженно фыркает, но замолкает.

Пока мы с Триш смеемся над фильмом и сочувственно вздыхаем вместе с героями, я несколько раз замечаю, что Хардин на меня смотрит. Я вполне неплохо провожу время и на пару мгновений почти забываю все, что случилось между нами. Тяжело сдержаться и не положить голову на плечо Хардина, не коснуться его руки, не убрать его волосы, когда они падают ему на лоб.

– Я хочу есть, – бормочет он, когда кино заканчивается.
– Почему бы вам с Тессой не приготовить что-нибудь? У меня был такой долгий перелет. – Триш улыбается.
– Да ты готова все свалить на этот долгий перелет, – говорит он.
Криво улыбаясь, она кивает. Похожую улыбку я не раз замечала на лице Хардина.
– Ничего страшного, я что-нибудь приготовлю, – предлагаю я и встаю, а затем иду на кухню.

Взявшись руками за края мраморной столешницы, я с силой сжимаю их, стараясь перевести дыхание. Не знаю, как долго я еще продержусь, притворяясь, что Хардин не разрушил наши отношения, притворяясь, что я люблю его. Я действительно люблю его, люблю так, что это причиняет мне боль. Проблема не в том, что у меня не осталось чувств к этому хмурому, эгоистичному мальчишке. Проблема в том, что я давала ему уже не один шанс, всегда прощая его отвратительные слова и поступки. Но сейчас мое терпение кончилось.

– Хардин, помоги ей, ты же джентльмен, – говорит в другой комнате Триш, и я подбегаю к морозилке, словно со мной не случился этот маленький срыв.

– Э-э... тебе помочь? – Голос Хардина раздается на кухне.

– Давай... – отвечаю я.

– Мороженое? – спрашивает он, и я перевожу взгляд на то, что держу в руках.

Я хотела взять курицу, но отвлеклась.

– Ну да. Мороженое все любят, разве не так? – говорю я, и он улыбается, снова показывая свои коварные ямочки.

Я выдержу. Я смогу находиться рядом с Хардином. Мы поладим, и я сумею спокойно говорить с ним.

– Я бы съела ту пасту с курицей, которую ты мне когда-то готовил, – говорю я.

Его зеленые глаза пристально смотрят на меня.

– Хочешь пасту?

– Да. Если тебе не сложно.

– Конечно, нет.

– Ты сегодня такой странный, – шепчу я так, чтобы не услышала наша гостья.

– Ничего подобного. – Он пожимает плечами и подходит ближе ко мне.

Он наклоняется, и мое сердце бешено стучит. Я отхожу в сторону, а он протягивает руку, чтобы открыть морозилку.

Я думала, он собирается поцеловать меня. Да что, блин, со мной такое?

Мы готовим ужин практически в полной тишине, потому что оба не знаем, что говорить. Я все время наблюдаю за ним, смотрю, как он держит нож своими изящными пальцами и нарезает курицу и овощи, как он закрывает глаза, когда пар из кастрюли попадает ему в лицо, как он облизывает губы, когда пробует соус. Я знаю, что это не самый лучший способ сохранять спокойствие и здравый смысл, – но ничего не могу с собой поделать.

– Я накрою на стол, а ты пока сходи скажи маме, что все готово, – говорю я, когда он заканчивает кулинарить.

– Зачем? Я просто позову ее.

– Нет, это некрасиво. Сходи за ней, – говорю.

Он раздраженно закатывает глаза, но все же соглашается, хотя тут же приходит назад – один.

– Она спит.

Я все расслышала, но все равно удивленно переспрашиваю:

– Что?

– Ага, вырубилась прямо на диване. Разбудить?

– Не надо... у нее был долгий день. Я отложу ее порцию, чтобы она могла поесть, когда проснется. Все равно уже поздно.

– Всего восемь.

– Да... и это поздно.

– Наверное. – В его голосе никаких эмоций.

– Да что с тобой? Я знаю, что нам сейчас неловко и все такое, но ты ведешь себя очень странно, – говорю я, одновременно раскладывая пасту на две тарелки.

– Спасибо, – благодарит он и выхватывает тарелку, не успев сесть за стол.

Я достаю вилку и ем стоя, опершись на столешницу.

– Ну так ты расскажешь мне?

– Про что? – Он цепляет курицу вилкой и с жадностью начинает есть.

– Почему ты ведешь себя так... тихо и... мило. Это странно.

Он молча прожевывает и глотает и только потом отвечает:

– Просто не хочу ляпнуть что-нибудь не то.

– Понятно. – Другого ответа я не придумала. Ну, такое я от него точно не ожидала услышать.

Тогда он переводит стрелки на меня.

– А ты почему такая милая и странная?

– Потому что здесь твоя мама и сделанного не вернешь. Теперь ничего не изменить. Я не могу вечно держать в себе гнев. – Я опираюсь локтем на стол.

– Что это значит?

– Ничего. Я просто говорю, что хочу вести себя вежливо и не ругаться. Между нами это ничего не меняет. – Я прикусываю щеку изнутри, чтобы не дать себе заплакать.

Но вместо того, чтобы что-то сказать, Хардин встает и бросает тарелку в раковину. Фарфор раскалывается с таким грохотом, что я даже подпрыгиваю. Хардин даже не вздрагивает и, не обернувшись, уходит в спальню.

Я заглядываю в гостиную, чтобы проверить, не разбудил ли он выплеском ярости свою мать. К счастью, она по-прежнему спит, слегка приоткрыв рот, отчего ее сходство с сыном становится все более заметным.

Как обычно, мне приходится убирать за Хардином. Я загружаю тарелки в посудомойку, убираю остатки еды, а потом протираю стол. Я совершенно измучена – скорее психологически, чем физически, – но перед сном мне надо сходить в душ. А где я, блин, буду спать? Хардин на кровати в спальне, Триш – на диване. Наверное, мне лучше поехать назад в мотель.

Я переключаю отопление на более высокую температуру и выключаю свет в гостиной. Когда я захожу в спальню, чтобы взять пижаму, то вижу, что Хардин сидит на кровати, упершись локтями в колени и закрыв лицо руками. Он не поднимает взгляд, поэтому я быстро достаю из сумки шорты, майку и белье и иду к двери. Уже собираясь закрыть за собой дверь, я слышу что-то, похожее на приглушенный всхлип.

Хардин что, плачет?

Нет. Не может быть.

Но если да, я не могу просто взять и выйти из комнаты. Я подхожу к кровати и останавливаюсь перед ним.

– Хардин? – спокойно говорю я и пытаюсь убрать его руки от лица. Он сопротивляется, но я с силой тяну его за руку. – Посмотри на меня, – прошу я.

Он все же открывает лицо, и его вид меня потрясает. Покрасневшие глаза, мокрые от слез щеки. Я пытаюсь взять его за руку, но он убирает свою ладонь.

– Просто уходи, Тесса, – говорит он.

Я слишком часто слышала от него эти слова.

– Нет, – настаиваю я и опускаюсь на колени рядом с ним.

Он вытирает глаза тыльной стороной ладоней.

– Это была плохая идея. Утром я все расскажу матери.

– Тебе необязательно это делать. – Я и раньше видела слезы в его глазах, но подобных несдержанных рыданий с дрожащими руками – никогда.

– Нет, я должен. Ты так близко, но в то же время так далеко – и это для меня настоящее мучение. Это худшее наказание. Конечно, я его заслуживаю, я это знаю, но выдержать это просто невозможно, – всхлипывает он. – Даже мне. – Он делает глубокий резкий вдох. – Когда ты согласилась остаться... я думал, что, возможно... возможно, я все еще дорог тебе так же, как ты дорога мне. Но я все вижу, Тесс, я вижу, как ты смотришь на меня теперь. Я вижу боль, которую причинил тебе. Я вижу, как ты изменилась из-за меня. Я знаю, что сам виноват в этом, но мне безумно больно видеть, что я теряю тебя. – Слезы текут все сильнее, капая на его черную футболку.

Я хочу сказать что-нибудь, что угодно, чтобы прекратить это. Чтобы облегчить его страдания.

Но где был он, когда я каждую ночь засыпала в слезах?

– Мне лучше уйти? – спрашиваю я, и он кивает.

Даже сейчас это меня обижает. Я понимаю, что не должна быть здесь, что мы не должны продолжать это, но мне нужно больше. Больше времени с ним. Пусть даже это время будет болезненным, мучительным – оно все же лучше, чем ничего. Как бы я хотела никогда не полюбить его, вообще никогда его не встретить.

Но я его встретила. И действительно полюбила.

– Хорошо. – Я с трудом сглатываю комок в горле и поднимаюсь.

Он останавливает меня, схватив за запястье.

– Прости меня. За все, за то, что причинил тебе боль, за все, – говорит он, явно прощаясь со мной.

Как бы я ни хотела того признавать, глубоко внутри я знаю: я не готова к тому, чтобы он вот так поставил на нас крест. С другой стороны, с легкостью простить его я тоже не могу. Уже несколько дней это мучает меня, но сегодня эти мучения просто невыносимы.

– Я... – начинаю я, но тут же замолкаю.

– Что?

– Я не хочу уходить, – говорю я так тихо, что он вряд ли меня слышит.

– Что? – снова спрашивает он.

– Я не хочу уходить. Я знаю, что должна, но не хочу. По крайней мере, не сегодня.

Клянусь, я вижу по его лицу, как разбитое сердце вновь собирается по кусочкам в целое. Это прекрасно, но в то же время и пугающе.

– Что ты имеешь в виду?

– Не знаю, что я имею в виду, но я и сама не готова это понять, – отвечаю я, надеясь, что разговор поможет прояснить мои ощущения.

Хардин озадаченно смотрит на меня, от его слез почти не осталось следа. Он машинально вытирает лицо футболкой и говорит:

– Ладно. Можешь спать на кровати, я лягу на полу.

Он хватает две подушки и одеяло, а подсознание не может не повеселить меня мыслью о том, что, возможно – лишь возможно, – все эти слезы были напоказ. И все же я уверена, что это не так.

Глава 25

ТЕССА

Закутываюсь в теплое одеяло; не могу перестать думать о том, что я никогда, ни за что не ожидала увидеть Хардина таким. Его тело тряслось от рыданий, и он казался таким чувствительным, таким ранимым. Баланс отношений между мной и Хардином постоянно смещается, так что в конкретный момент кто-то один имеет превосходство. И сейчас это я.

Но я не хочу. Мне не нужно это превосходство. Любовь не должна быть похожа на схватку. Кроме того, я не доверяю себе, когда дело доходит до контроля над тем, что происходит между нами. Всего несколько часов назад я думала, что приняла окончательное решение, но теперь, когда я увидела его таким разбитым, разум снова затуманился, а мысли спутались.

Даже в темноте я вижу, что Хардин на меня смотрит. Когда я вздыхаю, высвобождая неосознанное напряжение, он тут же спрашивает:

– Хочешь, я включу телевизор?

– Не надо. Если хочешь, включай, но мне и так нормально, – отвечаю я.

Жаль, что я не достала электронную книгу, – могла бы почитать перед сном. Может, отвлекись я на историю краха жизней Кэтрин и Хитклиффа, собственные беды показались бы мне не такими серьезными, не такими горестными. Кэтрин всю жизнь пыталась побороть свою любовь к этому мужчине, пока однажды не попросила его о прощении и не призналась, что не может без него жить, – и умерла всего несколько часов спустя. Но я ведь смогу жить без Хардина, верно? Я не буду бороться с этим всю жизнь. Это всего лишь временно... правда? Мы ведь не станем причинять боль себе и другим только из-за своего упрямства и твердолобости? Меня беспокоит неопределенность сравнения с книгой, особенно учитывая, что я начинаю сопоставлять Тревора с Эдгаром. Не знаю, что и думать. Все так сложно.

– Тесс? – зовет мой личный Хитклифф, вырывая меня из размышлений.

– Да? – хриплым голосом отзываюсь я.

– Я не трахался... то есть не спал, с Молли, – говорит он, будто заменив грубое слово на более приемлемое, он не так сильно меня шокирует.

Я молчу, изумленная тем, что он заговорил об этом, – и тем, что мне хочется ему верить. Но я не должна забывать, что он мастер обмана.

– Я клянусь, – добавляет он.

Ну что ж, раз он «клянется»...

– Тогда зачем ты так сказал? – резко спрашиваю я.

– Чтобы сделать тебе больно. Просто я ужасно разозлился, когда ты сказала, что поцеловала кого-то, поэтому и наврал, чтобы задеть тебя как можно сильнее.

Я не вижу его в темноте, но почему-то чувствую, что он лежит на спине, скрестив руки и положив их под голову, и смотрит в потолок.

– Ты правда с кем-то целовалась? – продолжает он прежде, чем я успеваю что-то сказать.

– Да, – признаюсь я. Но, услышав его тяжелый вдох, я пытаюсь смягчить удар и добавляю: – Всего один раз.

– Почему? – Его голос звучит спокойно, но в нем все же слышится буря эмоций. Это так странно.

– Я правда не знаю... Я злилась из-за того, как ты говорил со мной по телефону, и я слишком много выпила. Ну и потанцевала с каким-то парнем, а он меня поцеловал.

– Ты танцевала с ним? Как танцевала? – спрашивает он.

Я раздраженно закатываю глаза – Хардину вечно нужно знать все до мельчайших деталей, даже хотя мы уже не вместе.

– Тебе лучше не знать.

От его слов воздух в комнате будто электризуется.

– Нет, я хочу знать.

– Хардин, мы просто танцевали, как обычно танцуют в клубе. Потом он поцеловал меня и хотел, чтобы я поехала к нему домой.

Я смотрю, как крутится вентилятор на потолке. Я понимаю, что если мы продолжим эту беседу, то его лопасти остановятся, не сумев пробиться сквозь густой накал эмоций.

Пытаюсь сменить тему:

– Спасибо за электронную книгу. Очень полезный подарок.

– Он хотел, чтобы ты поехала к нему? И ты поехала?

Я слышу, как он ворочается – судя по всему, теперь он не лежит, а сидит.

Я же словно замерла.

– Тебе обязательно задавать такие вопросы? Ты же знаешь, что я никогда такого не сделаю, – резко отвечаю я.

– Ну, я никогда не думал, что ты будешь целоваться и танцевать с кем-то в клубе! – рявкает он.

Через пару молчаливых мгновений я отвечаю:

– Думаю, не стоит заводить разговор о том, кто чего не ожидал.

Снова шорох одеяла; чувствую, что он подошел к кровати. Его голос звучит прямо у меня над ухом.

– Прошу, скажи мне, что ты не поехала.

Он садится рядом со мной, и я отодвигаюсь.

– Ты же сам знаешь. Той ночью ты приехал ко мне.

– Я хочу услышать это от тебя. – Его голос звучит сурово, но в нем слышится мольба. – Скажи, что ты только целовалась с ним один раз и больше его не видела.

– Я целовалась с ним один раз и больше его не видела, – повторяю я потому, что он хочет это услышать.

Я внимательно смотрю на линии его татуировки, которую видно на шее из-под футболки. Его близость и успокаивает, и обжигает меня. Идет бесконечная схватка, но у меня больше нет сил сражаться.

– Может, я еще о чем-то не знаю? – спокойно спрашивает он.

– Нет, – вру я.

Я не собираюсь рассказывать ему про свидание с Тревором. Между нами ничего не было, но Хардина это в любом случае не касается. Тревор мне нравится, и я хочу оградить его от Хардина, этой настоящей ходячей бомбы.

– Уверена?

– Хардин... не думаю, что в нашей ситуации ты имеешь право меня допрашивать, – говорю я, глядя ему в глаза. Не могу удержаться.

– Я знаю. – Его ответ удивляет.

Когда он встает с кровати, я пытаюсь не обращать внимания на охватывающее меня ощущение пустоты.

Глава 26

ХАРДИН

Денек выдался адский. Я рад случившемуся, но все-таки это был ад. Я никак не ожидал, что, вернувшись из аэропорта, застаю дома Тессу. Для мамы я сочинил простое оправдание: моей девушки не будет, потому что она уезжает на рождественские каникулы. Мама немного поныла, но не стала задавать слишком много вопросов или сомневаться в правдивости отговорок. Она была так рада – и кроме того, так удивлена, – что в моей жизни появилась женщина. Думаю, и она, и отец ожидали, что я всегда буду один. Собственно говоря, я тоже так считал.

Это даже забавно, такая жестокая насмешка: я ни на секунду не могу перестать думать об этой девушке, хотя всего три месяца назад хотел быть один. Я даже не представлял, чего мне не хватает, а теперь, когда я нашел это, то не могу упустить. Но все зависит от нее; что бы я ни делал, я не могу заставить ее быть со мной.

Я пытался остановиться, пытался забыть о ней, пытался двигаться дальше... и это было мучением. Блондинка с идеальной внешностью, которую я пригласил на свидание в субботу, была не Тессой. Никто не мог ее заменить. Конечно, блондинка была похожа на нее и даже одевалась, как она. Она краснела, когда я ругался, и, кажется, немного побаивалась моего поведения весь вечер. Да, она была милой, но скучной.

В ней не было той искры, которая есть в Тессе: эта девушка не сердилась, когда я сквернословил, она даже ничего не сказала, когда в разгар ужина я положил руку ей на бедро. Знал, что она согласилась пойти со мной, чтобы перед предстоящим походом в церковь воплотить в жизнь свои извращенные фантазии о плохом мальчишке, но я не был против – я ведь тоже в каком-то смысле ее использовал. Я пытался заполнить ею пустоту, которая осталась после Тессы. Отвлечься от мысли, что Тесса поехала в Сиэтл с этим гребаным Тревором. Когда я наклонился, чтобы поцеловать ее, то чувство вины накрыло меня с головой. Я отступил назад, а она, судя по ее невинному взгляду, явно была смущена – я практически побежал назад к машине, оставив ее одну в ресторане.

Я встаю и смотрю на спящую девушку, в которую безрассудно влюблен. Когда я увидел, как она убрала квартиру, постирала вещи и даже положила зубную щетку в ванной, то подумал... что у меня еще есть надежда. Но опять же, от пустых надежд ничего хорошего ждать не стоит.

Я все еще хватаюсь за тонкую нить, за тот крошечный шанс, что она может простить меня. Если бы сейчас она проснулась, то закричала, увидев, как я стою перед ней и наблюдаю за ней во сне.

Я понимаю, что мне надо немного остыть. Дать ей свободу. Эта ситуация, эти чувства так истощают и переполняют меня, что я даже не представляю, какого черта мне с ними делать. Но я найду способ – я что-нибудь придумаю. Я убираю с ее лица выбившийся локон и заставляю себя отойти от кровати, вернуться к одеялам, сложенным на полу, – там мне и место.

Может, сегодня я все же сумею заснуть.

Глава 27

ТЕССА

Просыпаюсь, вижу над собой потолок под кирпич и не сразу понимаю, где нахожусь. Непривычно просыпаться здесь после того, как всю последнюю неделю я ночевала в отелях. Встаю и вижу, что на полу все убрано, а одеяло и подушки сложены рядом со шкафом. Я беру косметичку и иду в ванную.

Из гостиной слышится голос Хардина:

– Мам, она не может сегодня остаться. Ее мама ждет дома.

– А мы не можем пригласить ее маму сюда? Я была бы рада познакомиться с ней, – отвечает Триш.

Только не это!

– Нет, ее маме... я не очень нравлюсь, – говорит он.

– Почему?

– Наверное, она считает, я недостаточно хорош для Тессы. А может, из-за моего внешнего вида.

– Из-за внешнего вида? Хардин, не позволяй никому зарождать в тебе чувство неуверенности. Я думала, тебе нравится... твой стиль.

– Да, нравится. То есть мне нет никакого дела до того, кто там что думает. Кроме Тессы. Я открываю рот от удивления, а Триш смеется:

– Кто ты такой и куда ты подевал моего мальчика? – И по-настоящему счастливым голосом продолжает: – Не могу припомнить, когда наш с тобой разговор последний раз обходился без ругани, это было уже много лет назад. Ты очень мил.

– Ладно... хватит уже...

Хардин сердито ворчит, а я хихикаю, представляя, как Триш пытается обнять его.

После душа решаю собраться с духом, а потом уже выйти из ванной. Я знаю, я та еще трусиха, но мне нужно время, чтобы попрактиковаться в фальшивой улыбке для мамы Хардина. Это не совсем фальшивая улыбка... «И в этом-то частично и заключается вся проблема», – напоминает внутренний голос. Вчера я действительно хорошо провела время и выпалась за всю предыдущую неделю.

Почти идеально завив волосы, собираю все свои туалетные принадлежности в сумочку. Раздается легкий стук в дверь.

– Тесс? – зовет Хардин.

– Уже выхожу, – отвечаю я и открываю дверь. Он стоит, облокотившись о дверной проем; на нем длинные серые шорты и белая футболка.

– Не хочу тебя подгонять, но мне очень нужно в туалет.

Он слегка улыбается, и я киваю. Я стараюсь не замечать, как низко на бедрах сидят его шорты, из-за чего надпись, вытатуированная на боку, еще лучше видна сквозь белую ткань футболки.

– Сейчас соберусь и поеду, – говорю я.

Он отводит взгляд куда-то на стену.

– Хорошо.

Я возвращаюсь в спальню, чувствуя себя дико виноватой из-за того, что соврала его матери и теперь так поспешно уезжаю. Я знаю, как рада она была познакомиться со мной, а я беру и уезжаю на следующий же день.

Решаю надеть белое платье и достаю еще и старые черные колготки – без них я точно замерзну. Наверное, лучше было бы просто надеть джинсы и толстовку, но в этом платье я почему-то чувствую себя более уверенно, а уверенность мне сегодня пригодится. Я раскладываю вещи по сумкам и убираю вешалки назад в шкаф.

– Тебе помочь? – спрашивает Триш, подойдя сзади.

Я подпрыгиваю, выронив темно-синее платье, которое надевала в Сиэтле.

– Я просто... – бормочу я в ответ.

Она осматривает полупустой шкаф.

– Как долго думаешь пробыть дома у мамы?

– Ну... я... – Да, врать я точно не умею.

– Судя по всему, тебя долго не будет.

– Да... просто у меня немного одежды, – мямлю я.

– Я хотела спросить, не хочешь ли ты сходить по магазинам, пока я здесь, – может, если ты вернешься пораньше, мы сумеем выбраться?

Я не могу понять, поверила ли она мне или подозревает, что я вообще не собираюсь возвращаться.

– Да... конечно, – снова вру я.

– Мам... – тихо зовет Хардин, заходя в комнату.

Я замечаю, как он хмурится, глядя на опустевший шкаф, и надеюсь, что Триш не замечает выражения его лица.

– Заканчиваю собираться, – говорю я, и он кивает.

Я застегиваю последнюю сумку и смотрю на него, совершенно не представляя, что сказать.

– Я отнесу сумки в машину.

Он берет с комода мои ключи и выходит с вещами.

Когда он уходит, Триш подходит ко мне и обнимает за плечи.

– Я так рада, что познакомилась с тобой, Тесса! Ты даже не представляешь, как много это значит для матери – видеть своего сына таким.

– Каким? – с трудом выговариваю я.

– Счастливым, – отвечает она, и мои глаза начинают пощипывать от слез.

Если сейчас Хардин кажется ей счастливым, боюсь представить, каким она привыкла его видеть.

Я прощаюсь с Триш и готовлюсь переступить порог этой квартиры в последний раз.

– Тесса?

Я оборачиваюсь.

– Ты ведь вернешься к нему? – напрямую спрашивает меня мама Хардина, и мое сердце сжимается.

Я понимаю, что она имеет в виду нечто большее, чем просто возвращение после Рождества. Боюсь, что голос выдаст меня. Поэтому просто киваю и ухожу.

Стоя возле лифта, я вдруг разворачиваюсь и иду к лестнице, чтобы не столкнуться с Хардином. Я вытираю уголки глаз и делаю глубокий вдох, а затем выхожу на улицу, где все так же идет снег. Сажусь в машину и обнаруживаю, что лобовое стекло очищено, а двигатель уже работает.

Решаю не звонить матери с предупреждением, что еду. Сейчас я не в настроении с ней разговаривать. Я хочу использовать эту двухчасовую поездку, чтобы проветрить мозги. Мне

нужно мысленно составить список всех плюсов и минусов возобновления отношений с Хардином. Я знаю, как глупо с моей стороны вообще думать о таком – ведь он так ужасно поступил со мной. Он врал мне, он предал и унизил меня. Итак, в списке минусов у нас теперь есть ложь, те самые простыни, презерватив, спор, его характер, его друзья, Молли, его раздутое эго, его жизненная позиция и то, что он растоптал мою веру в него.

В списке плюсов имеется... ну... тот факт, что я его люблю. Что он делает меня счастливой, сильной, более уверенной. Что он обычно хочет лучшего для меня, если только сам не причиняет мне боль своим безрассудным поведением. Его смех и улыбка, его объятия, его поцелуи. То, как он меняется рядом со мной.

Я понимаю, что список плюсов состоит из мелких деталей – особенно мелких по сравнению с серьезными недостатками, – но ведь именно мелочи всегда более важны, правда? Не могу понять, как я вообще могла подумать о том, чтобы его простить, – то ли я сошла с ума, то ли следую зову сердца. Но к чему я должна прислушаться, когда дело касается любви, – к разуму или к чувствам?

Как бы я ни старалась, я не могу избегать его. Это у меня никогда не получалось.

Сейчас было бы кстати поговорить с другом или подругой, которые бывали в похожей ситуации. Я бы позвонила Стеф – но она тоже врала мне все это время. Я бы позвонила Лэндону, но он уже высказал свое мнение, да и женская точка зрения иногда оказывается более близкой, более понятной.

Идет сильный снег; иногда порывы ветра чувствуются даже в машине. Лучше бы я осталась в отеле – не понимаю, что заставило меня поехать. И все же, несмотря на пару опасных ситуаций на заснеженной трассе, я доезжаю быстрее, чем думала, и уже вижу перед собой мамин дом.

Я паркуюсь на аккуратно расчищенной подъездной дорожке и стучу в дверь три раза, прежде чем она наконец открывает дверь – в халате, с мокрыми волосами. Я могу по пальцам одной руки сосчитать, сколько раз за всю жизнь видела ее без прически и макияжа.

– Что ты тут делаешь? Почему ты не позвонила? – с порога, как всегда недружелюбно, спрашивает она.

Я захожу внутрь.

– Не знаю, всю дорогу шел снег, и я не хотела отвлекаться.

– Ты все равно должна была позвонить, чтобы я подготовилась.

– Тебе не нужно специально готовиться, это же просто я.

Она фыркает.

– Это не значит, что я должна выглядеть как неряха, Тесса, – говорит она так, будто намекает мне на то, как выгляжу я в последнее время.

Я едва не смеюсь в ответ на это нелепое замечание, но все же сдерживаюсь.

– Где твои вещи? – спрашивает мама.

– В машине, потом схожу за ними.

– Что это... за платье на тебе? – Она осматривает меня с ног до головы, и я улыбаюсь.

– Хожу в нем на работу. Оно мне очень нравится.

– Оно слишком уж открытое... но цвет приятный.

– Спасибо. Ну, как поживают Портеры? – спрашиваю я про семью Ноя, чтобы сменить тему.

– Все отлично. Скучают по тебе. – Заходя на кухню, она мимоходом добавляет: – Может, пригласить их сегодня вечером на ужин?

Съездившись от этой мысли, я иду за ней.

– Нет, это не лучшая идея.

Она смотрит на меня, потом наливает себе кофе.

– Почему?

– Не знаю... мне будет неловко.

– Тереза, ты знаешь Портеров уже много лет. Я буду рада, если они увидят тебя такой повзрослевшей – студенткой университета, которая к тому же получила стажировку.

– То есть ты хочешь похвастаться мной?

Эта мысль меня раздражает. Она хочет позвать их, просто чтобы чем-то похвалиться.

– Нет, я хочу показать им, чего ты добилась. Это вовсе не хвастовство, – отрезает она.

– Мне эта идея все равно не по душе.

– Ну, Тереза, это все же мой дом, и если я захочу пригласить их, то приглашу. Я приведу себя в порядок и скоро вернусь.

Эффектно развернувшись, мама уходит и оставляет меня одну на кухне.

Я закатываю глаза и иду в свою прежнюю спальню. Я устала и хочу полежать, пока она заканчивает свой долгий процесс наведения красоты.

– Тереза? – Меня будит голос матери. Я даже не помню, как заснула.

Я поднимаю голову от Будды, моего старого плюшевого слона, и сонным голосом кричу:

– Иду!

Я медленно поднимаюсь и, покачиваясь, иду по коридору. Когда я захожу в гостиную, то вижу, что на диване сидит Ной. Не весь семейный клан Портеров, которым угрожала мать, но это все равно заставляет меня быстро проснуться.

– Смотри-ка, кто пришел, пока ты дремала! – Она улыбается самой натянутой из всех ее улыбок.

– Привет, – здороваюсь я, а сама думаю: «Я же знала, что мне не следует сюда приезжать». Ной машет мне рукой.

– Привет, Тесса, отлично выглядишь.

Конечно, Ной меня ничуть не смущает – я отношусь к нему тепло, как к члену своей семьи. Но сейчас мне нужно отдохнуть от всего, что творится в моей жизни, и его присутствие только усиливает боль и чувство вины. Я знаю, что он тут ни при чем, и с моей стороны некрасиво просто игнорировать его, особенно учитывая, что он так спокойно принял мое решение уйти от него.

Мама выходит из комнаты, и я разубаюсь и усаживаюсь на диван напротив Ноя.

– Ну, как твои каникулы? – спрашивает он.

– Хорошо, а у тебя?

– Тоже. Твоя мама сказала, ты была в Сиэтле?

– Ага, там было здорово. Я ездила туда с начальником и двумя коллегами.

Он заинтересованно кивает.

– Как классно, Тесса! Я рад за тебя, очень рад, что ты работаешь в издательстве.

– Спасибо.

Я улыбаюсь. Разговор оказался не таким уж неловким, как я думала.

Мгновение спустя он переводит взгляд в ту сторону, куда пошла мама, и наклоняется поближе ко мне.

– Слушай, с самой субботы твоя мама такая напряженная. В смысле, сильнее, чем обычно. Как ты со всем этим справляешься?

Я удивленно нахмуриваю брови.

– Ты о чем?

– Ну, вся эта история с твоим отцом, – медленно говорит он, будто уверен, что я обо всем должна знать.

Что?

– С моим отцом?

– Она тебе не сказала? – Он снова смотрит в сторону коридора, где сейчас никого нет. – Вот как... ты только не говори, что я рассказал...

Не дав ему договорить, я вскакиваю и бегу к ее комнате.

Да что там, блин, такое с моим отцом? Я не видела и не слышала от него ничего уже восемь лет. Ной говорил таким серьезным тоном... Он что, умер? Я даже не знаю, какие чувства это вызывает у меня.

– Что там такое с отцом? – громко спрашиваю я, врываясь в ее комнату. Мама в изумлении смотрит на меня, но тут же успокаивается. – Ну? – кричу я.

Она закатывает глаза.

– Тесса, смени тон. Тебе не о чем, совершенно не о чем волноваться.

– Это не тебе решать. Скажи мне, в чем дело! Он умер?

– Умер? Нет-нет. Я бы сказала тебе про такое, – говорит она, будто не обращая внимания на то, как я взволнована.

– Тогда что?

Она вздыхает и молча смотрит на меня.

– Он вернулся. Живет неподалеку от тебя. Но он не собирается с тобой встречаться, не переживай. Я обо всем позаботилась.

– Да что все это вообще значит?

В моей голове уже не осталось места из-за всех этих событий с Хардином, а теперь мой отсутствовавший восемь лет отец возвращается в Вашингтон. Хотя, если подумать, я даже не знала, что он куда-то уезжал. Я лишь знала, что его не было рядом.

– Это ничего не значит. Я собиралась рассказать тебе, когда звонила в пятницу, но раз тебе было некогда взять трубку, я сама с этим разобралась.

Той ночью я слишком сильно напилась, чтобы отвечать на ее звонки, – и слава богу, что я не ответила. Едва ли я справилась бы с этой новостью в пьяном состоянии. Я и сейчас-то с трудом представляю, как мне все это вынести.

– Он не станет беспокоить тебя, так что убери со своего лица этот печальный взгляд и переоденься: поедem за покупками, – говорит она чересчур равнодушным тоном.

– Я не хочу ехать ни за какими покупками, мама. Для меня это, представь себе, серьезная новость.

– Ничего серьезного тут нет, – раздраженно и злобно отвечает она. – Его не было рядом много лет. И его не будет рядом, так что ничего не изменилось.

Она скрывается за дверцей шкафа, и я понимаю, что спорить нет смысла.

Возвращаюсь в гостиную, беру телефон и обуваюсь.

– Куда вы собираетесь? – спрашивает Ной.

– Откуда я знаю? – говорю я и выхожу на улицу, на морозный воздух.

Я потратила время, чтобы приехать сюда, провела два часа за рулем на заснеженной дороге, а она ведет себя со мной как ведьма... Нет, как стерва. Настоящая стерва. Рукой я стряхиваю снег с лобового стекла – дурацкая идея, потому что мне становится еще холоднее. Забравшись внутрь, я чувствую, как стучат зубы; завожу машину и жду, пока она немного прогреется.

Я еду и кричу, обзывая свою мать самыми мерзкими словами, какие только могу вспомнить. Слегка охрипнув, я пытаюсь придумать, что мне делать дальше, но мои мысли переполняют воспоминания об отце, и я не могу ни на чем сконцентрироваться. По щекам текут слезы, и я хватаю телефон, который лежит рядом, на пассажирском сиденье.

Через пару секунд слышу голос Хардина, пробивающийся сквозь маленький динамик.

– Тесс? Все в порядке?

– Да... – говорю я, но голос выдает меня, и я давлюсь собственным всхлипом.

– Что случилось? Что она сделала?

– Она... Можно, я вернусь? – спрашиваю я, и он облегченно выдыхает.

– Конечно, детка... в смысле, Тесса, – исправляет он, но я понимаю, что мне было приятно услышать первый вариант.

– Ты далеко? – спрашивает он.

– Еще минут двадцать, – сквозь слезы говорю я.

– Хорошо, мне поговорить с тобой, пока ты едешь?

– Не надо... снег очень сильный, – объясняю я и нажимаю отбой.

Мне вообще не следовало уезжать. Смешно: в такой момент я обращаюсь к Хардину несмотря на все, что он сделал.

Прошло достаточно много времени, прежде чем я доехала до его дома, однако я по-прежнему плачу. Я стараюсь привести себя в приличный вид, но макияж растекся по всему лицу. Выхожу из машины и вижу, что Хардин стоит у входа, весь в снегу. Не задумываясь, бегу к нему и обнимаю. Вероятно, удивленный моим внезапным проявлением эмоций, он отступает назад, но затем тоже обнимает меня и крепко держит, пока я плачу, уткнувшись в его мокрую от снега толстовку.

Глава 28

ХАРДИН

Кажется, прошла целая вечность после того, когда я обнимал ее последний раз, – и это так прекрасно, что я даже не могу подобрать слов. Когда я заключаю ее в объятия, все тело расслабляется, – я не думал, что дождусь этого. В последнее время она была такой далекой, такой холодной. Я не виню ее, но мне было чертовски больно.

– Все хорошо? – спрашиваю я, уткнувшись в ее волосы.

Я чувствую, как она кивает, но продолжает плакать. Я понимаю, что ей плохо. Ее мать наверняка наговорила ей всяких гадостей. Я знал, что это случится, и, если честно, мое ревнивое «я» радуется – что бы она там ни натворила. Я рад не тому, что мать обидела Тессу, а тому, что моя девочка вернулась ко мне в поисках утешения.

– Идем внутрь, – говорю я.

Она кивает, но не отпускает меня, так что я сам убираю ее руки, и мы заходим в дом. Ее прекрасное лицо испачкано темными потеками туши, а глаза и губы опухли от слез. Надеюсь, она не проплакала всю дорогу.

Как только мы заходим в холл, я снимаю с себя шарф и обматываю им ее голову и уши, будто накрываю мягким сиреневым капюшоном. Наверное, она замерзла в одном платье. Это платье... обычно я начал бы представлять, как снимаю с нее эту тонкую ткань. Но не сегодня, не сейчас, когда она в таком состоянии.

Она безумно мило икает и натягивает шарф. Сбоку торчат светлые волосы, отчего она выглядит еще более юной, чем обычно.

– Хочешь поговорить об этом? – спрашиваю я, пока мы выходим из лифта и идем к нашей... то есть к квартире.

Она кивает, и я открываю дверь. Мама сидит на диване; выражение ее лица становится еще более обеспокоенным, когда она видит, как сейчас выглядит Тесса. Я кидаю на нее предупредительный взгляд в надежде, что она вспомнит о своем обещании не заваливать Тессу вопросами о том, почему она вернулась. Мама отводит взгляд и смотрит в сторону телевизора, изображая безразличие.

– Мы пойдем поговорим в комнате, – говорю я, и мама кивает в ответ.

Я знаю, что она сходит с ума от невозможности пообщаться сейчас с ней, но от ее любопытства Тессе станет только хуже.

По пути в спальню я останавливаюсь в коридоре и включаю термостат на полную – вижу, как сильно она замерзла. Когда я захожу в комнату, Тесса сидит на краю кровати. Не представляя, насколько близко она меня подпустит, жду, пока она заговорит.

– Хардин? – Ее голос звучит слабо и хрипло, а значит, она действительно проплакала всю дорогу от самого дома, и я начинаю еще больше за нее волноваться.

Подхожу, и, к моему удивлению, она хватает меня за футболку и тянет к себе так, что я оказываюсь прямо перед ней, между ее ног. Это еще серьезнее, чем все, что вывалила на нее мать.

– Тесс... что она натворила? – спрашиваю я.

И она опять начинает плакать, отчего слезы вперемешку с тушью каплют на мою белую футболку. Мне на это пофиг; испачканная футболка хотя бы будет напоминать о ней, когда она снова уйдет.

– Мой отец... – хрипло выдавливает она, и я замираю на месте.

– Твой отец? – Если он был там... – Тесса, он был там? Он что-то с тобой сделал? – спрашиваю я, стиснув зубы.

Она качает головой, и я протягиваю руку, чтобы приподнять ее подбородок и заставить ее посмотреть на меня. Она никогда не молчит, даже если расстроена. Наоборот, в таком состоянии она еще более разговорчива.

– Он вернулся, а я даже не знала, что он уезжал. То есть я догадывалась, но никогда об этом не думала. Я никогда не думала о нем.

Мой голос звучит не так ровно, как мне хотелось бы, когда я спрашиваю:

– Ты разговаривала с ним сегодня?

– Нет, но она говорила с ним. Она сказала, что он не станет искать со мной встречи, но я не хочу, чтобы она принимала за меня это решение.

– Ты хочешь с ним увидеться?

Об этом мужчине она рассказывала мне только неприятные вещи. Он был жесток и часто поднимал руку на ее мать у нее на глазах. И она хочет встретиться с ним?

– Нет... ну, я даже не знаю. Но я хочу сама решить. – Она вытирает глаза тыльной стороной ладони. – Не то чтобы он вообще захочет меня увидеть...

Меня охватывает инстинктивное желание выследить этого человека и убедиться в том, что он никогда к ней не приблизится, но я затыкаю себя прежде, чем успею ляпнуть какую-нибудь глупость.

– Я не могу выбросить из головы мысль о том, что вдруг он такой же, как твой отец?

– В каком смысле?

– Вдруг он изменился? Может, он бросил пить?

Надежда в ее голосе разбивает мне сердце... ну, или то, что от него осталось.

– Не знаю... такое редко случается, – честно отвечаю я. Я вижу, как опускаются уголки ее рта, поэтому добавляю: – Но все же случается. Может, он изменился... – Я в это не верю, но какое я имею право убивать ее надежду? – Я не знал, что ты думаешь о нем.

– Не думаю... точнее, не думала. Я просто злюсь из-за того, что мама скрывала это от меня... – говорит она, а затем, прерываясь на то, чтобы вытереть нос и лицо о мою футболку, рассказывает мне все остальное.

Только мать Тессы могла рассказать дочери о возвращении бывшего мужа-алкоголика, а потом сразу же предложить поехать за покупками. Я ничего не сказал по поводу того, что к ним приходил Ной, хотя это меня ужасно бесит. Этот парень никак от нее не отцепится.

Наконец, немного успокоившись, она поднимает взгляд. Кажется, она выглядит лучше по сравнению с тем, какой я увидел ее на парковке перед домом, и мне хочется думать, что это потому, что она здесь, со мной.

– Ничего, что я приехала? – спрашивает она.

– Конечно... все нормально. Можешь оставаться сколько захочешь. Это же твоя квартира, в конце концов.

Я пытаюсь улыбнуться, и, к моему удивлению, она тоже улыбается в ответ, а затем снова вытирает нос моей футболкой.

– На следующей неделе мне должны дать комнату в общежитии.

Я молча киваю, потому что если я заговорю, то все закончится тем, что я буду снова умолять ее не бросать меня – в очередной раз.

Глава 29

ТЕССА

Отправляюсь в ванную, чтобы смыть макияж и попытаться успокоиться. Теплая вода смывает все следы насыщенного событиями утра, и я понимаю, что была рада вернуться. Несмотря на все что случилось между мной и Хардином, приятно осознавать, что я могу обратиться к нему за помощью. Помню, как однажды он сказал мне: «Я – единственное, что неизменно в твоей жизни». Интересно, насколько искренними были его слова.

Даже если тогда он говорил не вполне искренне, я уверена, что сейчас он ощущает себя именно так. Жаль, он не хочет сказать мне о том, что он чувствует. Его вчерашний срыв – это самое серьезное проявление эмоций, которое я видела за все время, что мы вместе. Но я хочу услышать, какие слова скрываются за этими слезами.

Я возвращаюсь в спальню и вижу Хардина: он ставит на пол мои сумки.

– Сходил за твоими вещами, – говорит он.

– Спасибо. Надеюсь, я не слишком тебе помешала.

Я наклоняюсь, чтобы достать футболку и спортивные штаны. Хочу поскорее снять платье.

– Я хочу, чтобы ты была здесь, – разве ты этого не знаешь? – спокойно отвечает он. Я пожимаю плечами, и он хмурится. – Пора бы уже это понять, Тесс.

– Я понимаю... Просто твоя мама приехала навестить тебя, а тут заявила я со своей истерикой, – объясняю я.

– Мама рада, что ты здесь, и я тоже.

В груди все сжимается, но я меняю тему:

– У вас есть какие-нибудь планы на сегодня?

– Кажется, мама хотела поехать в торговый центр или что-то вроде того, но мы можем отложить это на завтра.

– Езжайте, я найду чем заняться.

Не хочу, чтобы они отменяли свои планы, – он не виделся с мамой больше года.

– Нет, ничего страшного, правда. Тебе не надо оставаться одной.

– Все в порядке.

– Тесса, я же сказал тебе! – сердито говорит он, и я поднимаю на него взгляд.

Кажется, он забыл, что больше ничего за меня не решает. Никто за меня не решает.

Он успокаивается и извиняется.

– Прости... оставайся дома. А я поеду с ней по магазинам.

– Уже лучше, – отвечаю я и сдерживаю улыбку.

В последние дни Хардин был таким милым, таким... напуганным. Пусть он и был не прав, так резко настаивая на своем, было приятно увидеть, что он по-прежнему остается собой.

Я подхожу к шкафу, чтобы переодеться, и как только начинаю снимать платье, он стучит в дверь.

– Тесс?

– Да? – отзываюсь я.

Выдержав небольшую паузу, он спрашивает:

– Ты ведь будешь здесь, когда мы вернемся?

Я с ухмылкой отвечаю:

– Ну да. Идти-то мне некуда.

– Хорошо. Если тебе что-нибудь понадобится, позвони, – говорит он с явной горечью.

Пару минут спустя я слышу, как закрывается входная дверь, и выхожу из комнаты. Наверное, мне лучше было поехать с ними, чтобы не оставаться наедине со своими мыслями. Я уже чувствую себя одиноко. После часа перед телевизором мне становится скучно. Периодически звонит телефон – на экране высвечивается «Мама». Я не отвечаю и хочу только, чтобы Хардин поскорее вернулся. Достая электронную книгу и начинаю читать, чтобы убить время, но все равно постоянно смотрю на часы.

Я подумываю написать Хардину и спросить, когда они вернутся, но вместо этого решаю занять себя приготовлением ужина. Отправляюсь на кухню, размышляя, что бы такое сделать – простое, но занимающее много времени. Пусть будет лазанья.

Вскоре на часах уже восемь, потом половина девятого, и в девять я снова начинаю думать о том, что надо отправить ему сообщение.

Да что, блин, со мной не так? Одна ссора с матерью – и я уже липну к Хардину? Если уж начистоту, то на самом деле я от него и не отлипала. Хотя признавать это очень не хочется, я понимаю, что не готова жить дальше без Хардина. Я не собираюсь снова бросаться в омут с головой, но я уже устала бороться со своими чувствами к нему. Да, он поступил со мной ужасно, но без него я чувствую себя еще более несчастной, чем когда узнала о том споре. Какая-то часть меня злится из-за того, что мне настолько не хватает силы воли, но другая не может не осознать, что, вернувшись сюда, я почувствовала себя очень уверенно. Мне еще нужно время все обдумать, увидеть, как мы будем вести себя друг с другом. Я по-прежнему сбита с толку.

Пятнадцать минут десятого. Только пятнадцать минут десятого, а я уже заканчиваю накрывать на стол и убирать беспорядок, который я устроила на кухне. Я все же напишу ему, всего одну эсэмэску, например «Ну, как успехи?», чтобы узнать, где они. На улице идет снег, так что я напишу, просто потому что волнуюсь.

Как только я беру телефон, открывается дверь, и заходят Хардин и его мама. Незаметно убираю мобильный.

– Ну что, как прошел шопинг? – спрашиваю я, а он одновременно со мной говорит:

– Ты приготовила ужин?

– Сначала ты, – в один голос говорим мы и смеемся.

Я поднимаю руку и говорю первая:

– Да, я приготовила ужин. Но если вы уже поели, то ничего страшного.

– Пахнет очень вкусно! – говорит его мама, разглядывая приготовленное блюдо.

Она тут же бросает свои сумки и садится за накрытый стол.

– Спасибо, Тесса, как мило. В торговом центре было ужасно: полно народу, все спешат купить подарки перед Рождеством. Неужели кто-то выбирает подарки всего за два дня до праздника?

– Ну, вообще-то ты, – замечает Хардин, наливая себе стакан воды.

– Эй, полегче, – бурчит она и откусывает хлебную палочку.

Хардин садится рядом с мамой, а я – напротив нее. За ужином Триш рассказывает про все ужасы сегодняшнего шопинга и про то, как охранник схватил какого-то мужчину, когда тот пытался украсть платье из «Мейси». Хардин утверждает, что мужик подбирал платье себе, а Триш закатывает глаза и продолжает обсуждать это странное происшествие. Понимаю, что приготовленная мной лазанья получилась очень даже неплохой – лучше, чем обычно, – и втроем мы съедаем ее почти полностью. Я съела целых две порции – весь день крошки во рту не было, но больше такое голодание не повторится.

– Кстати, мы купили елку, – вдруг сообщает его мама. – Небольшую, но у вас в квартире обязательно должна быть елка, тем более это ваше первое Рождество вместе! – Она хлопает в ладоши, и я улыбаюсь.

Даже до того, как все пошло прахом, мы с Хардином не говорили о том, что нужно купить новогоднюю елку. Я была так занята переездом и, как обычно, самим Хардином, что едва не забыла о наступающих праздниках. День благодарения нас не особо воодушевлял: его – по понятным причинам, а меня из-за нежелания идти с матерью в церковь, так что мы просто заказали пиццу и посидели у меня в общежитии.

– Ты ведь не против? – спрашивает Триш; судя по всему, я так ничего и не сказала в ответ.

– Конечно, нет, это здорово, – говорю я и смотрю на Хардина, тот уставился в свою пустую тарелку.

Триш снова подхватывает беседу, за что я ей благодарна. Через пару минут она говорит:

– Что ж, как бы мне ни хотелось еще побыть с вами, полуночниками, я все же должна лечь до двенадцати – иначе буду выглядеть ужасно.

Снова поблагодарив меня за ужин и поставив тарелку в раковину, она желает нам спокойной ночи, а затем наклоняется, чтобы поцеловать Хардина в щеку. Он недовольно бурчит и уклоняется, так что ее губы едва касаются его кожи, но она, похоже, рада даже этому. Она обнимает меня за плечи и целует в макушку. Хардин закатывает глаза, а я пинаю его под столом. Когда она уходит, я встаю и убираю оставшиеся кусочки лазаньи.

– Спасибо за ужин. Хотя необязательно было утруждать себя, – говорит Хардин, и я киваю в ответ, а потом мы оба идем в спальню.

– Сегодня я могу лечь на полу, раз ты спал там прошлой ночью, – предлагаю я, хотя точно знаю, что он не согласится.

– Нет, все в порядке. На полу не так уж плохо.

Сажусь на кровать, а Хардин достает из шкафа одеяла и стелет их на пол. Я бросаю ему две подушки, и он улыбается в ответ, а потом начинает расстегивать джинсы. Ну, я точно должна отвернуться. Мне не совсем этого хочется, но я знаю, что должна. Он стягивает свои черные джинсы. Когда он наклоняется и мышцы на его изукрашенном татуировками торсе напрягаются, я не могу заставить себя отвести взгляд – это напоминает мне о том, как меня тянет к нему, несмотря на весь мой гнев. Черные «боксеры» плотно прилегают к телу. Неожиданно Хардин поднимает голову и смотрит на меня. Его серьезный, внимательный взгляд еще больше меня завораживает. У него такая четкая линия подбородка, такая притягательная! Он продолжает смотреть.

– Извини, – говорю я и отворачиваюсь, чувствуя, как краснею.

– Нет, это ты извини. Наверное, привычка. – Он пожимает плечами и достает из комода пижамные штаны.

Я все так же смотрю в стену, пока он не желает мне спокойной ночи и не выключает свет. Я почти чувствую ухмылку в его голосе.

Просыпаюсь от какого-то резкого звука; даже в темноте вижу, как на потолке крутятся лопасти вентилятора.

Затем я слышу это снова. Голос Хардина.

– Нет! Не надо! – стонет он.

Черт, у него опять кошмары! Я выскакиваю из кровати и опускаюсь на колени рядом с ним – он дрожит во сне.

– Нет! – повторяет он, на этот раз еще громче.

– Хардин! Хардин, проснись! – говорю я ему прямо на ухо и трясую за плечи.

Его футболка мокрая от пота, а на лице – боль. Он открывает глаза и тут же поднимается.

– Тесс... – выдыхает он и обнимает меня.

Я осторожно глажу его по волосам, а потом по спине, едва касаясь его кожи ногтями.

– Все в порядке, – говорю я ему снова и снова, а он обнимает меня все крепче. – Вставай, идем в кровать. – Я поднимаюсь, и он, хватаясь за мою футболку, забирается со мной в постель.

– Ты как? – спрашиваю я, когда он ложится.

В ответ он кивает, и я притягиваю его ближе к себе.

– Можешь принести мне воды? – просит он.

– Конечно. Сейчас принесу.

Я зажигаю лампу и выбираюсь из кровати, стараясь идти как можно тише, чтобы не разбудить Триш. Но когда я захожу на кухню, она уже там.

– С ним все в порядке? – спрашивает она.

– Уже да. Просто попросил воды, – отвечаю я и наливаю стакан.

Когда я оборачиваюсь, она притягивает меня к себе и целует в щеку.

– Мы можем завтра поговорить? – просит она.

Вдруг я чувствую, что не могу проронить ни слова из-за своего беспокойства, поэтому просто киваю, отчего она улыбается, хотя когда я ухожу, то слышу, как Триш всхлипывает.

Вернувшись в спальню, я понимаю, что, увидев меня, Хардин немного успокоился. Он берет стакан и благодарит. Выпивает всю воду, и я ложусь в кровать рядом с ним. Я вижу, как ему неловко – в основном из-за кошмара, но в какой-то мере и из-за меня.

– Иди сюда, – говорю я, и с облегченным вздохом он спешит обнять меня, а я кладу голову ему на грудь.

Меня это успокаивает – так же, как, думаю, и его. Несмотря на все что он сделал, в объятиях этого небезупречного мальчишки я чувствую себя уютно.

– Не отпускай меня, Тесса, – шепчет он и закрывает глаза.

Глава 30

ТЕССА

Я просыпаюсь в поту. Хардин лежит головой у меня на животе, обняв меня своей медвежьей хваткой. Его руки наверняка уже онемели под весом моего тела. Его ноги переплелись с моими, и он слегка храпит.

Сделав глубокий вдох, я осторожно убираю с его лба густые волосы. Такое чувство, что я так долго не касалась его волос, но на самом деле – лишь с прошлой субботы. Я прокручиваю в голове все, что случилось в Сиэтле, и поглаживаю пальцами его взъерошенную голову.

Он вдруг открывает глаза, и я быстро убираю руку.

– Извини, – говорю я, смутившись, словно меня поймали с поличным.

– Вообще-то было приятно, – сонным голосом отвечает он.

Еще немного полежав – я чувствую его дыхание на своей коже, – он поднимается, слишком скоро, и я жалею, что начала гладить его по волосам. Если бы я этого не сделала, он все еще лежал бы, обняв меня.

– У меня сегодня кое-какие дела на работе, так что я ненадолго уеду в город, – сообщает он и достает из шкафа свои черные джинсы, а затем быстро обувается. Такое чувство, что он хочет побыстрее сбежать отсюда.

– Ладно...

В чем дело? Я думала, он будет рад тому, что впервые за неделю мы спали в одной постели в объятиях друг друга. Я думала, что-то изменится – не в смысле грандиозной перемены, – но я считала, он почувствует, что я немного смягчилась, что стала на несколько шагов ближе к примирению.

– Хорошо... – говорит он, подергивая кольцо в брови, а потом снимает белую футболку и вместо нее достает из комода черную.

Хардин молча выходит из комнаты, что снова меня озадачивает. Я всего могла ожидать, но только не того, что он вот так убежит. Какие у него сейчас могут быть дела? Как и я, он читает рукописи, только ему намного чаще позволяют работать из дома, так зачем же ему куда-то сегодня так спешить? Вспомнив, чем занимался Хардин в последний раз, когда сказал, что у него есть «дела», я чувствую, как все внутри у меня сжимается.

Я слышу его краткий разговор с матерью, а потом – как открывается и закрывается дверь. Я откидываюсь назад на подушки и по-детски недовольно топаю ногами по кровати. Но, почувствовав зов кофе, я наконец выбираюсь из постели и топаю на кухню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.